

Том 4. Поэмы 1855-1877

Николай Алексеевич Некрасов

Аннотация
Николай Алексеевич Некрасов. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 4. Поэмы 1855-1877
В.Г. Белинский
Саша
«Несчастные»
Тишина
Коробейники
  I
  II
  III
  IV
  V
  VI
Мороз, красный нос
  Часть первая. Смерть крестьянина
  Часть вторая. Мороз, красный нос
Дедушка
Русские женщины
  Княгиня Трубецкая
    Часть первая
    Часть вторая

Княгиня М.Н. Волконская
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Современники
Часть первая. Юбиляры и триумфаторы
Часть вторая. Герои времени
Из поэмы «Мать»
Комментарии

Аннотация

В соответствии с жанровым принципом, который положен в основу распределения произведений Некрасова по томам в настоящем собрании сочинений, в четвертом томе помещены поэмы. Исключение составляет крупнейшая поэма Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», для которой отведен отдельный, пятый том.

В данной электронной редакции опущен раздел «Другие редакции и варианты».

http://ruslit.traumlibrary.net

Николай Алексеевич Некрасов
Собрание сочинений в пятнадцати томах
Том 4. Поэмы 1855-1877

В.Г. Белинский*

В одном из переулков дальных
Среди друзей своих печальных
Поэт в подвале умирал
И перед смертью им сказал:

«Как я, назад тому семь лет
Другой бедняк покинул свет,
Таким же сокрушён недугом.
Я был его ближайшим другом
И братом по судьбе. Мы шли
Одной тернистою дорогой
И пересилить не могли
Судьбы, — равно к обоим строгой.
Он честно истине служил,
Он духом был смелей и чище,
Зато и раньше проложил
Себе дорогу на кладбище…
А ныне очередь моя…
Его я пережил не много;
Я сделал мало, волей бога

Погибла даром жизнь моя,
Мои страданья были люты,
Но многих был я сам виной;
Теперь, в последние минуты,
Хочу я долг исполнить мой,
Хочу сказать о бедном друге
Всё, что я видел, что я знал,
И что в мучительном недуге
Он честным людям завещал…

Родился он почти плебеем
(Что мы бесславьем разумеем,
Что он иначе понимал).
Его отец был лекарь жалкий,
Он только пить любил, да палкой
К ученью сына поощрял.
Процесс развития — в России
Не чуждый многим — проходя,
Книжонки дельные, пустые
Читало с жадностью дитя,
Притом, как водится, украдкой…
Тоска мечтательности сладкой
Им овладела с малых лет…

Какой прозаик иль поэт
Помог душе его развиться,
К добру и славе прилепиться —
Не знаю я. Но в нём кипел
Родник богатых сил природных —
Источник мыслей благородных
И честных, бескорыстных дел!..

С кончиной лекаря, на свете
Остался он убог и мал;
Попал в Москву, учиться стал
В Московском университете;
Но выгнан был, не доказав
Каких-то о рожденье прав,
Не удостоенный патентом, —
И оставался целый век
Недоучившимся студентом.
(Один учёный человек
Колол его неоднократно
Таким прозванием печатно,
Но, впрочем, Бог ему судья!..)
Бедняк, терпя нужду и горе,
В подвале жил — и начал вскоре

Писать в журналах. Помню я:
Писал он много… Мыслью новой,
Стремленьем к истине суровой
Горячий труд его дышал, —
Его заметили… В ту пору
Пришла охота прожектёру,
Который барышей желал,
Обширный основать журнал…
Вникая в дело неглубоко,
Искал он одного, чтоб тот,
Кто место главное займёт,
Писал разборчиво — и срока
В доставке своего труда
Не нарушал бы никогда.
Белинский как-то с ним списался
И жить на Север перебрался…

Тогда всё глухо и мертво
В литературе нашей было:
Скончался Пушкин; без него
Любовь к ней в публике остыла…
В боренье пошлых мелочей
Она, погрязнув, поглупела…

До общества, до жизни ей
Как будто не было и дела.
В то время как в родном краю
Открыто зло торжествовало,
Ему лишь „баюшки-баю“
Литература распевала.
Ничья могучая рука
Её не направляла к цели;
Лишь два задорных поляка
На первом плане в ней шумели.
Уж новый гений подымал
Тогда главу свою меж нами,
Но он один изнемогал,
Тесним бесстыдными врагами;
К нему под знамя приносил
Запас идей, надежд и сил
Кружок ещё несмелый, тесный…
Потребность сильная была
В могучем слове правды честной,
В открытом обличенье зла…

И он пришёл, плебей безвестный!..
Не пощадил он ни льстецов,

Ни подлецов, ни идиотов,
Ни в маске жарких патриотов
Благонамеренных воров!
Он все предания проверил,
Без ложного стыда измерил
Всю бездну дикости и зла,
Куда, заснув под говор лести,
В забвенье истины и чести,
Отчизна бедная зашла!
Он расточал ей укоризны
За рабство — вековой недуг, —
И прокричал врагом отчизны
Его — отчизны ложный друг.
Над ним уж тучи собирались,
Враги шумели, ополчались.
Но дикий вопль клеветника
Не помешал ему пока…
В нём силы пуще разгорались,
И между тем как перед ним
Его соратники редели,
Смирялись, пятились, немели,
Он шёл один неколебим!..

О! сколько есть душой свободных
Сынов у родины моей,
Великодушных, благородных
И неподкупно верных ей,
Кто в человеке брата видит,
Кто зло клеймит и ненавидит,
Чей светел ум и ясен взгляд,
Кому рассудок не теснят
Преданья ржавые оковы, —
Не все ль они признать готовы
Его учителем своим?..

Судьбой и случаем храним,
Трудился долго он — и много
(Конечно, не без воли Бога)
Сказать полезного успел
И может быть бы уцелел…
Но поднялась тогда тревога
В Париже буйном — и у нас
По-своему отозвалась…
Скрутили бедную цензуру —
Послушав, наконец, клевет,
И разбирать литературу

Созвали целый комитет.
По счастью, в нём сидели люди
Честней, чем был из них один,
Палач науки Бутурлин.
Который, не жалея груди,
Беснуясь, повторял одно:
„Закройте университеты,
И будет зло пресечено!..“
(О муж бессмертный! не воспеты
Ещё никем твои слова,
Но твёрдо помнит их молва!
Пусть червь тебя могильный гложет,
Но сей совет тебе поможет
В потомство перейти верней,
Чем том истории твоей...)

Почти полгода нас судили,
Читали, справки наводили —
И не остался прав никто...
Как быть! спасибо и за то,
Что не был суд бесчеловечен...
Настала грустная пора,
И честный сеятель добра

Как враг отчизны был отмечен;
За ним следили, и тюрьму
Враги пророчили ему…
Но тут услужливо могила
Ему объятья растворила:
Замучен жизнью трудовой
И постоянной нищетой,
Он умер… Помянуть печатно
Его не смели… Так о нём
Слабеет память с каждым днём
И скоро сгибнет невозвратно!..»

Поэт умолк. А через день
Скончался он. Друзья сложились
И над усопшим согласились
Поставить памятник, но лень
Исполнить помешала вскоре
Благое дело, а потом
Могила заросла кругом:
Не сыщешь… Не велико горе!
Живой печётся о живом,
А мёртвый спи глубоким сном…

Первая половина 1855

Саша*

1

Словно как мать над сыновней моги-
лой,
Стонет кулик над равниной унылой,

Пахарь ли песню вдали запоёт —
Долгая песня за сердце берёт;

Лес ли начнётся — сосна да осина…
Невесела ты, родная картина!

Что же молчит мой озлобленный ум?..
Сладок мне леса знакомого шум,

Любо мне видеть знакомую ниву —
Дам же я волю благому порыву

И на родимую землю мою
Все накипевшие слёзы пролью!

Злобою сердце питаться устало —
Много в ней правды, да радости мало;

Спящих в могилах виновных теней
Не разбужу я враждою моей.

Родина-мать! я душою смирился,
Любящим сыном к тебе воротился.

Сколько б на нивах бесплодных твоих
Даром не сгинуло сил молодых,

Сколько бы ранней тоски и печали
Вечные бури твои ни нагнали

На боязливую душу мою —
Я побеждён пред тобою стою!

Силу сломили могучие страсти,
Гордую волю погнули напасти,

И про убитую Музу мою
Я похоронные песни пою.

Перед тобою мне плакать не стыдно,
Ласку твою мне принять не обидно —

Дай мне отраду объятий родных,
Дай мне забвенье страданий моих!

Жизнью измят я… и скоро я сгину…
Мать не враждебна и к блудному сыну:

Только что я ей объятья раскрыл —
Хлынули слёзы, прибавилось сил.

Чудо свершилось: убогая нива
Вдруг просветлела, пышна и красива,

Ласковей машет вершинами лес,
Солнце приветливей смотрит с небес.

Весело въехал я в дом тот угрюмый,
Что, осенив сокрушительной думой,

Некогда стих мне суровый внушил…
Как он печален, запущен и хил!

Скучно в нём будет. Нет, лучше поеду,
Благо не поздно, теперь же к соседу

И поселюсь среди мирной семьи.
Славные люди — соседи мои,

Славные люди! Радушье их честно,
Лесть им противна, а спесь неизвестна.

Как-то они доживают свой век?
Он уже дряхлый, седой человек,

Да и старушка немногим моложе.

Весело будет увидеть мне тоже
Сашу, их дочь… Недалёко их дом.
Всё ли застану по-прежнему в нём?

2

Добрые люди, спокойно вы жили,
Милую дочь свою нежно любили.

Дико росла, как цветок полевой,
Смуглая Саша в деревне степной.

Всем окружив её тихое детство,
Что позволяли убогие средства,

Только развить воспитаньем, увы!
Эту головку не думали вы.

Книги ребёнку — напрасная мука,
Ум деревенский пугает наука;

Но сохраняется дольше в глуши
Первоначальная ясность души,

Рдеет румянец и ярче и краше…
Мило и молодо дитятко ваше, —

Бегает живо, горит, как алмаз,

Чёрный и влажный смеющийся глаз,

Щёки румяны, и полны, и смуглы,
Брови так тонки, а плечи так круглы!

Саша не знает забот и страстей,
А уж шестнадцать исполнилось ей...

Выспится Саша, поднимется рано,
Чёрные косы завяжет у стана

И убежит, и в просторе полей
Сладко и вольно так дышится ей.

Та ли, другая пред нею дорожка —
Смело ей вверится бойкая ножка;

Да и чего побоится она?..
Всё так спокойно; кругом тишина,

Сосны вершинами машут приветно, —
Кажется, шепчут, струясь незаметно,

Волны над сводом зелёных ветвей:
«Путник усталый! бросайся скорей

В наши объятья: мы добры и рады
Дать тебе, сколько ты хочешь, прохлады».

Полем идёшь — всё цветы да цветы,
В небо глядишь — с голубой высоты

Солнце смеётся... Ликует природа!
Всюду приволье, покой и свобода;

Только у мельницы злится река:
Нет ей простора... неволя горька!

Бедная! как она вырваться хочет!
Брызжется пеной, бурлит и клокочет,

Но не прорвать ей плотины своей.
«Не суждена, видно, волюшка ей, —

Думает Саша, — безумно роптанье...»
Жизни кругом разлитой ликованье

Саше порукой, что милостив бог...
Саша не знает сомненья тревог.

Вот по распаханной, чёрной поляне,
Землю взрывая, бредут поселяне —

Саша в них видит довольных судьбой
Мирных хранителей жизни простой:

Знает она, что недаром с любовью
Землю польют они потом и кровью...

Весело видеть семью поселян,
В землю бросающих горсти семян;

Дорого-любо, кормилица-нива!
Видеть, как ты колосишься красиво,

Как ты, янтарным зерном налита
Гордо стоишь высока и густа!

Но веселей нет поры обмолота:
Лёгкая дружно спорится работа;

Вторит ей эхо лесов и полей,
Словно кричит: «Поскорей! поскорей!»

Звук благодатный! Кого он разбудит,
Верно весь день тому весело будет!

Саша проснётся — бежит на гумно.
Солнышка нет — ни светло, ни темно,

Только что шумное стадо прогнали.
Как на подмёрзлой грязи натоптали

Лошади, овцы!.. Парным молоком
В воздухе пахнет. Мотая хвостом,

За нагружённой снопами телегой
Чинно идёт жеребёночек пегой,

Пар из отворенной риги валит,
Кто-то в огне там у печки сидит.

А на гумне только руки мелькают
Да высоко молотила взлетают,

Не успевает улечься их тень.
Солнце взошло — начинается день…

Саша сбирала цветы полевые,
С детства любимые, сердцу родные,

Каждую травку соседних полей
Знала по имени. Нравилось ей

В пёстром смешении звуков знакомых
Птиц различать, узнавать насекомых.

Время к полудню, а Саши всё нет.
«Где же ты, Саша? простынет обед,

Сашенька! Саша!..» С желтеющей нивы
Слышатся песни простой переливы;

Вот раздалося «ау!» вдалеке;
Вот над колосьями в синем венке

Чёрная быстро мелькнула головка…
«Вишь ты, куда забежала, плутовка!

Э!.. да никак колосистую рожь
Переросла наша дочка!» — Так что ж? —

«Что? ничего! понимай как умеешь!
Что теперь надо, сама разумеешь:

Спелому колосу — серп удалой,
Девице взрослой — жених молодой!»

— Вот ещё выдумал, старый проказник! —
«Думай не думай, а будет нам праздник!»

Так рассуждая, идут старики
Саше навстречу; в кустах у реки

Смирно присядут, подкрадутся ловко,
С криком внезапным: «Попалась, плутовка!» —

Сашу поймают и весело им
Свидеться с дитятком бойким своим…

В зимние сумерки нянины сказки
Саша любила. Поутру в салазки

Саша садилась, летела стрелой,

Полная счастья, с горы ледяной.

Няня кричит: «Не убейся, родная!»
Саша, салазки свои погоняя,

Весело мчится. На полном бегу
Набок салазки — и Саша в снегу!

Выбьются косы, растреплется шубка —
Снег отряхает, смеётся, голубка!

Не до ворчанья и няне седой:
Любит она её смех молодой...

Саше случалось знавать и печали:
Плакала Саша, как лес вырубали,

Ей и теперь его жалко до слёз.
Сколько тут было кудрявых берёз!

Там из-за старой, нахмуренной ели
Красные грозды калины глядели,

Там поднимался дубок молодой.
Птицы царили в вершине лесной,

Понизу всякие звери таились.
Вдруг мужики с топорами явились —

Лес зазвенел, застонал, затрещал.
Заяц послушал — и вон побежал,

В тёмную нору забилась лисица,
Машет крылом осторожнее птица,

В недоуменье тащат муравьи
Что ни попало в жилища свои.

С песнями труд человека спорился:
Словно подкошен, осинник валился,

С треском ломали сухой березняк,
Корчили с корнем упорный дубняк,

Старую сосну сперва подрубали,
После арканом её нагибали

И, поваливши, плясали на ней,
Чтобы к земле прилегла поплотней.

Так, победив после долгого боя,
Враг уже мёртвого топчет героя.

Много тут было печальных картин:
Стоном стонали верхушки осин,

Из перерубленной старой берёзы
Градом лилися прощальные слёзы

И пропадали одна за другой
Данью последней на почве родной.

Кончились поздно труды роковые.
Вышли на небо светила ночные,

И над поверженным лесом луна
Остановилась, кругла и ясна, —

Трупы деревьев недвижно лежали;
Сучья ломались, скрипели, трещали,

Жалобно листья шумели кругом.
Так, после битвы, во мраке ночном

Раненый стонет, зовёт, проклинает.
Ветер над полем кровавым летает —

Праздно лежащим оружьем звенит,
Волосы мёртвых бойцов шевелит!

Тени ходили по пням беловатым,
Жидким осинам, берёзам косматым;

Низко летали, вились колесом
Совы, шарахаясь оземь крылом;

Звонко кукушка вдали куковала,
Да, как безумная, галка кричала,

Шумно летая над лесом... но ей
Не отыскать неразумных детей!

С дерева комом галчата упали,
Жёлтые рты широко разевали,

Прыгали, злились. Наскучил их крик —
И придавил их ногою мужик.

Утром работа опять закипела.
Саша туда и ходить не хотела,

Да через месяц — пришла. Перед ней
Взрытые глыбы и тысячи пней;

Только, уныло повиснув ветвями,
Старые сосны стояли местами,

Так на селе остаются одни
Старые люди в рабочие дни.

Верхние ветви так плотно сплелися,
Словно там гнёзда жар-птиц завелися,

Что, по словам долговечных людей,
Дважды в полвека выводят детей.

Саше казалось, пришло уже время:
Вылетит скоро волшебное племя,

Чудные птицы посядут на пни,
Чудные песни споют ей они!

Саша стояла и чутко внимала.
В красках вечерних заря догорала —

Через соседний несрубленный лес,
С пышно-румяного края небес

Солнце пронзалось стрелой лучезарной,
Шло через пни полосою янтарной

И наводило на дальний бугор
Света и теней недвижный узор.

Долго в ту ночь, не смыкая ресницы,
Думает Саша: что петь будут птицы?

В комнате словно тесней и душней.
Саше не спится, — но весело ей.

Пёстрые грёзы сменяются живо,
Щёки румянцем горят нестыдливо,

Утренний сон её крепок и тих...
Первые зорьки страстей молодых!

Полны вы чары и неги беспечной,
Нет ещё муки в тревоге сердечной;

Туча близка, но угрюмая тень
Медлит испортить смеющийся день,

Будто жалея… И день ещё ясен…
Он и в грозе будет чудно прекрасен,

Но безотчетно пугает гроза…
Эти ли детски живые глаза,

Эти ли полные жизни ланиты
Грустно поблекнут, слезами покрыты?

Эту ли резвую волю во власть
Гордо возьмёт всегубящая страсть?..

Мимо идите, угрюмые тучи!
Горды вы силой! свободой могучи:

С вами ли, грозные, вынести бой
Слабой и робкой былинке степной?..

3

Третьего года, наш край покидая,
Старых соседей моих обнимая,

Помню, пророчил я Саше моей
Доброго мужа, румяных детей,

Долгую жизнь без тоски и страданья…
Да не сбылися мои предсказанья!

В страшной беде стариков я застал.
Вот что про Сашу отец рассказал:

«В нашем соседстве усадьба большая
Лет уже сорок стояла пустая;

В третьем году наконец прикатил
Барин в усадьбу и нас посетил,

Именем: Лев Алексеич Агарин,
Ласков с прислугой, как будто не барин,

Тонок и бледен. В лорнетку глядел,
Мало волос на макушке имел.

Звал он себя перелётною птицей:
„Был, — говорит, — я теперь за границей,

Много видал я больших городов,
Синих морей и подводных мостов —

Всё там приволье, и роскошь, и чудо,
Да высылали доходы мне худо.

На пароходе в Кронштадт я пришёл,

И надо мной всё кружился орёл,

Словно пророчил великую долю“.
Мы со старухой дивилися вволю,

Саша смеялась, смеялся он сам…
Начал он часто похаживать к нам,

Начал гулять, разговаривать с Сашей
Да над природой подтрунивать нашей
—

Есть-де на свете такая страна,
Где никогда не проходит весна,

Там и зимою открыты балконы,
Там поспевают на солнце лимоны,

И начинал, в потолок посмотрев,
Грустное что-то читать нараспев.

Право, как песня слова выходили.
Господи! сколько они говорили!

Мало того: он ей книжки читал
И по-французски её обучал.

Словно брала их чужая кручина,
Всё рассуждали: какая причина,

Вот уж который теперича век
Беден, несчастлив и зол человек?

„Но, — говорит, — не слабейте душою:
Солнышко правды взойдёт над землёю!“

И в подтвержденье надежды своей
Старой рябиновкой чокался с ней.

Саша туда же — отстать-то не хочет —
Выпить не выпьет, а губы обмочит;

Грешные люди — пивали и мы.
Стал он прощаться в начале зимы:

„Бил, — говорит, — я довольно баклуши,
Будьте вы счастливы, добрые души,

Благословите на дело… пора!“
Перекрестился — и съехал с двора…

В первое время печалилась Саша,
Видим: скучна ей компания наша.

Годы ей, что ли, такие пришли?

Только узнать мы её не могли:

Скучны ей песни, гаданья и сказки.
Вот и зима! — да не тешат салазки.

Думает думу, как будто у ней
Больше забот, чем у старых людей.

Книжки читает, украдкою плачет.
Видели: письма всё пишет и прячет.

Книжки выписывать стала сама —
И наконец набралась же ума!

Что ни спроси, растолкует, научит,
С ней говорить никогда не наскучит;

А доброта... Я такой доброты
Век не видал, не увидишь и ты!

Бедные все ей приятели-други:
Кормит, ласкает и лечит недуги.

Так девятнадцать ей минуло лет.
Мы поживаем — и горюшка нет.

Надо же было вернуться соседу!
Слышим: приехал и будет к обеду.

Как его весело Саша ждала!
В комнату свежих цветов принесла;

Книги свои уложила исправно,
Просто оделась, да так-то ли славно;

Вышла навстречу — и ахнул сосед!
Словно оробел. Мудрёного нет:

В два-то последние года на диво
Сашенька стала пышна и красива,

Прежний румянец в лице заиграл.
Он же бледней и плешивее стал…

Всё, что ни делала, что ни читала,
Саша тотчас же ему рассказала;

Только не впрок угожденье пошло!
Он ей перечил, как будто назло:

„Оба тогда мы болтали пустое!
Умные люди решили другое,

Род человеческий низок и зол“.
Да и пошёл! и пошёл! и пошёл!..

Что говорил — мы понять не умеем,
Только покоя с тех пор не имеем:

Вот уж сегодня семнадцатый день
Саша тоскует и бродит, как тень!

Книжки свои то читает, то бросит,
Гость навестит, так молчать его просит.

Был он три раза; однажды застал
Сашу за делом: мужик диктовал

Ей письмецо, да какая-то баба
Травки просила — была у ней жаба.

Он поглядел и сказал нам шутя:
„Тешится новой игрушкой дитя!“

Саша ушла — не ответила слова…
Он было к ней; говорит: „Нездорова“.

Книжек прислал — не хотела читать
И приказала назад отослать.

Плачет, печалится, молится богу…
Он говорит: „Я собрался в дорогу“, —

Сашенька вышла, простилась при нас,
Да и опять наверху заперлась.

Что ж?.. он письмо ей прислал. Между

нами:
Грешные люди, с испугу мы сами

Прежде его прочитали тайком:
Руку свою предлагает ей в нём.

Саша сначала отказ отослала,
Да уж потом нам письмо показала.

Мы уговаривать: чем не жених?
Молод, богат, да и нравом-то тих.

„Нет, не пойду“. А сама неспокойна;
То говорит: „Я его недостойна“ —

То: „Он меня недостоин: он стал
Зол и печален и духом упал!“

А как уехал, так пуще тоскует,
Письма его потихоньку целует!..

Что тут такое? родной, объясни!
Хочешь, на бедную Сашу взгляни.

Долго ли будет она убиваться?
Или уж ей не певать, не смеяться,

И погубил он бедняжку навек?
Ты нам скажи: он простой человек

Или какой чернокнижник-губитель?
Или не сам ли он бес-искуситель?..»

4

Полноте, добрые люди, тужить!
Будете скоро по-прежнему жить:

Саша поправится — бог ей поможет.
Околдовать никого он не может:

Он... не могу приложить головы,
Как объяснить, чтобы поняли вы...

Странное племя, мудрёное племя
В нашем отечестве создало время!

Это не бес, искуситель людской,
Это, увы! — современный герой!

Книги читает да по свету рыщет —
Дело себе исполинское ищет,

Благо, наследье богатых отцов
Освободило от малых трудов,

Благо, идти по дороге избитой
Лень помешала да разум развитый.

«Нет, я души не растрачу моей
На муравьиной работе людей:

Или под бременем собственной силы
Сделаюсь жертвою ранней могилы,

Или по свету звездой пролечу!
Мир, — говорит, — осчастливить хочу!»

Что ж под руками, того он не любит,
То мимоходом без умыслу губит.

В наши великие, трудные дни
Книги не шутка: укажут они

Всё недостойное, дикое, злое,
Но не дадут они сил на благое,

Но не научат любить глубоко…
Дело веков поправлять нелегко!

В ком не воспитано чувство свободы,
Тот не займёт его; нужны не годы —

Нужны столетья, и кровь, и борьба,
Чтоб человека создать из раба.

Всё, что высоко, разумно, свободно,

Сердцу его и доступно и сродно,

Только дающая силу и власть,
В слове и деле чужда ему страсть!

Любит он сильно, сильней ненавидит,
А доведись — комара не обидит!

Да говорят, что ему и любовь
Голову больше волнует — не кровь!

Что ему книга последняя скажет,
То на душе его сверху и ляжет:

Верить, не верить — ему всё равно,
Лишь бы доказано было умно!

Сам на душе ничего не имеет,
Что вчера сжал, то сегодня и сеет;

Нынче не знает, что завтра сожнёт,
Только наверное сеять пойдёт.

Это в простом переводе выходит,
Что в разговорах он время проводит;

Если ж за дело возьмётся — беда!
Мир виноват в неудаче тогда;

Чуть поослабнут нетвёрдые крылья,
Бедный кричит: «Бесполезны усилья!»

И уж куда как становится зол
Крылья свои опаливший орёл...

Поняли?.. нет!.. Ну, беда небольшая!
Лишь поняла бы бедняжка больная.

Благо теперь догадалась она,
Что отдаваться ему не должна,

А остальное всё сделает время.
Сеет он всё-таки доброе семя!

В нашей степной полосе, что ни шаг,
Знаете вы, — то бугор, то овраг.

В летнюю пору безводны овраги,
Выжжены солнцем, песчаны и наги,

Осенью грязны, не видны зимой,
Но погодите: повеет весной

С тёплого края, оттуда, где люди
Дышат вольнее — в три четверти груди, —

Красное солнце растопит снега,

Реки покинут свои берега, —

Чуждые волны кругом разливая,
Будет и дерзок и полон до края

Жалкий овраг… Пролетела весна —
Выжжет опять его солнце до дна,

Но уже зреет на ниве поёмной,
Что оросил он волною заёмной,

Пышная жатва. Нетронутых сил
В Саше так много сосед пробудил…

Эх! говорю я хитро, непонятно!
Знайте и верьте, друзья: благодатна

Всякая буря душе молодой —
Зреет и крепнет душа под грозой.

Чем неутешнее дитятко ваше,
Тем встрепенётся светлее и краше:

В добрую почву упало зерно —
Пышным плодом отродится оно!

1854–1855

«Несчастные»*

1

Тяжел мой крест: уединенье,
Преступной совести мученье,
Нужда, недуги. Говорят,
К цветущей юности возврат —
Под старость нам одно спасенье,
Отрада верная. — «Живи,
Покуда кровь играет в жилах,
А станешь стариться, нарви
Цветов, растущих на могилах,
И ими сердце обнови...»
И я попробовал... но что же?..
Душа по-прежнему нема,
И с одичалого ума
Стереть угрюмости клейма
Ничто не властно. Правый боже!
Ужели долгая тюрьма,
Ограбив сердце без пощады,

Душе моей не даст отрады
В воспоминаньи юных лет?..
Иль точно нам отрады нет?
Увы! Там душно, там пустыня.
Любя, прощая, чуть дыша,
Там угасает, как рабыня,
Святая женская душа.
Переступить порог не смея,
Тоски и ужаса полна,
Так вянет сказочная фея
В волшебном замке колдуна.
Воображенье прихотливо
Рисует ей другие дни:
В чертогах, убранных на диво,
Горят венчальные огни;
Невеста ждет, жених приходит,
И речь его тиха, нежна…
Где ум красавицы не бродит,
Чего не думает она?
Ликует день, щебечут птицы,
Красою блещут небеса,
Доходят до дверей темницы

Любви и воли голоса, —
Но ей нет воли, нет отрады.
Не нужно камней дорогих,
Возьмите пышные наряды!
Где мать? где сестры? где жених?
Где няня с песенкой и сказкой?
Никто не сжалится над ней,
И только докучает лаской
Противный, старый чародей.
Но нет!.. Она любить не станет,
Скорей умрет… Уходит он
И в гневе подданных тиранит.
Кругом проклятья, вопли, стон…
Но в сказке витязь благородный
Придет — волшебника убьет
И клочья бороды негодной
К ногам красавицы свободной
С рукой и сердцем принесет.
А здесь?..

Рога трубят ретиво,
Пугая ранний сон детей,
И воют псы нетерпеливо…

До солнца сели на коней —
Ушли… Орды вооруженной
Не видит глаз, не слышит слух,
И бедный дом, как осажденный,
Свободно переводит дух.
Меняя быстро пост невольный
На празднословье и вино,
Спешит забыться раб невольный.
Но есть одна: ей всё равно!
В ее душе светлей не станет!
Всё тот же мрак, всё тот же гнет:
И сон перерванный не манит,
И утро к жизни не зовет.
Скорей, затворница немая,
Рыданьем душу отведи!
Терпи любя, терпи прощая,
И лучшей участи не жди!..

Осаду ненадолго сняли…
Вот вечер — снова рог трубит.
Примолкнув, дети побежали,
Но мать остаться им велит;
Их взор уныл, невнятен лепет…

Опять содом, тревога, трепет!
А ночью свечи зажжены,
Обычный пир кипит мятежно.
И бледный мальчик, у стены
Прижавшись, слушает прилежно
И смотрит жадно (узнаю
Привычку детскую мою)…
Что слышит? песни удалые
Под топот пляски удалой;
Глядит, как чаши круговые
Пустеют быстрой чередой;
Как на лету куски хватают
И рот захлопывают псы,
Как на тени растут, кивают
Большие дядины усы…
Смеются гости над ребенком,
И чей-то голос говорит:
«Не правда ль, он всегда глядит
Каким-то травленым волчонком?
Поди сюда!» Бледнеет мать;
Волчонок смотрит — и ни шагу.
«Упрямство надо наказать —

Поди сюда!» — Волчонок тягу…
«Ату его!»

Тяжелый сон!..
Нет, мой восход не лучезарен —
Ничем я в детстве не пленен
И никому не благодарен.
Скорее к юности! Она
Всегда мила, всегда ясна…
Не бедняку! — Воображенье
К столице юношу манит,
Там слава, там простор, движенье,
И вот он в ней! Идет, глядит —
Как чудно город изукрашен!
Шпили его церквей и башен
Уходят в небо, пышны в нем
Театры, улицы, жилища
Счастливцев мира — и кругом
Необозримые кладбища…

О город, город роковой!
С певцом громад твоих красивых,
Твоей ограды вековой,

Твоих солдат, коней ретивых
И всей потехи боевой,
Плененный лирой сладкострунной,
Не спорю я: прекрасен ты
В безмолвьи полночи безлунной,
В движеньи гордой суеты!
. . . . . .
Пусть солнце тусклое, скупое
Глядится в невские струи;
Пусть, теша буйство удалое
И сея плевелы свои,
Толпы пустых, надменных, праздных,
Полны пороков безобразных,
В тебе кишат. В стенах твоих
И есть и были в стары годы
Друзья народа и свободы,
А посреди могил немых
Найдутся громкие могилы.
Ты дорог нам, — ты был всегда
Ареной деятельной силы,
Пытливой мысли и труда!
Всё так. Но если ненароком

В твои пределы загляну,
Купаясь в омуте глубоком,
Переживая старину,
Душа болит. Не в залах бальных,
Где торжествует суета,
В приютах нищеты печальных
Блуждает грустная мечта.
Не лучезарный, золотистый,
Но редкий солнца луч… о нет!
Твой день больной, твой вечер мглистый,
Туманный, медленный рассвет
Воображенье мне рисует…

Светает. Чу, как ветер дует!
Унять бы рады сорванца,
Но он смеется над столицей
И флагом гордого творца
Играет, как простой тряпицей.
Нева волнуется, дома
Стоят, как крепости пустые;
Железным болтом запертые,
Угрюмы лавки, как тюрьма.

Их постепенно отворяют,
Товару в окна прибавляют, —
Так ставит с вечера капкан
Охотник, на добычу падкий.
Вот солнце глянуло украдкой,
Но одолел его туман —
И снова мрак. Какие лица
Теперь приходится встречать!
Такую страшную печать
Умеет класть одна столица.
Проехал воз: ни рус, ни сед,
Чухонец им курносый правил
И ельника зеленый след
На мокрой улице оставил —
Покойник будет! Вот и он!
До пышных дожил похорон:
Четверкой дроги, гроб угрюмый
Стоит высоко под парчой,
Идет родня с печальной думой,
Поникнув молча головой;
Плетутся дряхлые кареты,
То там, то тут, полуодеты,

Из окон женщины глядят,
Прохожий крестится сурово…
Прошла процессия — и снова
Всё пусто — вот идет солдат
За фурой вроде погребальной —
Глядит оттуда глаз печальный
И видно бледное лицо…
Довольно! что теперь не встретишь,
На всём унынья след заметишь.
Но вот парадное крыльцо
В богатом доме отворяет
Какой-то рослый молодец, —
Теперь-то утро наступает!
Туман осилив наконец,
Одело солнце сетью чудной
Дворцы, и храмы, и мосты,
И нет следов заботы трудной
И недовольной нищеты!
Как будто появляться вредно
При полном водвореньи дня
Всему, что зелено и бледно,
Несчастно, голодно и бедно,

Что ходит голову склоня!
Теперь гляди на город шумный!
Теперь он пышен и богат —
Несется в толкотне безумной
Блестящих экипажей ряд,
Всё полно жизни и тревоги,
Все лица блещут и цветут,
И с похорон обратно дроги
Пустые весело бегут…

Ликует сердце молодое —
В восторге юноша. Постой!
Ты будешь говорить другое,
Родство постигнув роковое
Меж этим блеском и тобой!
Пройдут года в борьбе бесплодной,
И на красивые плиты,
Как из машины винт негодный,
Быть может, брошен будешь ты!
Счастлив, кому мила дорога
Стяжанья, кто ей верен был
И в жизни ни однажды бога
В пустой груди не ощутил.

Но если той тревоги смутной
Не чуждо сердце — пропадешь!
В глухую полночь, бесприютный,
По стогнам города пойдешь:
Громадный, стройный и суровый,
Тогда предстанет он имым,
И, опоясанный гробами,
Своими пышными дворцами,
Величьем царственным своим —
Не будет радовать. Невольно
Припомнишь бедный городок,
Где солнца каждому довольно.
То правда: город не широк,
Не длинен — лай судейской шавки
В нем слышен вдоль и поперек.
Домишки малы, пусты лавки,
Собор, четыре кабака,
Тюрьма, шлагбаум полосатый,
Дом судный, госпиталь дощатый
И площадь… площадь велика:
Кругом не видно ей границы,
И, слышно, осенью на ней

Чудак, заезжий из столицы,
Успешно ищет дупелей.
Ну, всё как надо, как известно,
Над чем столичные давно
Острят то глупо, то умно.
Зато покойно — и не тесно...
Не жди особенных отрад:
Что бог послал, тому будь рад,
Гляди в халате на дорогу:
Вон гуси выступают в ногу
С гусиной важностью... но вдруг —
Смятенье, дикий крик, испуг!
Три тройки наскакали близко.
Присев и крылья распустив,
Одни бегут, другие низко
Летят, а третьи, прискочив,
Удрать не летом и не бегом
Спешат... и вот простор телегам —
Рассыпались, куда кто мог!
Так, гордый собственным значеньем,
Своим нежданным появленьем
Детей пугает педагог;

Так поэтические грезы
Разносит дуновенье прозы...
Но уж запели соловьи,
Иди гулять — до сна недолго!
Гляди, как тихо катит Волга
Свои спокойные струи,
Уснув в песчаной колыбели;
Как, нагибаясь до земли,
Таскают бурлаки кули,
А воробьи уж налетели
И, теребя мочалу, нос
Просунуть силятся в овес.
Куда ни взглянешь — птичье племя!
Уснув под берегом реки,
Чернеют утки, как комки,
Но, видно, им покушать время:
Проснулись — поплыли гурьбой,
Кувырк! и ног утиных строй
Стоит недвижно над водой.
На всём лучи зари румяной.
Как ожерелье, у воды
Каких-то белых птиц ряды

Сидят на отмели песчаной,
И тут же сотни куликов
Снуют с оглядкой вороватой;
Все белобрюхи, без хохлов,
А почему ж один хохлатый?
Не долиняв, с весенних пор
Сберег он пышную прибавку
И ходит важно, как майор,
С мундиром вышедший в отставку,
Недостает счастливцу шпор!

Не любишь птиц — гляди бездумно,
Как приближается паром,
Неторопливо и нешумно;
А там, на берегу другом,
Под легким матовым туманом,
Как будто войско тесным станом
Расположилось на ночлег:
Не перечтешь коней, телег!
Под каждым стогом-великаном
Толпа… И слышны голоса,
Стыдливый визг и хохот женский.
Но потемнели небеса —

Спи мирно, житель деревенский!
Ты стоишь сна… Идем домой,
Закрыты ставни — всё спокойно.
Что ж медлит месяц золотой?
Темно. Ни холодно, ни знойно, —
Так ровно-ровно дышит грудь.
Но слышишь, что-то заскрипело!
Калитку отворив чуть-чуть,
Выходит девушка несмело.
Она глядит по сторонам,
Но вот увидела — и к нам
Шаги проворно направляет.
Ты улыбнулся, ты молчишь…
Вдруг «ах!» — и быстро исчезает.
Ошиблась, милая! Так мышь,
С испугу пискнув, убегает,
Заметив любопытный глаз.
Пору любви, пору проказ,
Чем нашу молодость помянем?
Не побежать ли нам за ней?
Не подстеречь ли у дверей?
Нет, только даром мы устанем.

Народ уснул — пора и нам.
Одно досадно: по ночам,
Должно быть, переспав нещадно,
Собака воет безотрадно —
Весь город чьей-то смерти ждет,
Толкуют набожно и тихо.
И ведь случается — возьмет
Да и скончается купчиха,
Перед которой глупый пес
Три ночи выл, поднявши нос.
Тогда попробуй разуверить.
«Да как ты смеешь сам не верить?».
Молчи — предатели они!
Люби покой, природу, книгу
И независимость храни,
Не то среды поддайся игу
И лямку общую тяни.

Но есть и там свои могилы,
Но там бесплодно гибнут силы,
Там духота, бездумье, лень,
Там время тянется сонливо,
Как самодельная расшива

По тихой Волге в летний день.
Там только не грешно родиться
Или под старость умирать.
Куда ж идти? К чему стремиться?
Где силы юные пытать?

Храни господь того, кто скажет:
«Простите, мирные поля!» —
И бедный свой челнок привяжет
К корме большого корабля…

Кому судьба венец готовит,
Того вопрос: куда идти? —
Не устрашит, не остановит;
Кого на жизненном пути
Любовь лелеет с колыбели,
Незримо направляя к цели, —
И тот находит путь прямой.
Но кто ни богом не отмечен,
Ни даже любящей рукой
Не охранен, не обеспечен,
Тот долго бродит как слепой:
Кипит, желает, тратит силы

И, поздним опытом богат,
Находит у дверей могилы
Невольных заблуждений ряд…
К чему бы жизнь ни вынуждала,
И даже разницы путем
Не зная меж добром и злом,
Я по теченью плыл сначала,
Лишь гордость иногда спасала…
Бог весть куда бы прихоть волн
Прибила мой убогий челн:
Сбирались тучи, путь был труден,
А я упорен, безрассуден, —
Ждала тяжелая борьба.
Но вдруг распутала судьба
Загадку жизни несчастливой —
Я полюбил, дикарь ревнивый…

О ты, кого я с ужасом бежал,
Кому с любовью рвался я в объятья,
Кому чистосердечно расточал
Благословенья и проклятья, —
Тебя уж нет! На жизненной стезе
Оставив след загадочный и странный,

Являясь ангелом в грозе
И демоном у пристани желанной, —
Погибла ты… Ты сладить не могла
Ни с бурным сердцем, ни с судьбою
И, бездну вырыв подо мною,
Сама в ней первая легла…
Ругаясь буйно над кумиром,
Когда-то сердцу дорогим,
Я мог бы перед целым миром
Клеймом ответить роковым
Твой путь. Но за пределы гроба
Не перешла вражда моя,
Я понял: мы виновны оба…
Но тяжелей наказан я!
Года чредой определенной
Идут, но время надо мной
Остановилось: страж бессменный
Среди той ночи роковой,
Стою… ревниво закипаю,
И вдруг шаги… и голос твой…
И вопль — и с криком: «Не прощаю!..»
Всё помню с ясностью такой,

Как будто каждый день свершаю
Убийство… Тот же, тот же сон
Уж двадцать лет: молящий стон,
Безумный крик, сверканье стали…
Прочь, утонувшие в крови
Воспоминания любви!
Довольно сердце вы терзали.

Скорее в душную тюрьму!
Оттуда сердцу моему
Единый в жизни луч отрады
Мерцает… Так огонь лампады
До вечной сени гробовой
Горит над каждою головой…

2

Безлюдье, степь. Кругом всё бело,
И небеса над головой…
Еще отчаянье кипело
В душе, упившейся враждой,
И смерти лишь она алкала,
Когда преступная нога,
Звуча цепями, попирала

Недружелюбные снега
Страны пустынной, сиротливой...
Среди зверей я зверем стал,
Вином я совесть усыплял
И ум гасил...

В толпе строптивой
Меж нами был один: его
Не полюбили мы сначала —
Не говорил он ничего,
Работал медленно и мало.
Кряхтя, копается весь день,
Как крот, — мы так его и звали, —
А толку нет: не то чтоб лень,
Да силы скоро изменяли.
Рука, нетвердая в труде,
Как спицы ноги, детский голос,
И, словно лен, пушистый волос
На голове и бороде.
Оброс он скоро волосами,
Питался черствым сухарем,
Но и под грубым армяком
Глядел неровней между нами.

Его дежурный понукал,
И было нам сначала любо
Смотреть, как губы он кусал,
Когда с ним обходились грубо;
Так удила кусает конь,
Когда седок его пришпорит.
В глазах покажется огонь,
Однако промолчит — не спорит!
Бывало, подойдем гурьбой,
Повалим, будто ненароком,
Кричим: «Не хочешь ли домой?»
Он только поглядит с упреком
И покачает головой.
Не пьет, не балагурит с нами.
Но скоро час его настал…

Был вечер; скрежеща зубами,
Один из наших умирал.
Куда деваться в подземельи?
Кричим: «Скорей! мешаешь спать!»
И стали в бешеном веселье
Его мы хором отпевать:
«Умри! нам всем одна дорога,

Другой не будет из тюрьмы!..»

Вдруг кто-то крикнул: «Нет в вас бога!» —
И песни не допели мы.
Глядим: добро б вошел начальник, —
Нет, просто выступил вперед
Наш белоручка, наш молчальник,
Смиренный, кропотливый Крот.
Корит, грозит! Дыханье трудно,
Лицо сурово, как гроза,
И как-то бешено и чудно
Блестят глубокие глаза.

Смутились мы. Какая сила
Ему строптивых покорила —
Бог весть! Но грубые умы
Он умилил, обезоружил,
Он нам ту бездну обнаружил,
Куда стремглав летели мы!

В заботе новой, в думах строгих
Мы совещались до утра,
Стараясь вразумить немногих,

Не внявших вестнику добра:
Душой погибнув безвозвратно,
Они за нами не пошли
И обновиться благодатно
Уж не хотели, не могли.
В них сердце превратилось в камень,
Навек оледенела кровь…
Но в ком, как под золою пламень,
Таились совесть и любовь,
Тот жадно ждал беседы новой,
С душой, уверовать готовой…

Не вдруг мы поняли его,
Но он учить не тяготился —
Он с нами братски поделился
Богатством сердца своего!
Забыты буйные проказы,
Наступит вечер — тишина,
И стали нам его рассказы
Милей разгула и вина.
Пусть речь его была сурова
И не блистала красотой,
Но обладал он тайной слова,

Доступного душе живой.
Не на коне, не за сохою —
Провел он свой недолгий век
В труде ученья, но душою,
Как мы, был русский человек.
Он не жалел, что мы не немцы,
Он говорил: «Во многом нас
Опередили иноземцы,
Но мы догоним в добрый час!
Лишь бог помог бы русской груди
Вздохнуть пошире, повольней —
Покажет Русь, что есть в ней люди,
Что есть грядущее у ней.
Она не знает середины —
Черна — куда ни погляди!
Но не проел до сердцевины
Ее порок. В ее груди
Бежит поток живой и чистый
Еще немых народных сил:
Так под корой Сибири льдистой
Золотоносных много жил».

Его пленяло солнце юга —

Там море ласково шумит,
Но слаще северная вьюга
И больше сердцу говорит.
При слове «Русь», бывало, встанет —
Он помнил, он любил ее,
Заговоривши про нее —
До поздней ночи не устанет...

Наступит ли вечерний час —
Внимая бури вой жестокий,
«Теперь, — он говорил, — у нас, —
На нашей родине далекой,
Еще тепло... Закат горит,
Над божьим храмом реют птицы,
Домой идут с работы жницы;
Въезжая на гору, скрипит
Снопами полная телега;
Играя, колос из снопа
Хватает сытый конь с разбега
И ржет. За ним бредет толпа
Коровушек. Стемнело небо,
И смолкли вдруг работы дня;
Ложится пахарь без огня,

И распростерли скирды хлеба
Свою хранительную сень
Вокруг уснувших деревень.
Всё тихо; разве без оглядки
Фельдъегерь пролетит селом
Или обратные лошадки,
Понуря голову, шажком
Пройдут; заснул ямщик ленивый
Верхом на дремлющем коне,
Один бубенчик горделивый
Воркует сладко в тишине.
Да старый вяз в конце селенья
Шумит, столетний часовой,
Пред ним проходят поколенья,
Меняясь быстрой чередой,
Он невредим: корысть, беспечность —
Его ничто не сокрушит,
Любовь народная хранит
Его святую долговечность.
Он укрывает в летний зной
Шатром детей деревни целой;
Бедняк калека престарелый

Под ним ложится на покой;
Наш брат, звуча цепями, ссыльный,
Под ним сидит, обритый, пыльный,
И богомолок молодых
Под тень его ветвей густых
Приводит давняя привычка…

Чу! тянут в небе журавли,
И крик их, словно перекличка
Хранящих сон родной земли
Господних часовых, несется
На темным лесом, над селом,
Над полем, где табун пасется,
И песня грустная несется
Перед дымящимся костром…

Не ждут осенние работы,
Недолог отдых мужиков —
Скрипят колодцы и вороты
При третьей песне петухов,
Дудит пастух свирелью звонкой,
Бежит по ниве чья-то тень:
То беглый рекрутик сторонкой

Уходит в лес, послышав день.
Искал он, чем бы покормиться,
Ночь не послала ничего,
Придется, видно, воротиться,
А страшно!.. Что ловить его!
Хозяйка старших разбудила —
Блеснули в ригах огоньки
И застучали молотила.
Бог помочь, братья, мужики!»
Родные, русские картины!
Заснул, и видел я во сне
Знакомый дом, леса, долины,
И братья сказывали мне,
Что сон их уносил с чужбины
К забытой, милой стороне.
Летишь мечтой к отчизне дальной,
И на душе светлей, теплей...

Чего не знал наш друг опальный?
Слыхали мы в тюрьме своей
И басни хитрые Крылова,
И песни вещие Кольцова,
Узнали мы таких людей,

Перед которыми позднее
Слепой народ восторг почует,
Вздохнет — и совесть уврачует,
Воздвигнув пышный мавзолей.
Так иногда, узнав случайно,
Кто спас его когда-то тайно,
Бедняк, взволнованный, бежит.
Приходит, смотрит — вот жилище,
Но где ж хозяин? Всё молчит!
Идет бедняга на кладбище
И на могильные плиты
Бросает поздние цветы…

Но спит народ под тяжким игом,
Боится пуль, не внемлет книгам.
О Русь, когда ж проснешься ты
И мир на месте беззаконных
Кумиров рабской слепоты
Увидит честные черты
Твоих героев безыменных?
О ней, о родине державной,
Он говорить не уставал:
То жребий ей пророчил славный,

То старину припоминал,
Кто в древни веки ею правил,
Как люди в ней живали встарь,
Как обучил, вознес, восславил
Ее тот мудрый государь,
Кому в царях никто не равен,
Кто до скончанья мира славен
И свят: Великого Петра
Он звал отцом России новой.
Он видел след руки Петровой
В основе каждого добра.
Сто вечеров до поздней ночи
Он говорил нам про него —
Никто сомкнуть не думал очи
И не промолвил ничего.
Он говорит, ему внимаем
И, полны новых дум, тогда
Свои оковы забываем
И тяжесть черного труда.
Встает во мраке подземелья
Пред нами чудный лик Петра,
И, как монашеская келья,

Тиха преступников нора.
Сносней наутро труд несносный,
Таскаешь горы не плечах,
Чтоб трудолюбец венценосный
Сказал спасибо в небесах…
Да! видит бог, в кровавом поте
Омыли мы свою вину
И не напрасно на работе
Певали песенку одну:

Песня преступников

1

Дружней! работа есть лопатам,
Недаром нас сюда вели,
Недаром бог насытил златом
Утробу матери-земли.

Трудись, покамест служат руки,
Не сетуй, не ленись, не трусь,
Спасибо скажут наши внуки,
Когда разбогатеет Русь!

2

У ней, родимой, требы много:
Бедна по милости воров!
В ней пышны барские чертоги,
Но жалки избы мужиков.

Недостает у ней дохода
В неурожай кормить крестьян,
И нечем выкупить народа
Царю у палачей-дворян!..

3

Пускай бежит в упорном деле
С нас пот ручьями, как вода,
И мерзнет на клейменом теле,
Когда почием от труда.

Пускай томимся гладом, жаждой,
Пусть дрогнем в холоде зимы,
Ей пригодится камень каждый,
Который добываем мы!

* * *

Ее сложил в часы недуга
Наш тихий, вечно грустный Крот,
и часто, поминая друга,
В своем углу ее поет
Прощенный ссыльный. Здесь мы гости,
Сюда вернулись мы не жить —
С отцами рядом положить
Трудом изломанные кости,
Но рады, рады и тому!..

Начальство к нам добрее стало,
Получше отвело тюрьму
И хорошо аттестовало.
Что будет с нами — до конца
Тяжелой было нам загадкой,
Но в умиленные сердца
Прокрался луч надежды сладкой.
Так, помню, солнышко украдкой
Глядит, бывало, поутру
И в нашу черную нору...

Но он надежде верил мало,
Едва бродя, едва дыша,
И только нас бодрить хватало
В нем сил… Великая душа!
Его страданья были горды,
Он их упорно подавлял,
Но иногда изнемогал
И плакал, плакал. Камни тверды,
Любой попробуй… но огня
Добудешь только из кремня.
Таков он был. Воспоминанья
Страшней не помню: знал и я
Изнеможение страданья, —
Но что была печаль моя?
К довольству суетному зависть,
Быть может, личная ненависть,
Тоска по женщине пустой,
С тряпичной, дюжинной душой,
Томленье скуки, злость бессилья.
Я, говорят, был мелко зол
В моей тоске… Не так орел
Свои оплакивает крылья,

Которых мощь изведал он,
Которых царственная сила
Его под небо уносила…
Да! возвращаясь с похорон,
Недаром в голос мы сказали:
«Зачем его Кротом мы звали?
И мертвый сходен он лицом
С убитым молнией орлом!»

О чем была его кручина?
Рыдал ли он рыданьем сына,
Давно отчаявшись обнять
Свою тоскующую мать,
И невеселая картина
Ему являлась: старый дом
Стоит в краю деревни бедной,
И голова старухи бледной
Видна седая под окном.
Вздыхает, молится, гадает
и смотрит, смотрит, и двойной
В окошко рамы не вставляет
Старушка позднею зимой.
А сколько, глядя на дорогу,

Уронит слез — известно богу!
Но нет! и бог их не считал!
А то бы радость ей послал!

Любовь ли бедного томила?
Что сталось с нею? Позабыла?
Или грустит… и далеко
Несется… мысленно заглянет
И содрогнется глубоко?
Где ей? в ней сердца недостанет!
Ах! чувство женское легко!
Они его хранят, лелеют,
Покуда радует оно,
Но если тучи тяготеют
И небо грозно и темно —
Его спасти им не дано!

Быть может, он душою верной
Припоминал былых друзей;
В кичливой гордости своей,
Быть может, враг высокомерный
Ему являлся в час ночной…
И с криком кинувшись, ногами,

Отягощенными цепями,
Топтал он призрак роковой?

Или изгладила чужбина
Всё то, чем молодость жила,
И только слезы гражданина
Душа живая сберегла?
Как знать! Пред ним мы дети были,
Ничем мы права не купили
Делить великую печаль;
Не все мы даже понимали,
За что его сюда заслали,
Но было трудно, было жаль.
Закоренелого невежду
Спроси, и тот отдать бы рад
Свою последнюю надежду —
Под небо родины возврат —
За миг единый облегченья
Его тоски, его мученья.
Но только правосудный бог
Утешить мученика мог.
И скоро гробовые двери
Пред ним открылись, но не вдруг

Клейменых каторжников друг
Сошел в них: роковой потери
По капле яд глотали мы.
Почти два года из тюрьмы
Не выходя, он разрушался.
Зачем? Известно небесам!
«Чтоб человек не баловался», —
Смеясь, говаривал он нам.
И день и ночь поочередно
Его мы ложе берегли,
Зимой окутывали плотно,
Весной на солнышко несли
(Был для того у нас устроен
Снаряд особенный): больной
Кивал тихонько головой
И как-то грозно был спокоен.
Не шевельнется целый день;
Тосклив и кроток беспредельно,
Молчит: так раненный смертельно,
Глядит и смерти ждет олень…

И наконец пора пришла…
В день смерти с ложа он воспрянул,

И снова силу обрела
Немая грудь — и голос грянул!
Мечтаньем чудных окрылил
Его господь перед кончиной,
И он под небо воспарил
В красе и легкости орлиной.
Кричал он радостно: «Вперед!» —
И горд, и ясен, и доволен;
Ему мерещился народ
И звон московских колоколен;
Восторгом взор его сиял,
На площади, среди народа,
Ему казалось, он стоял
И говорил...

Прошло два года.
Настал святой, великий миг,
В скрижалях царства незабвенный,
И до Сибири отдаленной
Прощенья благовест достиг.
Разверзлась роковая яма,
Как птицы, вольны вышли мы
И, не сговариваясь, прямо

Пришли гурьбою из тюрьмы
К одной могиле одинокой.
Стеснилась грудь тоской жестокой,
И каждый небо вопрошал:
«Зачем он жил, зачем страдал,
Зачем свободы не дождался?»
— «Чтоб человек не баловался!» —
Один сказал — и присмирел.
Переглянулись мы уныло,
И тихий ангел пролетел.
Лишь буря, не смолкая, выла
И небо хмурилось. Земли
Добыв лопатою привычной,
Мы помолчали — и пошли.
И жизнь пошла чредой обычной!..

Хотелось мне увидеть мать,
Но что пришлось бы ей сказать?
Кто подтолкнуть не устрашится
Утес, готовый обвалиться,
На плечи брата своего?
Кто скажет ей: «Уж нет его!
Загородись двойною рамой,

Напрасно горниц не студи,
Простись с надеждою упрямой
И на дорогу не гляди!»
Пусть лучше, глядя на дорогу,
Отдаст с надеждой душу богу…
Но люди звери: кто-нибудь
Утес обрушит ей на грудь…

Кто знал его, забыть не может,
Тоска по нем язвит и гложет,
И часто мысль туда летит,
Где гордый мученик зарыт.
Пустыня белая; над гробом
Неталый снег лежит сугробом,
То солнце тусклое блестит,
То туча черная висит,
Встают смерчи, ревут бураны,
Седые стелются туманы,
Восходит день, ложится тьма,
Вороны каркают — и злятся,
Что до костей его добраться
Мешает вечная зима.

<1856>

Тишина*

1

Всё рожь кругом, как степь живая,
Ни замков, ни морей, ни гор…
Спасибо, сторона родная,
За твой врачующий простор!
За дальним Средиземным морем,
Под небом ярче твоего,
Искал я примиренья с горем,
И не нашел я ничего!
Я там не свой: хандрю, немею,
Не одолев мою судьбу,
Я там погнулся перед нею,
Но ты дохнула — и сумею,
Быть может, выдержать борьбу!

Я твой. Пусть ропот укоризны
За мною по пятам бежал,
Не небесам чужой отчизны —
Я песни родине слагал!

И ныне жадно поверяю
Мечту любимую мою
И в умиленьи посылаю
Всему привет... Я узнаю
Суровость рек, всегда готовых
С грозою выдержать войну,
И ровный шум лесов сосновых,
И деревенек тишину,
И нив широкие размеры...
Храм божий на горе мелькнул
И детски чистым чувством веры
Внезапно на душу пахнул.
Нет отрицанья, нет сомненья,
И шепчет голос неземной:
Лови минуту умиленья,
Войди с открытой головой!
Как ни тепло чужое море,
Как ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль!
Храм воздыханья, храм печали —
Убогий храм земли твоей:

Тяжеле стонов не слыхали
Ни римский Петр, ни Колизей!
Сюда народ, тобой любимый,
Своей тоски неодолимой
Святое бремя приносил —
И облегченный уходил!
Войди! Христос наложит руки
И снимет волею святой
С души оковы, с сердца муки
И язвы с совести больной…

Я внял… я детски умилился…
И долго я рыдал и бился
О плиты старые челом,
Чтобы простил, чтоб заступился
Чтоб осенил меня крестом
Бог угнетенных, бог скорбящих,
Бог поколений, предстоящих
Пред этим скудным алтарем!

2

Пора! За рожью колосистой
Леса сплошные начались,

И сосен аромат смолистый
До нас доходит… «Берегись!»
Уступчив, добродушно смирен,
Мужик торопится свернуть…
Опять пустынно-тих и мирен
Ты, русский путь, знакомый путь!
Прибитая к земле слезами
Рекрутских жен и матерей,
Пыль не стоит уже столбами
Над бедной родиной моей.
Опять ты сердцу посылаешь
Успокоительные сны,
И вряд ли сам припоминаешь,
Каков ты был во дни войны, —
Когда над Русью безмятежной
Восстал немолчный скрип тележный,
Печальный, как народный стон!
Русь поднялась со всех сторон,
Всё, что имела, отдавала
И на защиту высылала
Со всех проселочных путей
Своих покорных сыновей.

Войска водили офицеры,
Гремел походный барабан,
Скакали бешено курьеры;
За караваном караван
Тянулся к месту ярой битвы —
Свозили хлеб, сгоняли скот,
Проклятья, стоны и молитвы
Носились в воздухе… Народ
Смотрел с довольными глазами
На фуры с пленными врагами,
Откуда рыжих англичан,
Французов с красными ногами
И чалмоносных мусульман
Глядели сумрачные лица…
И всё минуло… всё молчит…
Так мирных лебедей станица,
Внезапно спугнута, летит
И, с криком обогнув равнину
Пустынных, молчаливых вод,
Садится дружно на средину
И осторожнее плывет…

3

Свершилось! Мертвые отпеты,
Живые прекратили плач,
Окровавленные ланцеты
Отчистил утомленный врач.
Военный поп, сложив ладони,
Творит молитву небесам.
И севастопольские кони
Пасутся мирно… Слава вам!
Все были там, где смерть летает,
Вы были в сечах роковых
И, как вдовец жену меняет,
Меняли всадников лихих.

Война молчит — и жертв не просит,
Народ, стекаясь к алтарям,
Хвалу усердную возносит
Смирившим громы небесам.
Народ — герой! в борьбе суровой
Ты не шатнулся до конца,
Светлее твой венец терновый
Победоносного венца!

Молчит и он… как труп безглавый,
Еще в крови, еще дымясь;
Не небеса, ожесточась,
Его снесли огнем и лавой:
Твердыня, избранная славой,
Земному грому поддалась!
Три царства перед ней стояло,
Перед одной… таких громов
Еще и небо не метало
С нерукотворных облаков!
В ней воздух кровью напоили,
Изрешетили каждый дом
И, вместо камня, намостили
Ее свинцом и чугуном.
Там по чугунному помосту
И море под стеной течет.
Носили там людей к погосту,
Как мертвых пчел, теряя счет…
Свершилось! Рухнула твердыня,
Войска ушли… кругом пустыня,
Могилы… Люди в той стране
Еще не верят тишине,

Но тихо… В каменные раны
Заходят сизые туманы,
И черноморская волна
Уныло в берег славы плещет…
Над всею Русью тишина,
Но — не предшественница сна:
Ей солнце правды в очи блещет,
И думу думает она.

4

А тройка всё летит стрелой.
Завидев мост полуживой,
Ямщик бывалый, парень русский,
В овраг спускает лошадей
И едет по тропинке узкой
Под самый мост… оно верней!
Лошадки рады: как в подполье,
Прохладно там… Ямщик свистит
И выезжает на приволье
Лугов… родной, любимый вид!
Там зелень ярче изумруда,
Нежнее шелковых ковров,

И, как серебряные блюда,
На ровной скатерти лугов
Стоят озера... Ночью темной
Мы миновали луг поемный,
И вот уж едем целый день
Между зелеными стенами
Густых берез. Люблю их тень
И путь, усыпанный листами!
Здесь бег коня неслышно-тих,
Легко в их сырости приятной,
И веет на душу от них
Какой-то глушью благодатной.
Скорей туда — в родную глушь!
Там можно жить, не обижая
Ни божьих, ни ревижских душ
И труд любимый довершая.
Там стыдно будет унывать
И предаваться грусти праздной,
Где пахарь любит сокращать
Напевом труд однообразный.
Его ли горе не скребет? —
Он бодр, он за сохой шагает.

Без наслажденья он живет,
Без сожаленья умирает.
Его примером укрепись,
Сломившийся под игом горя!
За личным счастьем не гонись
И богу уступай — не споря...

Коробейники*

Другу-приятелю Гавриле Яковлевичу (крестьянину деревни Шоды, Костромской губернии)

Как с тобою я похаживал
По болотинам вдвоём,
Ты меня почасту спрашивал:
Что строчишь карандашом?

Почитай-ка! Не прославиться,
Угодить тебе хочу.
Буду рад, коли понравится,
Не понравится — смолчу.

Не побрезгуй на подарочке!
А увидимся опять,
Выпьем мы по доброй чарочке
И отправимся стрелять.

23-го августа 1861, Грешнёво, Н. Некрасов

I

Кумачу я не хочу,
Китайки не надо.
(Песня)

«Ой, полна, полна коробушка,
Есть и ситцы и парча.
Пожалей, моя зазнобушка,
Молодецкого плеча!
Выди, выди в рожь высокую!
Там до ночки погожу,
А завижу черноокую —
Все товары разложу.
Цены сам платил немалые,
Не торгуйся, не скупись:
Подставляй-ка губы алые,
Ближе к милому садись!»

Вот и пала ночь туманная,
Ждёт удалый молодец.
Чу, идёт! — пришла желанная,
Продаёт товар купец.

Катя бережно торгуется,
Всё боится передать.
Парень с девицей цалуется,
Просит цену набавлять.
Знает только ночь глубокая,
Как поладили они.
Распрямись ты, рожь высокая,
Тайну свято сохрани!

«Ой! легка, легка коробушка,
Плеч не режет ремешок!
А всего взяла зазнобушка
Бирюзовый перстенёк.
Дал ей ситцу штуку целую,
Ленту алую для кос,
Поясок — рубаху белую
Подпоясать в сенокос —
Всё поклала ненаглядная
В короб, кроме перстенька:
„Не хочу ходить нарядная
Без сердечного дружка!“
То-то дуры вы, молодочки!
Не сама ли принесла

Полуштофик сладкой водочки?
А подарков не взяла!
Так постой же! Нерушимое
Обещаньице даю:
У отца дитя любимое!
Ты попомни речь мою:
Опорожнится коробушка,
На Покров домой приду
И тебя, душа-зазнобушка,
В божью церковь поведу!»

Вплоть до вечера дождливого
Молодец бежит бегом
И товарища ворчливого
Нагоняет под селом.
Старый Тихоныч ругается:
«Я уж думал, ты пропал!»
Ванька только ухмыляется —
Я-де ситцы продавал!

II

Зачали-почали
Поповы дочери
(припев деревенских торгашей)

«Эй, Федорушки! Варварушки!
Отпирайте сундуки!
Выходите к нам, сударушки,
Выносите пятаки!»

Жёны мужние — молодушки
К коробейникам идут,
Красны девушки-лебёдушки
Новины свои несут.
И старушки вожеватые,
Глядь, туда же приплелись.

«Ситцы есть у нас богатые,
Есть миткаль, кумач и плис.
Есть у нас мыла пахучие —
По две гривны за кусок,
Есть румяна нелинючие —

Молодись за пятачок!
Видишь, камни самоцветные
В перстеньке как жар горят.
Есть и любчикизаветные —
Хоть кого приворожат!»

Начались толки рьяные,
Посреди села базар,
Бабы ходят словно пьяные,
Друг у дружки рвут товар.
Старый Тихоныч так божится
Из-за каждого гроша,
Что Ванюха только ёжится:
«Пропади моя душа!
Чтоб тотчас же очи лопнули,
Чтобы с места мне не встать,
Провались я!..» Глядь — и хлопнули
По рукам! Ну, исполать!
Не торговец — удивление!
Как божиться-то не лень…

Долго, долго всё селение
Волновалось в этот день.

Где гроши какие медные
Были спрятаны в мотках,
Всё достали бабы бедные,
Ходят в новеньких платках.
Две снохи за ленту пёструю
Расцарапалися в кровь.
На Феклушку, бабу вострую,
Раскудахталась свекровь.
А потом и коробейников
Поругала баба всласть:
«Принесло же вас, мошейников!
Вот уж подлинно напасть!
Вишь вы жадны, как кутейники.
Из села бы вас колом!..»

Посмеялись коробейники
И пошли своим путём.

III

Уж ты пей до дна, коли хошь добра,
а не хошь добра, так не пей до дна.

Старинная былина

За селом остановилися,
Поделили барыши
И на церковь покрестилися,
Повздыхали от души.
«Славно, дядя, ты торгуешься!
Что не весел? ох да ох!»
— «В день теперя не отплюешься,
Как ещё прощает бог:
Осквернил уста я ложию —
Не обманешь — не продашь!» —
И опять на церковь божию
Долго крестится торгаш. —
«Кабы в строку приходилися
Все-то речи продавца,
Все давно бы провалилися
До единого купца —

Сквозь сырую землю-матушку
Провалились бы... эх-эх!»
— «Понагрел ты Калистратушку.»
— «Ну, его нагреть не грех,
Сам снимает крест с убогого».
— «Рыжий, клином борода».
— «Нашим делом нынче многого
Не добыть — не те года!»
Подошла война проклятая,
Да и больно уж лиха,
Где бы свадебка богатая —
Цоп в солдаты жениха!
Царь дурит — народу горюшко!
Точит русскую казну,
Красит кровью Чёрно морюшко,
Корабли валит ко дну.
Перевод свинцу да олову,
Да удалым молодцам.
Весь народ повесил голову,
Стон стоит по деревням.
Ой! бабьё неугомонное,
Полно взапуски реветь!

Причитанье похоронное
Над живым-то рано петь!
Не уймешь их! Как отпетого
Парня в город отвезут.
Бабы сохнут с горя с этого,
Мужики в кабак идут.
Ты попомни целовальника,
Что сказал — подлец седой!
«Выше нет меня начальника,
Весь народ — работник мой!
Лето, осень убиваются,
А спроси-ка, на кого
Православные стараются?
Им не нужно ничего!
Все бессребренники, сватушка,
Сам не сею и не жну,
Что родит земля им, матушка,
Всё несут в мою казну!»

«Пропилися, подоконники,
Где уж баб им наряжать!
В город едут, балахонники,
Ходят лапти занимать!

Ой, ты зелие кабашное,
Да китайские чаи,
Да курение табашное!
Бродим сами не свои.
С этим пьянством да курением
Сломишь голову как раз.
Перед светопреставлением,
Знать, война-то началась.
Грянут, грянут гласы трубные!
Станут мёртвые вставать!
За дела-то душегубные
Как придётся отвечать?
Вот и мы гневим всевышнего...»
— «Полно, дядя! Страшно мне!
Уж не взять рублишка лишнего
На чужой-то стороне?..»

IV

Ай, барыня! барыня!
(Песня)

«Эй вы, купчики-голубчики,
К нам ступайте ночевать!»
Ночевали наши купчики,
Утром тронулись опять.
Полегоньку подвигаются,
Накопляют барыши,
Чем попало развлекаются
По дороге торгаши.
По реке идут — с бурлаками
Разговоры заведут:
«Кто вас спутал?» — и собаками
Их бурлаки назовут.
Поделом вам, пересмешники,
Лыком шитые купцы!..

Потянулись огурешники:
«Эй! просыпал огурцы!»
Ванька вдруг как захихикает

И на стадо показал:
Старичонко в стаде прыгает
За савраской, — длинен, вял,
И на цыпочки становится,
И лукошечком манит —
Нет! проклятый конь не ловится!
Вот подходит, вот стоит.
Сунул голову в лукошечко, —
Старичок за холку хвать!
«Эй! ещё, ещё немножечко!» —
Нет! урвался конь опять
И, подбросив ноги задние,
Брызнул грязью в старика.
«Знамо в стаде-то поваднее,
Чем в косуле мужика:
Эх ты, пареный да вяленый!
Где тебе его поймать?
Потерял сапог-то валяный,
Надо новый покупать?»
Им обозники военные
Попадались иногда:
«Погляди-тко, турки пленные,

Эка пёстрая орда!»
Ванька искоса поглядывал
На турецких усачей
И в свиное ухо складывал
Полы свиточки своей:
«Эй вы, нехристи, табашники,
Карачун приходит вам!..»

Попадались им собашники:
Псы носились по кустам,
А охотничек покрикивал,
В роги звонкие трубил,
Чтобы серый зайка спрыгивал,
В чисто поле выходил.
Остановятся с ребятами:
«Чьи такие господа?»
— «Кашпирята с Зюзенятами...» —
— «Заяц! вон гляди туда!»
Всполошилися борзители:
— «Ай! ату его! ату!»
Ну собачки! Ну губители!
Подхватили на лету...

Посидели на пригорочке,
Закусили как-нибудь
(Не разъешься чёрствой корочки)
И опять пустились в путь.
«Счастье, Тихоныч, неровное,
Нынче выручка плоха».
— «Встрелось нам лицо духовное —
Хуже не было б греха.
Хоть душа-то христианская,
Согрешил — поджал я хвост».
— «Вот усадьбишка дворянская,
Завернём?..» — «Ты, Ваня, прост!
Нынче баре деревенские
Не живут по деревням,
И такие моды женские
Завелись… куда уж нам!
Хоть бы наша: баба старая,
Угреватая лицом,
Безволосая, поджарая,
А оделась — стог стогом!
Говорить с тобой гнушается:
Ты мужик, так ты нечист!

А тобой-то кто прельщается?
Долог хвост, да не пушист!
Ой! ты, барыня спесивая,
Ты стыдись глядеть на свет!
У тебя коса фальшивая,
Ни зубов, ни груди нет,
Всё подклеено, подвязано!
Город есть такой: Париж,
Про него недаром сказано:
Как заедешь — угоришь.
По всему по свету славится,
Мастер по миру пустить;
Коли нос тебе не нравится,
Могут новый наклеить!
Вот от этих-то мошейников,
Что в том городе живут,
Ничего у коробейников
Нынче баре не берут.
Чёрт побрал бы моду новую!
А бывало в старину
Приведут меня в столовую,
Все товары разверну;

Выдет барыня красивая,
С настоящею косой,
Вожеватая, учтивая,
Детки выбегут гурьбой,
Девки горничные, нянюшки,
Слуги высыплют к дверям.
На рубашечки для Ванюшки
И на платья дочерям
Всё сама руками белыми
Отбирает не спеша,
И берёт кусками целыми —
Вот так барыня-душа!
„Что возьмёшь за серьги с бусами?
Что за алую парчу?“
Я тряхну кудрями русыми,
Заломлю — чего хочу!
Навалит покупки кучею,
Разочтётся — бог с тобой!..

А то раз попал я к случаю
За рекой за Костромой.
Именины были званые —
Расходился баринок!

Слышу, кличут гости пьяные:
„Подходи сюда, дружок!“
Подбегаю к ним скорёхонько.
„Что возьмёшь за короб весь?“
Усмехнулся я легохонько:
„Дорог будет, ваша честь“.
Слово за слово, приятели
Посмеялись меж собой
Да три сотни и отпятили,
Не глядя, за короб мой.
Уж тогда товары вынули
Да в девичий хоровод
Середи двора и кинули:
„Подбирай, честной народ!“
Закипела свалка знатная.
Вот так были господа:
Угодил домой обратно я
На девятый день тогда!» —

V

— Много ли вёрст до Гогулина?
— Да обходами три, а прямо-то шесть)
(Крестьянская шутка)

Хорошо было детинушке
Сыпать ласковы слова,
Да трудненько Катеринушке
Парня ждать до Покрова.
Часто в ночку одинокую
Девка часу не спала,
А как жала рожь высокую,
Слёзы в три ручья лила!
Извелась бы неутешная,
Кабы время горевать,
Да пора страдная, спешная —
Надо десять дел кончать.
Как ни часто приходилося
Молодице невтерпёж,
Под косой трава валилася,
Под серпом горела рожь.

Изо всей-то силы-моченьки
Молотила по утрам,
Лён стлала до тёмной ноченьки
По росистым по лугам.
Стелет лён, а неотвязная
Дума на сердце лежит:
«Как другая девка красная
Молодца приворожит?
Как изменит? как засватает
На чужой на стороне?»
И у девки сердце падает:
«Ты женись, женись на мне!
Ни тебе, ни свёкру-батюшке
Николи не согрублю,
От свекрови, твоей матушки,
Слово всякое стерплю.
Не дворянка, не купчиха я,
Да и нравом-то смирна,
Буду я невестка тихая,
Работящая жена.
Ты не нудь себя работою,
Силы мне не занимать,

Я за милого с охотою
Буду пашенку пахать.
Ты живи себе гуляючи
За работницей женой,
По базарам разъезжаючи,
Веселися, песни пой!
А вернёшься с торгу пьяненький —
Накормлю и уложу!
„Спи пригожий, спи, румяненький!“ —
Больше слова не скажу.
Видит бог, не осердилась бы:
Обрядила бы коня
Да к тебе и подвалилась бы:
„Поцелуй, дружок, меня!..“»
Думы девичьи заветные,
Где вас все-то угадать?
Легче камни самоцветные
На дне моря сосчитать.
Уж овечка опушается,
Чуя близость холодов,
Катя пуще разгорается…
Вот и праздничек Покров!

«Ой, пуста, пуста коробушка,
Полон денег кошелёк.
Жди-пожди, душа-зазнобушка,
Не обманет мил-дружок!»
Весел Ванька. Припеваючи,
Прямиком домой идёт.
Старый Тихоныч, зеваючи,
То и дело крестит рот.
В эту ночку не уснулося
Ни минуточки ему.
Как мошна-то пораздулася,
Так бог знает почему
Всё такие мысли страшные
Забираются в башку.
Прощелыги ли кабашные
Подзывают к кабаку,
Попадутся ли солдатики —
Коробейник сам не свой:
«Проходите с богом, братики!» —
И ударится рысцой.
Словно пятки-то иголками
Понатыканы — бежит.

В Кострому идут просёлками,
По болоту путь лежит,
То кочажником, то бродами.
«Эх пословица-то есть:
Коли три версты обходами,
Прямиками будет шесть!
Да в Трубе, в селе, мошейники
Сбили с толку, мужики:
„Вы подите, коробейники,
В Кострому-то напрямки:
Верных сорок с половиною
По нагорной стороне,
А болотной-то тропиною
Двадцать восемь“. Вот оне!
Чёрт попутал — мы поверили,
А кто вёрсты тут считал?»
— «Бабы их клюкою меряли, —
Ванька с важностью сказал. —
Не ругайся! Сам я слыхивал,
Тут дорога попрямей».
— «Дьявол, что ли, понапихивал
Этих кочек да корней?

Доведись пора вечерняя,
Не дойдёшь — сойдёшь с ума!
Хороша наша губерния,
Славен город Кострома,
Да леса, леса дремучие,
Да болота к ней ведут,
Да пески, пески сыпучие...»
— «Стой-ка, дядя, чу, идут!»

VI

Только молодец и жив бывал.
(Старинная былина)

Не тростник высок колышется,
Не дубровушки шумят,
Молодецкий посвист слышится,
Под ногой сучки трещат.
Показался пёс в ошейничке,
Вот и добрый молодец:
«Путь-дорога, коробейнички!»
— «Путь-дороженька, стрелец!»
— «Что ты смотришь?» — «Не проживал
Ты, как давеча в Трубе
Про дорогу я расспрашивал?»
— «Нет, почудилось тебе.
Трои сутки не был дома я,
Жить ли дома леснику?»
— «А кажись, лицо знакомое», —
Шепчет Ванька старику.

«Что вы шепчетесь?» — «Да каемся,
Лучше б нам горой идти.
Так ли, малый, пробираемся
В Кострому?» — «Нам по пути,
Я из Шуньи». — «А далёко ли
До деревни, до твоей?»
— «Вёрст двенадцать. А по многу ли
Поделили барышей?»
— «Коли знать всю правду хочется,
Весь товар несём назад».
Лесничок как расхохочется!
«Ты, я вижу, прокурат!
Кабы весь, небось не скоро бы
Шёл ты, старый воробей!» —
И лесник приподнял коробы
На плечах у торгашей.
«Ой! легохоньки коробушки,
Всё повыпродали, знать?
Наклевалися воробушки,
Полетели отдыхать!»
— «Что, дойдём в село до ноченьки?»
— «Надо, парень, добрести,

Сам устал я, нету моченьки —
Тяжело ружьё нести.
Наше дело подневольное,
День и ночь броди в лесу».
И с плеча ружьё двуствольное
Снял — и держит на весу.
«Эх вы, стволики-голубчики!
Больно вы уж тяжелы».
Покосились наши купчики
На тяжёлые стволы:
Сколько ниток понамотано!
В палец щели у замков.
«Неужели, парень, бьёт оно?»
— «Бьёт на семьдесят шагов».
Деревенский, видно, плотничек
Строил ложу — тяп да ляп!
Да и сам Христов охотничек
Ростом мал и с виду слаб.
Выше пояса замочена
Одежонка лесника,
Борода густая склочена,
Лычко вместо пояска.

А туда же пёс в ошейнике,
По прозванию Упырь.
Посмеялись коробейники:
«Эх ты, горе-богатырь!..»

Час идут, другой. «Далёко ли?»
— «Близко». — «Что ты?» У реки
Курапаточки закокали.
И детина взвёл курки.
«Ай, курочки! важно щёлкнули,
Хоть медведя уложу!
Что вы, други, приумолкнули?
Запоём для куражу!»

Коробейникам не пелося:
Уж темнели небеса,
Над болотом засинелася,
Понависнула роса.
«День-деньской и так умелешься,
Сам бы лучше ты запел…
Что ты?.. эй! в кого ты целишься?»
— «Так, я пробую прицел…»

Дождик, что ли собирается,

Ходят по небу бычки,
Вечер пуще надвигается,
Прытче идут мужики.
Пёс бежит сторонкой, нюхает,
Поминутно слышит дичь.
Чу! как ухалицаухает,
Чу! ребёнком стонет сыч.
Поглядел старик украдкою:
Парня словно дрожь берёт.
«Аль спознался с лихорадкою?»
— «Да уж три недели бьёт —
Полечи!» — А сам прищурился,
Словно в Ваньку норовит.
Старый Тихоныч нахмурился:
«Что за шутки! — говорит. —
Чем шутить такие шуточки,
Лучше песни петь и впрямь.
Погодите полминуточки —
Затяну лихую вам!
Знал я старца еле зрячего,
Он весь век с сумой ходил
И про странника бродячего

Песню длинную сложил.
Ней от старости, ней с голоду
Он в канавке кончил век,
А живал богато смолоду,
Был хороший человек,
Вспоминают обыватели.
Да его попутал бог:
По ошибке заседатели
Упекли его в острог:
Нужно было из Спиридова
Вызвать Тита Кузьмича,
Описались — из Давыдова
Взяли Титушку-ткача!
Ждёт сердечный: „Завтра, нонче ли
Ворочусь на вольный свет?“
Наконец и дело кончили,
А ему решенья нет.
„Эй, хозяйка! нету моченьки.
Ты иди к судьям опять!
Изойдут слезами оченьки,
Как полотна буду ткать?“
Да не то у Степанидушки

Завелося на уме:
С той поры её у Титушки
Не видали уж в тюрьме.
Захворала ли, покинула, —
Тит не ведал ничего.
Лет двенадцать этак минуло —
Призывают в суд его.
Пред зерцалом, в облачении
Молодой судья сидел.
Прочитал ему решение,
Расписаться повелел
И на все четыре стороны
Отпустил — ступай к жене!
„А за что вы, чёрны вороны,
Очи выклевали мне?“
Тут и сам судья покаялся:
„Ты прости, прости любя!
Вправду ты задаром маялся,
Позабыли про тебя!“

Тит — домой. Поля не ораны,
Дом растаскан на клочки,
Продала косули, бороны,

И одёжу, и станки,
С барином слюбилась жёнушка,
Убежала в Кострому.
Тут родимая сторонушка
Опостылела ему.
Плюнул! Долго не разгадывал,
Без дороги в путь пошёл.
Шёл — да песню эту складывал,
Сам с собою речи вёл.
И говаривал старинушка:
„Вся-то песня — два словца,
А запой её, детинушка,
Не дотянешь до конца!
Эту песенку мудрёную
Тот до слова допоёт,
Кто всю землю, Русь крещёную,
Из конца в конец пройдёт“.
Сам её Христов угодничек
Не допел — спит вечным сном.
Ну! подтягивай, охотничек!
Да иди ты передом!
Песня убогого странника

Я лугами иду — ветер свищет в лугах:
Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!

Я лесами иду — звери воют в лесах:
Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!

Я хлебами иду — что вы тощи, хлеба?
С холоду, странничек, с холоду,
С холоду, родименькой, с холоду!

Я стадами иду: что скотинка слаба?
С голоду, странничек, с голоду,
С голоду, родименькой, с голоду!

Я в деревню: мужик! ты тепло ли живёшь?
Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!

Я в другую: мужик! хорошо ли ешь, пьёшь?
Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!

Уж я в третью: мужик! что ты бабу

бьёшь?

С холоду, странничек, с холоду,

С холоду, родименькой, с холоду!

Я в четверту: мужик! что в кабак ты идёшь?

С голоду, странничек, с голоду,

С голоду, родименькой, с голоду!

Я опять во луга — ветер свищет в лугах:

Холодно, странничек, холодно,

Холодно, родименькой, холодно!

Я опять во леса — звери воют в лесах:

Голодно, странничек, голодно,

Голодно, родименькой, голодно!

Я опять во хлеба, —

Я опять во стада», —

и т. д.

Пел старик, а сам поглядывал:

Поминутно лесничок

То к плечу ружьё прикладывал,

То потрогивал курок.

На беду, ни с кем не встретишься!
«Полно петь… Эй, молодец!
Что отстал?.. В кого ты метишься?
Что ты делаешь, подлец!»
— «Трусы, трусы вы великие!» —
И лесник захохотал
(А глаза такие дикие!).
«Стыдно! — Тихоныч сказал. —
Как не грех тебе захожего
Человека так пугать?
А ещё хотел я дёшево
Миткалю тебе продать!»
Молодец не унимается,
Штуки делает ружьём,
Воем, лаем отзывается
Хохот глупого кругом.
«Эй, уймись! Чего дурачишься? —
Молвил Ванька. — Я молчу,
А заеду, так наплачешься,
Разом скулы сворочу!
Коли ты уж с нами встретился,
Должен честью проводить».

А лесник опять наметился.
«Не шути!» — «Чаво шутить!» —
Коробейники отпрянули,
Бог помилуй — смерть пришла!
Почитай что разом грянули
Два ружейные ствола.
Без словечка Ванька валится,
С криком падает старик…

В кабаке бурлит, бахвалится
Тем же вечером лесник:
«Пейте, пейте, православные!
Я, ребятушки, богат;
Два бекаса ныне славные
Мне попали под заряд!
Много серебра и золотца,
Много всякого добра
Бог послал!» Глядят, у молодца
Точно — куча серебра.
Подзадорили детинушку —
Он почти всю правду бух!
На беду его — скотинушку
Тем болотом гнал пастух:

Слышал выстрелы ружейные,
Слышал крики… «Стой! винись!..»

И мирские и питейные
Тотчас власти собрались.
Молодцу скрутили рученьки:
«Ты вяжи меня, вяжи,
Да не тронь мои онученьки!»
— «Их-то нам и покажи!» —
Поглядели: под онучами
Денег с тысячу рублей —
Серебро, бумажки кучами.
Утром позвали судей,
Судьи тотчас всё доведали
(Только денег не нашли!),
Погребенью мёртвых предали,
Лесника в острог свезли…

Август 1861

Мороз, красный нос*

Посвящаю моей сестре
Анне Алексеевне.

Ты опять упрекнула меня,
Что я с музой моей раздружился,
Что заботам текущего дня
И забавам его подчинился.
Для житейских расчетов и чар
Не расстался б я с музой моею,
Но бог весть, не погас ли тот дар,
Что, бывало, дружил меня с нею?
Но не брат еще людям поэт,
И тернист его путь, и непрочен,
Я умел не бояться клевет,
Не был ими я сам озабочен;
Но я знал, чье во мраке ночном
Надрывалося сердце с печали,
И на чью они грудь упадали свинцом,
И кому они жизнь отравляли.
И пускай они мимо прошли,

Надо мною ходившие грозы,
Знаю я, чьи молитвы и слезы
Роковую стрелу отвели...
Да и время ушло, — я устал...
Пусть я не был бойцом без упрека,
Но я силы в себе сознавал,
Я во многое верил глубоко,
А теперь — мне пора умирать...
Не затем же пускаться в дорогу,
Чтобы в любящем сердце опять
Пробудить роковую тревогу...

Присмиревшую музу мою
Я и сам неохотно ласкаю...
Я последнюю песню пою
Для тебя — и тебе посвящаю.
Но не будет она веселей,
Будет много печальнее прежней,
Потому что на сердце темней
И в грядущем еще безнадежней...

Буря воет в саду, буря ломится в дом,
Я боюсь, чтоб она не сломила

Старый дуб, что посажен отцом,
И ту иву, что мать посадила,
Эту иву, которую ты
С нашей участью странно связала,
На которой поблекли листы
В ночь, как бедная мать умирала…

И дрожит и пестреет окно…
Чу! как крупные градины скачут!
Милый друг, поняла ты давно —
Здесь одни только камни не плачут…
…

Часть первая
Смерть крестьянина

I

Савраска увяз в половине сугроба,—
Две пары промерзлых лаптей
Да угол рогожей покрытого гроба
Торчат из убогих дровней.

Старуха, в больших рукавицах,
Савраску сошла понукать.
Сосульки у ней на ресницах,
С морозу — должно полагать.

II

Привычная дума поэта
Вперед забежать ей спешит:
Как саваном, снегом одета,
Избушка в деревне стоит,

В избушке — теленок в подклети,
Мертвец на скамье у окна;

Шумят его глупые дети,
Тихонько рыдает жена.

Сшивая проворной иголкой
На саван куски полотна,
Как дождь, зарядивший надолго,
Негромко рыдает она.

III

Три тяжкие доли имела судьба,
И первая доля: с рабом повенчаться,
Вторая — быть матерью сына раба,
А третья — до гроба рабу покоряться,
И все эти грозные доли легли
На женщину русской земли.

Века протекали — все к счастью стремилось,
Все в мире по нескольку раз изменилось,
Одну только бог изменить забывал
Суровую долю крестьянки.
И все мы согласны, что тип измельчал
Красивой и мощной славянки.

Случайная жертва судьбы!
Ты глухо, незримо страдала,
Ты свету кровавой борьбы
И жалоб своих не вверяла,—

Но мне ты их скажешь, мой друг!
Ты с детства со мною знакома.
Ты вся — воплощенный испуг,
Ты вся — вековая истома!
Тот сердца в груди не носил,
Кто слез над тобою не лил!

IV

Однако же речь о крестьянке
Затеяли мы, чтоб сказать,
Что тип величавой славянки
Возможно и ныне сыскать.

Есть женщины в русских селеньях
С спокойною важностью лиц,
С красивою силой в движеньях,
С походкой, со взглядом цариц,—

Их разве слепой не заметит,

А зрячий о них говорит:
«Пройдет — словно солнце осветит!
Посмотрит — рублем подарит!»

Идут они той же дорогой,
Какой весь народ наш идет,
Но грязь обстановки убогой
К ним словно не липнет. Цветет

Красавица, миру на диво,
Румяна, стройна, высока,
Во всякой одежде красива,
Ко всякой работе ловка.

И голод и холод выносит,
Всегда терпелива, ровна...
Я видывал, как она косит:
Что взмах — то готова копна!

Платок у ней на ухо сбился,
Того гляди косы падут.
Какой-то парнек изловчился
И кверху подбросил их, шут!

Тяжелые русые косы
Упали на смуглую грудь,

Покрыли ей ноженьки босы,
Мешают крестьянке взглянуть.

Она отвела их руками,
На парня сердито глядит.
Лицо величаво, как в раме,
Смущеньем и гневом горит…

По будням не любит безделья.
Зато вам ее не узнать,
Как сгонит улыбка веселья
С лица трудовую печать.

Такого сердечного смеха,
И песни, и пляски такой
За деньги не купишь. «Утеха!»
Твердят мужики меж собой.

В игре ее конный не словит,
В беде — не сробеет, — спасет;
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет!

Красивые, ровные зубы,
Что крупные перлы, у ней,
Но строго румяные губы

Хранят их красу от людей —

Она улыбается редко...
Ей некогда лясы точить,
У ней не решится соседка
Ухвата, горшка попросить;

Не жалок ей нищий убогий —
Вольно ж без работы гулять!
Лежит на ней дельности строгой
И внутренней силы печать.

В ней ясно и крепко сознанье,
Что все их спасенье в труде,
И труд ей несет воздаянье:
Семейство не бьется в нужде,

Всегда у них теплая хата,
Хлеб выпечен, вкусен квасок,
Здоровы и сыты ребята,
На праздник есть лишний кусок.

Идет эта баба к обедне
Пред всею семьей впереди:
Сидит, как на стуле, двухлетний
Ребенок у ней на груди,

Рядком шестилетнего сына
Нарядная матка ведет...
И по сердцу эта картина
Всем любящим русский народ!

V

И ты красотою дивила,
Была и ловка, и сильна,
Но горе тебя иссушило,
Уснувшего Прокла жена!

Горда ты — ты плакать не хочешь,
Крепишься, но холст гробовой
Слезами невольно ты мочишь,
Сшивая проворной иглой.

Слеза за слезой упадает
На быстрые руки твои.
Так колос беззвучно роняет
Созревшие зерна свои...

VI

В селе, за четыре версты,

У церкви, где ветер шатает
Подбитые бурей кресты,
Местечко старик выбирает;

Устал он, работа трудна,
Тут тоже сноровка нужна —

Чтоб крест было видно с дороги,
Чтоб солнце играло кругом.
В снегу до колен его ноги,
В руках его заступ и лом,

Вся в инее шапка большая,
Усы, борода в серебре.
Недвижно стоит, размышляя,
Старик на высоком бугре.

Решился. Крестом обозначил,
Где будет могилу копать,
Крестом осенился и начал
Лопатою снег разгребать.

Иные приемы тут были,
Кладбище не то, что поля:
Из снегу кресты выходили,
Крестами ложилась земля.

Согнув свою старую спину,
Он долго, прилежно копал,
И желтую мерзлую глину
Тотчас же снежок застилал.

Ворона к нему подлетела,
Потыкала носом, прошлась:
Земля как железо звенела —
Ворона ни с чем убралась…

Могила на славу готова,—
«Не мне б эту яму копать!
(У старого вырвалось слово.)
Не Проклу бы в ней почивать,

Не Проклу!..» Старик оступился,
Из рук его выскользнул лом
И в белую яму скатился,
Старик его вынул с трудом.

Пошел… по дороге шагает…
Нет солнца, луна не взошла…
Как будто весь мир умирает:
Затишье, снежок, полумгла…

VII

В овраге, у речки Желтухи,
Старик свою бабу нагнал
И тихо спросил у старухи:
«Хорош ли гробок-то попал?»

Уста ее чуть прошептали
В ответ старику: «Ничего».
Потом они оба молчали,
И дровни так тихо бежали,
Как будто боялись чего...

Деревня еще не открылась,
А близко — мелькает огонь.
Старуха крестом осенилась,
Шарахнулся в сторону конь,—

Без шапки, с ногами босыми,
С большим заостренным колом,
Внезапно предстал перед ними
Старинный знакомец Пахом.

Прикрыты рубахою женской,
Звенели вериги на нем;

Постукал дурак деревенский
В морозную землю колом,

Потом помычал сердобольно,
Вздохнул и сказал: «Не беда!
На вас он работал довольно,
И ваша пришла череда!

Мать сыну-то гроб покупала,
Отец ему яму копал,
Жена ему саван сшивала —
Всем разом работу вам дал!..»

Опять помычал — и без цели
В пространство дурак побежал.
Вериги уныло звенели,
И голые икры блестели,
И посох по снегу черкал.

VIII

У дома оставили крышу,
К соседке свели ночевать
Зазябнувших Машу и Гришу
И стали сынка обряжать.

Медлительно, важно, сурово
Печальное дело велось:
Не сказано лишнего слова,
Наружу не выдано слез.

Уснул, потрудившийся в поте!
Уснул, поработав земле!
Лежит, непричастный заботе,
На белом сосновом столе,

Лежит неподвижный, суровый,
С горящей свечой в головах,
В широкой рубахе холщовой
И в липовых новых лаптях.

Большие, с мозолями руки,
Подъявшие много труда,
Красивое, чуждое муки
Лицо — и до рук борода...

IX

Пока мертвеца обряжали,
Не выдали словом тоски
И только глядеть избегали

Друг другу в глаза бедняки.

Но вот уже кончено дело,
Нет нужды бороться с тоской,
И что на душе накипело,
Из уст полилося рекой.

Не ветер гудит по ковыли,
Не свадебный поезд гремит,—
Родные по Прокле завыли,
По Прокле семья голосит:

«Голубчик ты наш сизокрылый!
Куда ты от нас улетел?
Пригожеством, ростом и силой
Ты ровни в селе не имел,

Родителям был ты советник,
Работничек в поле ты был,
Гостям хлебосол и приветник,
Жену и детей ты любил...

Что ж мало гулял ты по свету?
За что нас покинул, родной?
Одумал ты думушку эту,
Одумал с сырою землей,—

Одумал — а нам оставаться
Велел во миру; сиротам,
Не свежей водой умываться,
Слезами горючими нам!

Старуха помрет со кручины,
Не жить и отцу твоему,
Береза в лесу без вершины —
Хозяйка без мужа в дому.

Ее не жалеешь ты, бедной,
Детей не жалеешь... Вставай!
С полоски своей заповедной
По лету сберешь урожай!

Сплесни, ненаглядный, руками,
Сокольим глазком посмотри,
Тряхни шелкóвыми кудрями,
Сахáрны уста растворí!

На радости мы бы сварили
И меду, и браги хмельной,
За стол бы тебя посадили —
Покушай, желанный, родной!

А сами напротив бы стали —

Кормилец, надёжа семьи!—
Очей бы с тебя не спускали,
Ловили бы речи твои...»

X

На эти рыданья и стоны
Соседи валили гурьбой:
Свечу положив у иконы,
Творили земные поклоны
И шли молчаливо домой.

На смену входили другие.
Но вот уж толпа разбрелась,
Поужинать сели родные —
Капуста да с хлебушком квас.

Старик бесполезной кручине
Собой овладеть не давал:
Подладившись ближе к лучине,
Он лапоть худой ковырял.

Протяжно и громко вздыхая,
Старуха на печку легла,
А Дарья, вдова молодая,

Проведать ребяток пошла.

Всю ноченьку, стоя у свечки,
Читал над усопшим дьячок,
И вторил ему из-за печки
Пронзительным свистом сверчок.

XI

Сурово метелица выла
И снегом кидала в окно,
Невесело солнце всходило:
В то утро свидетелем было
Печальной картины оно.

Савраска, запряженный в сани,
Понуро стоял у ворот;
Без лишних речей, без рыданий
Покойника вынес народ.

— Ну, трогай, саврасушка! трогай!
Натягивай крепче гужи!
Служил ты хозяину много,
В последний разок послужи!..

В торговом селе Чистополье

Купил он тебя сосунком,
Взрастил он тебя на приволье,
И вышел ты добрым конем.

С хозяином дружно старался,
На зимушку хлеб запасал,
Во стаде ребенку давался,
Травой да мякиной питался,
А тело изрядно держал.

Когда же работы кончались
И сковывал землю мороз,
С хозяином вы отправлялись
С домашнего корма в извоз.

Немало и тут доставалось —
Возил ты тяжелую кладь,
В жестокую бурю случалось,
Измучась, дорогу терять.

Видна на боках твоих впалых
Кнута не одна полоса,
Зато на дворах постоялых
Покушал ты вволю овса.

Слыхал ты в январские ночи

Метели пронзительный вой
И волчьи горящие очи
Видал на опушке лесной,

Продрогнешь, натерпишься страху,
А там — и опять ничего!
Да, видно, хозяин дал маху —
Зима доконала его!..

XII

Случилось в глубоком сугробе
Полсуток ему простоять,
Потом то в жару, то в ознобе
Три дня за подводой шагать:

Покойник на срок торопился
До места доставить товар.
Доставил, домой воротился —
Нет голосу, в теле пожар!

Старуха его окатила
Водой с девяти веретен
И в жаркую баню сводила,
Да нет — не поправился он!

Тогда ворожеек созвали —
И поят, и шепчут, и трут —
Все худо! Его продевали
Три раза сквозь потный хомут,

Спускали родимого в пролубь,
Под куричий клали насест…
Всему покорялся, как голубь,—
А плохо — не пьет и не ест!

Еще положить под медведя,
Чтоб тот ему кости размял,
Ходебщик сергачевский Федя —
Случившийся тут — предлагал.

Но Дарья, хозяйка больного,
Прогнала советчика прочь;
Испробовать средства иного
Задумала баба: и в ночь

Пошла в монастырь отдаленный
(Верстах в десяти от села),
Где в некой иконе явленной
Целебная сила была.

Пошла, воротилась с иконой —

Больной уж безгласен лежал,
Одетый как в гроб, причащенный.
Увидел жену, простонал

И умер…

XIII

…Саврасушка, трогай,
Натягивай крепче гужи!
Служил ты хозяину много,
В последний разок послужи!

Чу! два похоронных удара!
Попы ожидают — иди!..
Убитая, скорбная пара,
Шли мать и отец впереди.

Ребята с покойником оба
Сидели, не смея рыдать,
И, правя савраской, у гроба
С вожжами их бедная мать

Шагала… Глаза ее впали,
И был не белей ее щек
Надетый на ней в знак печали

Из белой холстины платок.

За Дарьей — соседей, соседок
Плелась негустая толпа,
Толкуя, что Прокловых деток
Теперь незавидна судьба,

Что Дарье работы прибудет,
Что ждут ее черные дни.
«Жалеть ее некому будет»,—
Согласно решили они…

XIV

Как водится, в яму спустили,
Засыпали Прокла землей;
Поплакали, громко повыли,
Семью пожалели, почтили
Покойника щедрой хвалой.

Сам староста, Сидор Иваныч,
Вполголоса бабам подвыл
И «мир тебе, Прокл Севастьяныч!—
Сказал, — благодушен ты был,

Жил честно, а главное: в сроки,

Уж как тебя бог выручал,
Платил господину оброки
И подать царю представлял!»

Истратив запас красноречья,
Почтенный мужик покряхтел:
«Да, вот она жизнь человечья!» —
Прибавил — и шапку надел.

«Свалился… а то-то был в силе!..
Свалимся… не минуть и нам!..»
Еще покрестились могиле
И с богом пошли по домам.

Высокий, седой, сухопарый,
Без шапки, недвижно-немой,
Как памятник, дедушка старый
Стоял на могиле родной!

Потом старина бородатый
Задвигался тихо по ней,
Ровняя землицу лопатой
Под вопли старухи своей.

Когда же, оставивши сына,
Он с бабой в деревню входил:

«Как пьяных, шатает кручина!
Гляди-тко!..» — народ говорил.

XV

А Дарья домой воротилась —
Прибраться, детей накормить.
Ай-ай! Как изба настудилась!
Торопится печь затопить,

Ан глядь — ни полена дровишек!
Задумалась бедная мать:
Покинуть ей жаль ребятишек,
Хотелось бы их приласкать,

Да времени нету на ласки,
К соседке свела их вдова,
И тотчас на том же савраске
Поехала в лес, по дрова...

Часть вторая
Мороз, красный нос

XVI

Морозно. Равнины белеют под снегом,
Чернеется лес впереди,
Савраска плетется ни шагом, ни бегом,
Не встретишь души на пути.

Как тихо! В деревне раздавшийся голос
Как будто у самого уха гудет,
О корень древесный запнувшийся полоз
Стучит и визжит, и за сердце скребет.

Кругом — поглядеть нету мочи,
Равнина в алмазах блестит...
У Дарьи слезами наполнились очи —
Должно быть, их солнце слепит...

XVII

В полях было тихо, но тише

В лесу и как будто светлей.
Чем дале — деревья всё выше,
А тени длинней и длинней.

Деревья, и солнце, и тени,
И мертвый, могильный покой...
Но — чу! заунывные пени,
Глухой, сокрушительный вой!

Осилило Дарьюшку горе,
И лес безучастно внимал,
Как стоны лились на просторе,
И голос рвался и дрожал,

И солнце, кругло и бездушно,
Как желтое око совы,
Глядело с небес равнодушно
На тяжкие муки вдовы.

И много ли струн оборвалось
У бедной крестьянской души,
Навеки сокрыто осталось
В лесной нелюдимой глуши.

Великое горе вдовицы
И матери малых сирот

Подслушали вольные птицы,
Но выдать не смели в народ...

XVIII

Не псарь по дубровушке трубит,
Гогочет, сорвиголова,—
Наплакавшись, колет и рубит
Дрова молодая вдова.

Срубивши, на дровни бросает —
Наполнить бы их поскорей,
И вряд ли сама замечает,
Что слезы всё льют из очей:

Иная с ресницы сорвется
И на снег с размаху падет —
До самой земли доберется,
Глубокую ямку прожжет;

Другую на дерево кинет,
На плашку, — и смотришь, она
Жемчужиной крупной застынет —
Бела, и кругла, и плотна.

А та на глазу поблистает,

Стрелой по щеке побежит,
И солнышко в ней поиграет...
Управиться Дарья спешит,

Знай, рубит, — не чувствует стужи,
Не слышит, что ноги знобит,
И, полная мыслью о муже,
Зовет его, с ним говорит...

XIX

...
...
Голубчик! красавицу нашу
Весной в хороводе опять
Подхватят подруженьки Машу
И станут на ручках качать!

Станут качать,
Кверху бросать,
Маковкой звать,
Мак отряхать![1]

Вся раскраснеется наша
Маковым цветиком Маша

С синими глазками, с русой косой!

Ножками бить и смеяться
Будет... а мы-то с тобой,
Мы на нее любоваться
Будем, желанный ты мой!..

XX

Умер, не дожил ты веку,
Умер и в землю зарыт!
Любо весной человеку,
Солнышко ярко горит.

Солнышко все оживило,
Божьи открылись красы,
Поле сохи запросило,
Травушки просят косы,

Рано я, горькая, встала,
Дома не ела, с собой не брала,
До ночи пашню пахала,
Ночью я косу клепала,
Утром косить я пошла...

Крепче вы, ноженьки, стойте!

Белые руки, не нойте!
Надо одной поспевать!

В поле одной-то надсадно,
В поле одной неповадно,
Стану я милого звать!

Ладно ли пашню вспахала?
Выди, родимый, взгляни!
Сухо ли сено убрала?
Прямо ли стоги сметала?..
Я на граблях отдыхала
Все сенокосные дни!

Некому бабью работу поправить!
Некому бабу на разум наставить.

XXI

Стала скотинушка в лес убираться,
Стала рожь-матушка в колос метать-ся,
Бог нам послал урожай!
Нынче солома по грудь человеку,
Бог нам послал урожай!

Да не продлил тебе веку,—
Хочешь не хочешь, одна поспевай!..

Овод жужжит и кусает,
Смертная жажда томит,
Солнышко серп нагревает,
Солнышко очи слепит,
Жжет оно голову, плечи,
Ноженьки, рученьки жжет,
Изо ржи, словно из печи,
Тоже теплом обдает,
Спинушка ноет с натуги,
Руки и ноги болят,
Красные, желтые круги
Перед очами стоят...
Жни-дожинай поскорее,
Видишь — зерно потекло...
Вместе бы дело спорее,
Вместе повадней бы шло...

XXII

Сон мой был в руку, родная!
Сон перед спасовым днем.

В поле заснула одна я
После полудня, с серпом;
Вижу — меня оступает
Сила — несметная рать,—
Грозно руками махает,
Грозно очами сверкает.
Думала я убежать,
Да не послушались ноги.
Стала просить я помоги,
Стала я громко кричать.

Слышу, земля задрожала —
Первая мать прибежала,
Травушки рвутся, шумят —
Детки к родимой спешат.
Шибко без ветру не машет
Мельница в поле крылом:
Братец идет да приляжет,
Свекор плетется шажком.
Все прибрели, прибежали,
Только дружка одного
Очи мои не видали...
Стала я кликать его:

«Видишь, меня оступает
Сила — несметная рать,—
Грозно руками махает,
Грозно очами сверкает:
Что не идешь выручать?..»
Тут я кругом огляделась —
Господи! Что куда делось?
Что это было со мной?
Рати тут нет никакой!
Это не люди лихие,
Не бусурманская рать,
Это колосья ржаные,
Спелым зерном налитые,
Вышли со мной воевать!

Машут, шумят; наступают,
Руки, лицо щекотят,
Сами солому под серп нагибают —
Больше стоять не хотят!

Жать принялась я проворно,
Жну, а на шею мою
Сыплются крупные зерна —

Словно под градом стою!

Вытечет, вытечет за ночь
Вся наша матушка-рожь...
Где же ты, Прокл Севастьяныч?
Что пособлять не идешь?..

Сон мой был в руку, родная!
Жать теперь буду одна я.

Стану без милого жать,
Снопики крепко вязать,
В снопики слезы ронять!

Слезы мои не жемчужны,
Слезы горюшки-вдовы,
Что же вы господу нужны,
Чем ему дороги вы?..

XXIII

Долги вы, зимние ноченьки,
Скучно без милого спать,
Лишь бы не плакали оченьки,
Стану полотна я ткать.

Много натку я полотен,

Тонких добротных новин,
Вырастет крепок и плотен,
Вырастет ласковый сын.

Будет по нашему месту
Он хоть куда женихом,
Высватать парню невесту
Сватов надежных пошлем...

Кудри сама расчесала я Грише,
Кровь с молоком наш сынок-первенец,
Кровь с молоком и невеста... Иди же!
Благослови молодых под венец!..

Этого дня мы, как праздника, ждали,
Помнишь, как начал Гришуха ходить,
Целую ноченьку мы толковали,
Как его будем женить,
Стали на свадьбу копить понемногу...
Вот — дождались, слава богу!

Чу, бубенцы говорят!
Поезд вернулся назад,
Выди навстречу проворно —
Пава-невеста, соколик-жених!—

Сыпь на них хлебные зерна,
Хмелем осыпь молодых!..[2]

XXIV

Стадо у лесу у темного бродит,
Лыки в лесу пастушонке дерет,
Из лесу серый волчище выходит.
Чью он овцу унесет?

Черная туча, густая-густая,
Прямо над нашей деревней висит,
Прыснет из тучи стрела громовая,
В чей она дом сноровит?

Вести недобрые ходят в народе,
Парням недолго гулять на свободе,
Скоро — рекрутский набор!

Наш-то молодчик в семье одиночка,
Всех у нас деток — Гришуха да дочка.
Да голова у нас вор —
Скажет: мирской приговор!

Сгибнет ни за́ что ни про́ что детина.
Встань, заступись за родимого сына!

Нет! не заступишься ты!..
Белые руки твои опустились,
Ясные очи навеки закрылись...
Горькие мы сироты!..

XXV

Я ль не молила царицу небесную?
Я ли ленива была?
Ночью одна по икону чудесную
Я не сробела — пошла.

Ветер шумит, наметает сугробы.
Месяца нет — хоть бы луч!
На́ небо глянешь — какие-то гробы,
Цепи да гири выходят из туч...

Я ли о нем не старалась?
Я ли жалела чего?
Я ему молвить боялась,
Как я любила его!

Звездочки будут у ночи,
Будет ли нам-то светлей?..

Заяц спрыгнул из-под ночи,

Заинька, стой! не посмей
Перебежать мне дорогу!

В лес укатил, слава богу...
К полночи стало страшней,—

Слышу, нечистая сила
Залотошила, завыла,
Заголосила в лесу.

Что мне до силы нечистой?
Чур меня! Деве пречистой
Я приношенье несу!

Слышу я конское ржанье,
Слышу волков завыванье,
Слышу погоню за мной,—

Зверь на меня не кидайся!
Лих человек не касайся,
Дорог наш грош трудовой!

* * *

Лето он жил работаючи,
Зиму не видел детей,
Ночи о нем помышляючи,

Я не смыкала очей.

Едет он, зябнет... а я-то, печальная,
Из волокнистого льну,
Словно дорога его чужедальная,
Долгую — нитку тяну.

Веретено мое прыгает, вертится,
В пол ударяется.
Проклушка пеш идет, в рытвине крестится,
К возу на горочке сам припрягается.

Лето за летом, зима за зимой,
Этак-то мы раздобылись казной!

Милостив буди к крестьянину бедному,
Господи! всё отдаем,
Что по копейке, по грошику медному
Мы сколотили трудом!..

XXVI

Вся ты, тропина лесная!
Кончился лес.
К утру звезда золотая

С божьих небес
Вдруг сорвалась — и упала,
Дунул господь на нее,
Дрогнуло сердце мое:
Думала я, вспоминала —
Что́ было в мыслях тогда,
Как покатилась звезда?
Вспомнила! ноженьки стали,
Силюсь идти, а нейду!
Думала я, что едва ли
Прокла в живых я найду…

Нет! не попустит царица небесная!
Даст исцеленье икона чудесная!

Я осенилась крестом
И побежала бегом…

Сила-то в нем богатырская,
Милостив бог, не умрет…
Вот и стена монастырская!
Тень уж моя головой достает
До монастырских ворот.

Я поклонилася зе́мным поклоном,

Стала на ноженьки, глядь —
Ворон сидит на кресте золоченом,
Дрогнуло сердце опять!

XXVII

Долго меня продержали —
Схимницу сестры в тот день погребали.

Утреня шла,
Тихо по церкви ходили монашины,
В черные рясы наряжены,
Только покойница в белом была:
Спит — молодая, спокойная,
Знает, что будет в раю.
Поцеловала и я, недостойная,
Белую ручку твою!
В личико долго глядела я:
Всех ты моложе, нарядней, милей,
Ты меж сестер словно горлинка белая
Промежду сизых, простых голубей.

В ручках чернеются четки,
Писаный венчик на лбу.

Черный покров на гробу —
Этак-то ангелы кротки!

Молви, касатка моя,
Богу святыми устами,
Чтоб не осталася я
Горькой вдовой с сиротами!

Гроб на руках до могилы снесли,
С пеньем и плачем ее погребли.

XXVIII

Двинулась с миром икона святая,
Сестры запели, ее провожая,
Все приложилися к ней.

Много владычице было почету:
Старый и малый бросали работу,
Из деревень шли за ней.

К ней выносили больных и убогих…
Знаю, владычица! знаю: у многих
Ты осушила слезу…
Только ты милости к нам не явила!
…

...
«Господи! сколько я дров нарубила!
Не увезешь на возу...»

XXIX

Окончив привычное дело,
На дровни поклала дрова,
За вожжи взялась и хотела
Пуститься в дорогу вдова.

Да вновь пораздумалась, стоя,
Топор машинально взяла
И тихо, прерывисто воя,
К высокой сосне подошла.

Едва ее ноги держали,
Душа истомилась тоской,
Настало затишье печали —
Невольный и страшный покой!

Стоит под сосной чуть живая,
Без думы, без стона, без слез.
В лесу тишина гробовая —
День светел, крепчает мороз.

XXX

Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи,
Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои.

Глядит — хорошо ли метели
Лесные тропы занесли,
И нет ли где трещины, щели,
И нет ли где голой земли?

Пушисты ли сосен вершины,
Красив ли узор на дубах?
И крепко ли скованы льдины
В великих и малых водах?

Идет — по деревьям шагает,
Трещит по замерзлой воде,
И яркое солнце играет
В косматой его бороде.

Дорога везде чародею,
Чу! ближе подходит, седой.
И вдруг очутился над нею,

Над самой ее головой!

Забравшись на сосну большую,
По веточкам палицей бьет
И сам про себя удалую,
Хвастливую песню поет:

XXXI

«Вглядись, молодица, смелее,
Каков воевода Мороз!
Навряд тебе парня сильнее
И краше видать привелось?

Метели, снега и туманы
Покорны морозу всегда,
Пойду на моря-окияны —
Построю дворцы изо льда.

Задумаю — реки большие
Надолго упрячу под гнет,
Построю мосты ледяные,
Каких не построит народ.

Где быстрые, шумные воды
Недавно свободно текли —

Сегодня прошли пешеходы,
Обозы с товаром прошли.

Люблю я в глубоких могилах
Покойников в иней рядить,
И кровь вымораживать в жилах,
И мозг в голове леденить.

На горе недоброму вору,
На страх седоку и коню,
Люблю я в вечернюю пору
Затеять в лесу трескотню.

Бабенки, пеняя на леших,
Домой удирают скорей.
А пьяных, и конных, и пеших
Дурачить еще веселей.

Без мелу всю выбелю рожу,
А нос запылает огнем,
И бороду так приморожу
К вожжам — хоть руби топором!

Богат я, казны не считаю,
А все не скудеет добро;
Я царство мое убираю

В алмазы, жемчуг, серебро.

Войди в мое царство со мною
И будь ты царицею в нем!
Поцарствуем славно зимою,
А летом глубоко уснем.

Войди! приголублю, согрею,
Дворец отведу голубой...»
И стал воевода над нею
Махать ледяной булавой.

XXXII

«Тепло ли тебе, молодица?» —
С высокой сосны ей кричит.
— Тепло! — отвечает вдовица,
Сама холодеет, дрожит.

Морозко спустился пониже,
Опять помахал булавой
И шепчет ей ласковей, тише:
«Тепло ли?..» — Тепло, золотой!

Тепло — а сама коченеет.
Морозко коснулся ее:

В лицо ей дыханием веет
И иглы колючие сеет
С седой бороды на нее.

И вот перед ней опустился!
«Тепло ли?» — промолвил опять,
И в Проклушку вдруг обратился,
И стал он ее целовать.

В уста ее, в очи и в плечи
Седой чародей целовал
И те же ей сладкие речи,
Что милый о свадьбе, шептал.

И так-то ли любо ей было
Внимать его сладким речам,
Что Дарьюшка очи закрыла,
Топор уронила к ногам,

Улыбка у горькой вдовицы
Играет на бледных губах,
Пушисты и белы ресницы,
Морозные иглы в бровях…

XXXIII

В сверкающий иней одета,
Стоит, холодеет она,
И снится ей жаркое лето —
Не вся еще рожь свезена,

Но сжата, — полегче им стало!
Возили снопы мужики,
А Дарья картофель копала
С соседних полос у реки.

Свекровь ее тут же, старушка,
Трудилась; на полном мешке
Красивая Маша-резвушка
Сидела с морковкой в руке.

Телега, скрипя, подъезжает,—
Савраска глядит на своих,
И Проклушка крупно шагает
За возом снопов золотых.

— Бог помочь! А где же Гришуха?—
Отец мимоходом сказал.
«В горохах», — сказала старуха.

— Гришуха! — отец закричал,

На небо взглянул — Чай, не рано?
Испить бы… — Хозяйка встает
И Проклу из белого жбана
Напиться кваску подает.

Гришуха меж тем отозвался:
Горохом опутан кругом,
Проворный мальчуга казался
Бегущим зеленым кустом.

— Бежит!.. у!.. бежит, постреленок,
Горит под ногами трава!—
Гришуха черен, как галчонок,
Бела лишь одна голова.

Крича, подбегает вприсядку
(На шее горох хомутом).
Попотчевал баушку, матку,
Сестренку — вертится вьюном!

От матери молодцу ласка,
Отец мальчугана щипнул;
Меж тем не дремал и савраска:
Он шею тянул да тянул,

Добрался, — оскаливши зубы,
Горох аппетитно жует,
И в мягкие добрые губы
Гришухино ухо берет...

XXXIV

Машутка отцу закричала:
— Возьми меня, тятька, с собой!
Спрыгнула с мешка — и упала,
Отец ее поднял. «Не вой!

Убилась — неважное дело!..
Девчонок не надобно мне,
Еще вот такого пострела
Рожай мне, хозяйка, к весне!

Смотри же!..» Жена застыдилась:
— Довольно с тебя одного!—
(А знала под сердцем уж билось
Дитя...) «Ну! Машук, ничего!»

И Проклушка, став на телегу,
Машутку с собой посадил.
Вскочил и Гришуха с разбегу,

И с грохотом воз покатил.

Воробушков стая слетела
С снопов, над телегой взвилась.
И Дарьюшка долго смотрела,
От солнца рукой заслонясь,

Как дети с отцом приближались
К дымящейся риге своей,
И ей из снопов улыбались
Румяные лица детей...

Чу, песня! знакомые звуки!
Хорош голосок у певца...
Последние признаки муки
У Дарьи исчезли с лица,

Душой улетая за песней,
Она отдалась ей вполне...
Нет в мире той песни прелестней,
Которую слышим во сне!

О чем она — бог ее знает!
Я слов уловить не умел,
Но сердце она утоляет,
В ней дольнего счастья предел.

В ней кроткая ласка участья,
Обеты любви без конца...
Улыбка довольства и счастья
У Дарьи не сходит с лица.

XXXV

Какой бы ценой ни досталось
Забвенье крестьянке моей,
Что нужды? Она улыбалась.
Жалеть мы не будем о ней.

Нет глубже, нет слаще покоя,
Какой посылает нам лес,
Недвижно, бестрепетно стоя
Под холодом зимних небес.

Нигде так глубоко и вольно
Не дышит усталая грудь,
И ежели жить нам довольно,
Нам слаще нигде не уснуть!

XXXVI

Ни звука! Душа умирает

Для скорби, для страсти. Стоишь
И чувствуешь, как покоряет
Ее эта мертвая тишь.

Ни звука! И видишь ты синий
Свод неба, да солнце, да лес,
В серебряно-матовый иней
Наряженный, полный чудес,

Влекущий неведомой тайной,
Глубоко бесстрастный… Но вот
Послышался шорох случайный —
Вершинами белка идет.

Ком снегу она уронила
На Дарью, прыгнув по сосне,
А Дарья стояла и стыла
В своем заколдованном сне…

1862–1863

Дедушка*

(Посвящается З-н-ч-е)

I

Раз у отца, в кабинете,
Саша портрет увидал,
Изображён на портрете
Был молодой генерал.
«Кто это? — спрашивал Саша. —
Кто?..» — «Это дедушка твой». —
И отвернулся папаша,
Низко поник головой.
«Что же не вижу его я?»
Папа ни слова в ответ.
Внук, перед дедушкой стоя,
Зорко глядит на портрет:
«Папа, чего ты вздыхаешь?
Умер он... жив? говори!»
— «Вырастешь, Саша, узнаешь».
— «То-то... ты скажешь, смотри!..»

II

«Дедушку знаешь, мамаша?» —
Матери сын говорит.
«Знаю», — и за руку Саша
Маму к портрету тащит,
Мама идёт против воли.
«Ты мне скажи про него,
Мама! недобрый он, что ли,
Что я не вижу его?
Ну, дорогая! ну, сделай
Милость, скажи что-нибудь!»
— «Нет, он и добрый и смелый,
Только несчастный». — На грудь
Голову скрыла мамаша,
Тяжко вздыхает, дрожит —
И зарыдала… А Саша
Зорко на деда глядит:
«Что же ты, мама, рыдаешь,
Слова не хочешь сказать!»
— «Вырастешь, Саша, узнаешь.
Лучше пойдём-ка гулять…»

III

В доме тревога большая.
Счастливы, светлы лицом,
Заново дом убирая,
Шепчутся мама с отцом.
Как весела их беседа!
Сын подмечает, молчит.
«Скоро увидишь ты деда!» —
Саше отец говорит…
Дедушкой только и бредит
Саша, — не может уснуть:
«Что же он долго не едет?..»
— «Друг мой! Далёк ему путь!»
Саша тоскливо вздыхает,
Думает: «Что за ответ!»
Вот наконец приезжает
Этот таинственный дед.

IV

Все, уж давно поджидая,
Встретили старого вдруг…

Благословил он, рыдая,
Дом, и семейство, и слуг,
Пыль отряхнул у порога,
С шеи торжественно снял
Образ распятого бога
И, покрестившись, сказал:
«Днесь я со всем примирился,
Что потерпел на веку!..»
Сын пред отцом преклонился,
Ноги омыл старику;
Белые кудри чесала
Дедушке Сашина мать,
Гладила их, целовала,
Сашу звала целовать.
Правой рукою мамашу
Дед обхватил, а другой
Гладил румяного Сашу:
«Экой красавчик какой!»
Дедушку пристальным взглядом
Саша рассматривал, — вдруг
Слёзы у мальчика градом
Хлынули, к дедушке внук

Кинулся: «Дедушка! где ты
Жил-пропадал столько лет?
Где же твои эполеты,
Что не в мундир ты одет?
Что на ноге ты скрываешь?
Ранена, что ли, рука?..»
— «Вырастешь, Саша, узнаешь.
Ну, поцелуй старика!..»

V

Повеселел, оживился,
Радостью дышит весь дом.
С дедушкой Саша сдружился,
Вечно гуляют вдвоём.
Ходят лугами, лесами,
Рвут васильки среди нив;
Дедушка древен годами,
Но ещё бодр и красив,
Зубы у дедушки целы,
Поступь, осанка тверда,
Кудри пушисты и белы,
Как серебро борода;

Строен, высокого роста,
Но как младенец глядит,
Как-то апостольски просто,
Ровно всегда говорит…

VI

Выйдут на берег покатый
К русской великой реке —
Свищет кулик вороватый,
Тысячи лап на песке;
Барку ведут бечевою,
Чу, бурлаков голоса!
Ровная гладь за рекою —
Нивы, покосы, леса.
Лёгкой прохладою дует
С медленных, дремлющих вод…
Дедушка землю целует,
Плачет — и тихо поёт…
«Дедушка! что ты роняешь
Крупные слёзы, как град?..»
— «Вырастешь, Саша, узнаешь!
Ты не печалься — я рад…»

VII

Рад я, что вижу картину
Милую с детства глазам.
Глянь-ка на эту равнину —
И полюби её сам!
Две-три усадьбы дворянских,
Двадцать господних церквей,
Сто деревенек крестьянских
Как на ладони на ней!
У лесу стадо пасётся —
Жаль, что скотинка мелка;
Песенка где-то поётся —
Жаль — неисходно горька!
Ропот: «Подайте же руку
Бедным крестьянам скорей!»
Тысячелетнюю муку,
Саша, ты слышишь ли в ней?..
«Надо, чтоб были здоровы
Овцы и лошади их,
Надо, чтоб были коровы
Толще московских купчих, —

Будет и в песне отрада,
Вместо унынья и мук.
Надо ли?» — «Дедушка, надо!»
— «То-то! попомни же, внук!..»

VIII

Озими пышному всходу,
Каждому цветику рад,
Дедушка хвалит природу,
Гладит крестьянских ребят.
Первое дело у деда
Потолковать с мужиком,
Тянется долго беседа,
Дедушка скажет потом:
«Скоро вам будет не трудно,
Будете вольный народ!»
И улыбнётся так чудно,
Радостью весь расцветёт.
Радость его разделяя,
Прыгало сердце у всех.
То-то улыбка святая!
То-то пленительный смех!

IX

«Скоро дадут им свободу, —
Внуку старик замечал: —
Только и нужно народу.
Чудо я, Саша, видал:
Горсточку русских сослали
В страшную глушь, за раскол,
Волю да землю им дали;
Год незаметно прошёл —
Едут туда комиссары,
Глядь — уж деревня стоит,
Риги, сараи, амбары!
В кузнице молот стучит,
Мельницу выстроят скоро.
Уж запаслись мужики
Зверем из тёмного бора,
Рыбой из вольной реки.
Вновь через год побывали,
Новое чудо нашли:
Жители хлеб собирали
С прежде бесплодной земли.

Дома одни лишь ребята
Да здоровенные псы;
Гуси кричат, поросята
Тычут в корыто носы...»

X

Так постепенно в полвека
Вырос огромный посад —
Воля и труд человека
Дивные дивы творят!
Всё принялось, раздобрело!
Сколько там, Саша, свиней,
Перед селением бело
На полверсты от гусей;
Как там возделаны нивы,
Как там обильны стада!
Высокорослы, красивы
Жители, бодры всегда,
Видно — ведётся копейка!
Бабу там холит мужик:
В праздник на ней душегрейка —
Из соболей воротник!

XI

«Дети до возраста в неге,
Конь — хоть сейчас на завод —
В кованой, прочной телеге
Сотню пудов увезёт…
Сыты там кони-то, сыты,
Каждый там сыто живёт,
Тёсом там избы-то крыты,
Ну уж зато и народ!
Взросшие в нравах суровых,
Сами творят они суд,
Рекрутов ставят здоровых,
Трезво и честно живут,
Подати платят до срока,
Только ты им не мешай».
— «Где ж та деревня?» — «Далёко,
Имя ей: Тарбагатай,
Страшная глушь, за Байкалом…
Так-то, голубчик ты мой,
Ты ещё в возрасте малом,
Вспомнишь, как будешь большой…»

XII

«Ну… а покуда подумай,
То ли ты видишь кругом:
Вот он, наш пахарь угрюмый,
С тёмным, убитым лицом:
Лапти, лохмотья, шапчонка,
Рваная сбруя; едва
Тянет косулю клячонка,
С голоду еле жива!
Голоден труженик вечный,
Голоден тоже, божусь!
Эй! отдохни-ка, сердечный!
Я за тебя потружусь!»
Глянул крестьянин с испугом,
Барину плуг уступил,
Дедушка долго за плугом,
Пот отирая, ходил;
Саша за ним торопился,
Не успевал догонять:
«Дедушка! где научился
Ты так отлично пахать?

Точно мужик, управляешь
Плугом, а был генерал!»
— «Вырастешь, Саша, узнаешь,
Как я работником стал!»

XIII

Зрелище бедствий народных
Невыносимо, мой друг,
Счастье умов благородных
Видеть довольство вокруг.
Нынче полегче народу:
Стих, притаился в тени
Барин, прослышав свободу…
Ну, а как в наши-то дни!

*** * ***

Словно как омут, усадьбу
Каждый мужик объезжал.
Помню ужасную свадьбу,
Поп уже кольца менял,
Да на беду помолиться
В церковь помещик зашёл:

«Кто им позволил жениться?
Стой!» — и к попу подошёл…
Остановилось венчанье!
С барином шутка плоха —
Отдал наглец приказанье
В рекруты сдать жениха,
В девичью — бедную Грушу!
И не перечил никто!..
Кто же имеющий душу
Мог это вынести?.. кто?

XIV

Впрочем, не то ещё было!
И не одни господа,
Сок из народа давила
Подлых подьячих орда.
Что ни чиновник — стяжатель,
С целью добычи в поход
Вышел… а кто неприятель?
Войско, казна и народ!
Всем доставалось исправно.
Стачка, порука кругом:

Смелые грабили явно,
Трусы тащили тайком.
Непроницаемой ночи
Мрак над страною висел…
Видел — имеющий очи
И за отчизну болел.
Стоны рабов заглушая
Лестью да свистом бичей,
Хищников алчная стая
Гибель готовила ей…

XV

Солнце не вечно сияет,
Счастье не вечно везёт:
Каждой стране наступает
Рано иль поздно черёд,
Где не покорность тупая —
Дружная сила нужна;
Грянет беда роковая —
Скажется мигом страна.
Единодушье и разум
Всюду дадут торжество,

Да не придут они разом,
Вдруг не создашь ничего, —
Красноречивым воззваньем
Не разогреешь рабов,
Не озаришь пониманьем
Тёмных и грубых умов.
Поздно! Народ угнетённый
Глух перед общей бедой.
Горе стране разорённой!
Горе стране отсталой!..
Войско одно — не защита.
Да ведь и войско, дитя,
Было в то время забито,
Лямку тянуло кряхтя...

XVI

Дедушка кстати солдата
Встретил, вином угостил,
Поцеловавши как брата,
Ласково с ним говорил:
«Нынче вам служба не бремя —
Кротко начальство теперь...

Ну, а как в наше-то время!
Что ни начальник, то зверь!
Душу вколачивать в пятки
Правилом было тогда.
Как ни трудись, недостатки
Сыщет начальник всегда:
„Есть в маршировке старанье,
Стойка исправна совсем,
Только заметно дыханье…“
Слышишь ли?.. дышат зачем!»

XVII

«А не доволен парадом,
Ругань польётся рекой,
Зубы посыплются градом,
Порет, гоняет сквозь строй!
С пеною у рта обрыщет
Весь перепуганный полк,
Жертв покрупнее поищет
Остервенившийся волк:
„Франтики! подлые души!
Под караулом сгною!“

Слушал — имеющий уши,
Думушку думал свою.
Брань пострашней караула,
Пуль и картечи страшней…
Кто же, в ком честь не уснула,
Кто примирился бы с ней?..»
— «Дедушка! ты вспоминаешь
Страшное что-то?.. скажи!»
— «Вырастешь, Саша, узнаешь,
Честью всегда дорожи…
Взрослые люди — не дети,
Трус — кто сторицей не мстит!
Помни, что нету на свете
Неотразимых обид».

XVIII

Дед замолчал и уныло
Голову свесил на грудь.
«Мало ли, друг мой, что было!..
Лучше пойдём отдохнуть».
Отдых недолог у деда —
Жить он не мог без труда:

Гряды копал до обеда,
Переплетал иногда;
Вечером шилом, иголкой
Что-нибудь бойко тачал,
Песней печальной и долгой
Дедушка труд сокращал.
Внук не проронит ни звука,
Не отойдёт от стола:
Новой загадкой для внука
Дедова песня была…

XIX

Пел он о славном походе
И о великой борьбе;
Пел о свободном народе
И о народе-рабе;
Пел о пустынях безлюдных
И о железных цепях;
Пел о красавицах чудных
С ангельской лаской в очах;
Пел он об их увяданьи
В дикой, далёкой глуши

И о чудесном влияньи
Любящей женской души…
О Трубецкой и Волконской
Дедушка пел — и вздыхал,
Пел — и тоской вавилонской
Келью свою оглашал…
«Дедушка, дальше!.. А где ты
Песенку вызнал свою?
Ты повтори мне куплеты —
Я их мамаше спою.
Те имена поминаешь
Ты иногда по ночам…»
— «Вырастешь, Саша, узнаешь —
Всё расскажу тебе сам:
Где научился я пенью,
С кем и когда я певал…»
— «Ну! приучусь я к терпенью!» —
Саша уныло сказал…

XX

Часто катался летом
Наши друзья в челноке,

С громким, весёлым приветом
Дед приближался к реке:
«Здравствуй, красавица Волга!
С детства тебя я любил».
— «Где ж пропадал ты так долго?» —
Саша несмело спросил.
«Был я далёко, далёко...»
— «Где же?..» Задумался дед.
Мальчик вздыхает глубоко,
Вечный предвидя ответ.
«Что ж, хорошо ли там было?»
Дед на ребёнка глядит:
«Лучше не спрашивай, милый!
(Голос у деда дрожит.)
Глухо, пустынно, безлюдно,
Степь полумёртвая сплошь.
Трудно, голубчик мой, трудно!
По году весточки ждёшь,
Видишь, как тратятся силы —
Лучшие божьи дары,
Близким копаешь могилы,
Ждёшь и своей до поры...

Медленно-медленно таешь…»
— «Что ж ты там, дедушка, жил?..»
— «Вырастешь, Саша, узнаешь!»
Саша слезу уронил…

XXI

«Господи! слушать наскучит!
„Вырастешь!“ — мать говорит,
Папочка любит, а мучит:
„Вырастешь“, — тоже твердит!
То же и дедушка… Полно!
Я уже вырос — смотри!..
(Стал на скамеечку чёлна.)
Лучше теперь говори!..»
Деда целует и гладит:
«Или вы все заодно?..»
Дедушка с сердцем не сладит,
Бьётся как голубь оно.
«Дедушка, слышишь? хочу я
Всё непременно узнать!»
Дедушка, внука целуя,
Шепчет: «Тебе не понять.

Надо учиться, мой милый!
Всё расскажу, погоди!
Пособерись-ка ты с силой,
Зорче кругом погляди.
Умник ты, Саша, а всё же
Надо историю знать
И географию тоже».
— «Долго ли, дедушка, ждать?»
— «Годик, другой, как случится».
Саша к мамаше бежит:
«Мама! хочу я учиться!» —
Издали громко кричит.

XXII

Время проходит. Исправно
Учится мальчик всему —
Знает историю славно
(Лет уже десять ему),
Бойко на карте покажет
И Петербург, и Читу,
Лучше большого расскажет
Многое в русском быту.

Глупых и злых ненавидит,
Бедным желает добра,
Помнит, что слышит, что видит…
Дед примечает: пора!
Сам же он часто хворает,
Стал ему нужен костыль…
Скоро уж, скоро узнает
Саша печальную быль…

30 июля — август 1870

Русские женщины

Княгиня Трубецкая*
Часть первая

Покоен, прочен и легок
На диво слаженный возок;

Сам граф-отец не раз, не два
Его попробовал сперва.

Шесть лошадей в него впрягли,
Фонарь внутри его зажгли.

Сам граф подушки поправлял,
Медвежью полость в ноги стлал,

Творя молитву, образок
Повесил в правый уголок

И — зарыдал… Княгиня-дочь
Куда-то едет в эту ночь…

1

Да, рвем мы сердце пополам
Друг другу, но, родной,
Скажи, что ж больше делать нам?

Поможешь ли тоской!
Один, кто мог бы нам помочь
Теперь… Прости, прости!
Благослови родную дочь
И с миром отпусти!

2

Бог весть, увидимся ли вновь,
Увы! надежды нет.
Прости и знай: твою любовь,
Последний твой завет
Я буду помнить глубоко
В далекой стороне…
Не плачу я, но не легко
С тобой расстаться мне!

3

О, видит бог!.. Но долг другой,
И выше и трудней,
Меня зовет… Прости, родной!
Напрасных слез не лей!
Далек мой путь, тяжел мой путь,

Страшна судьба моя,
Но сталью я одела грудь…
Гордись — я дочь твоя!

4

Прости и ты, мой край родной,
Прости, несчастный край!
И ты… о город роковой,
Гнездо царей… прощай!
Кто видел Лондон и Париж,
Венецию и Рим,
Того ты блеском не прельстишь,
Но был ты мной любим —

5

Счастливо молодость моя
Прошла в стенах твоих,
Твои балы любила я,
Катанья с гор крутых,
Любила блеск Невы твоей
В вечерней тишине,
И эту площадь перед ней

С героем на коне…

6

Мне не забыть… Потом, потом
Расскажут нашу быль…
А ты будь проклят, мрачный дом,
Где первую кадриль
Я танцевала… Та рука
Досель мне руку жжет…
Ликуй…

*** * ***

Покоен, прочен и легок,
Катится городом возок.

Вся в черном, мертвенно бледна,
Княгиня едет в нем одна,

А секретарь отца (в крестах,
Чтоб наводить дорогой страх)

С прислугой скачет впереди…
Свища бичом, крича: «Пади!»

Ямщик столицу миновал….

Далек княгине путь лежал,

Была суровая зима…
На каждой станции сама

Выходит путница: «Скорей
Перепрягайте лошадей!»

И сыплет щедрою рукой
Червонцы челяди ямской.

Но труден путь! В двадцатый день
Едва приехали в Тюмень,

Еще скакали десять дней,
«Увидим скоро Енисей, —

Сказал княгине секретарь, —
Не ездит так и государь!..»

* * *

Вперед! Душа полна тоски,
Дорога всё трудней,
Но грезы мирны и легки —
Приснилась юность ей.
Богатство, блеск! Высокий дом

На берегу Невы,
Обита лестница ковром,
Перед подъездом львы,
Изящно убран пышный зал,
Огнями весь горит.
О радость! нынче детский бал,
Чу! музыка гремит!
Ей ленты алые вплели
В две русые косы,
Цветы, наряды принесли
Невиданной красы.
Пришел папаша — сед, румян, —
К гостям ее зовет.
«Ну, Катя! чудо сарафан!
Он всех с ума сведет!»
Ей любо, любо без границ.
Кружится перед ней
Цветник из милых детских лиц,
Головок и кудрей.
Нарядны дети, как цветы,
Нарядней старики:
Плюмажи, ленты и кресты,

Со звоном каблуки…
Танцует, прыгает дитя,
Не мысля ни о чем,
И детство резвое шутя
Проносится… Потом
Другое время, бал другой
Ей снится: перед ней
Стоит красавец молодой,
Он что-то шепчет ей…
Потом опять балы, балы…
Она — хозяйка их,
У них сановники, послы,
Весь модный свет у них…
«О милый! что ты так угрюм?
Что на сердце твоем?»
— «Дитя! мне скучен светский шум,
Уйдем скорей, уйдем!»

И вот уехала она
С избранником своим.
Пред нею чудная страна,
Пред нею — вечный Рим…
Ах! чем бы жизнь нам помянуть —

Не будь у нас тех дней,
Когда, урвавшись как-нибудь
Из родины своей
И скучный север миновав,
Примчимся мы на юг.
До нас нужды, над нами прав
Ни у кого… Сам-друг
Всегда лишь с тем, кто дорог нам,
Живем мы, как хотим;
Сегодня смотрим древний храм,
А завтра посетим
Дворец, развалины, музей…
Как весело притом
Делиться мыслию своей
С любимым существом!

Под обаяньем красоты,
Во власти строгих дум,
По Ватикану бродишь ты
Подавлен и угрюм;
Отжившим миром окружен,
Не помнишь о живом.
Зато как страшно поражен

Ты в первый миг потом,
Когда, покинув Ватикан,
Вернешься в мир живой,
Где ржет осел, шумит фонтан,
Поет мастеровой;
Торговля бойкая кипит,
Кричат на все лады:
«Кораллов! раковин! улит!
Мороженой воды!»
Танцует, ест, дерется голь,
Довольная собой,
И косу черную как смоль
Римлянке молодой
Старуха чешет… Жарок день,
Несносен черни гам,
Где нам найти покой и тень?
Заходим в первый храм.

Не слышен здесь житейский шум,
Прохлада, тишина
И полусумрак… Строгих дум
Опять душа полна.
Святых и ангелов толпой

Вверху украшен храм,
Порфир и яшма под ногой
И мрамор по стенам...

Как сладко слушать моря шум!
Сидишь по часу нем,
Неугнетенный, бодрый ум
Работает меж тем....
До солнца горною тропой
Взберешься высоко —
Какое утро пред тобой!
Как дышится легко!
Но жарче, жарче южный день,
На зелени долин
Росинки нет... Уйдем под тень
Зонтообразных пинн...

Княгине памятны те дни
Прогулок и бесед,
В душе оставили они
Неизгладимый след.
Но не вернуть ей дней былых,
Тех дней надежд и грез,

Как не вернуть потом о них
Пролитых ею слез!..

Исчезли радужные сны,
Пред нею ряд картин
Забитой, загнанной страны:
Суровый господин
И жалкий труженик-мужик
С понурой головой...
Как первый властвовать привык!
Как рабствует второй!
Ей снятся группы бедняков
На нивах, на лугах,
Ей снятся стоны бурлаков
На волжских берегах...
Наивным ужасом полна,
Она не ест, не спит,
Засыпать спутника она
Вопросами спешит:
«Скажи, ужель весь край таков?
Довольства тени нет?..»
— «Ты в царстве нищих и рабов!» —
Короткий был ответ...

Она проснулась — в руку сон!
Чу, слышен впереди
Печальный звон — кандальный звон!
«Эй, кучер, погоди!»
То ссыльных партия идет,
Больней заныла грудь.
Княгиня деньги им дает, —
«Спасибо, добрый путь!»
Ей долго, долго лица их
Мерещатся потом,
И не прогнать ей дум своих,
Не позабыться сном!
«И та здесь партия была…
Да… нет других путей…
Но след их вьюга замела.
Скорей, ямщик, скорей!..»

* * *

Мороз сильней, пустынней путь,
Чем дале на восток;
На триста верст какой-нибудь
Убогий городок,

Зато как радостно глядишь
На темный ряд домов,
Но где же люди? Всюду тишь,
Не слышно даже псов.
Под кровлю всех загнал мороз,
Чаек от скуки пьют.
Прошел солдат, проехал воз,
Куранты где-то бьют.
Замерзли окна… огонек
В одном чуть-чуть мелькнул…
Собор… на выезде острог…
Ямщик кнутом махнул:
«Эй вы!» — и нет уж городка,
Последний дом исчез…
Направо — горы и река,
Налево темный лес…

Кипит больной, усталый ум,
Бессонный до утра,
Тоскует сердце. Смена дум
Мучительно быстра:
Княгиня видит то друзей,
То мрачную тюрьму,

И тут же думается ей —
Бог знает почему, —
Что небо звездное — песком
Посыпанный листок,
А месяц — красным сургучом
Оттиснутый кружок...

Пропали горы; началась
Равнина без конца.
Еще мертвей! Не встретит глаз
Живого деревца.
«А вот и тундра!» — говорит
Ямщик, бурят степной.
Княгиня пристально глядит
И думает с тоской:
Сюда-то жадный человек
За золотом идет!
Оно лежит по руслам рек,
Оно на дне болот.
Трудна добыча на реке,
Болота страшны в зной,
Но хуже, хуже в руднике,
Глубоко под землей!..

Там гробовая тишина,
Там безрассветный мрак...
Зачем, проклятая страна,
Нашел тебя Ермак?..

* * *

Чредой спустилась ночи мгла,
Опять взошла луна.
Княгиня долго не спала,
Тяжелых дум полна...
Уснула... Башня снится ей...
Она вверху стоит;
Знакомый город перед ней
Волнуется, шумит;
К обширной площади бегут
Несметные толпы:
Чиновный люд, торговый люд,
Разносчики, попы;
Пестреют шляпки, бархат, шелк,
Тулупы, армяки...
Стоял уж там какой-то полк,
Пришли еще полки,

Побольше тысячи солдат
Сошлось. Они «ура!» кричат,
Они чего-то ждут…
Народ галдел, народ зевал,
Едва ли сотый понимал,
Что делается тут…
Зато посмеивался в ус,
Лукаво щуря взор,
Знакомый с бурями француз,
Столичный куафер…

Приспели новые полки:
«Сдавайтесь!» — тем кричат.
Ответ им — пули и штыки,
Сдаваться не хотят.
Какой-то бравый генерал,
Влетев в каре, грозиться стал —
С коня снесли его.
Другой приблизился к рядам:
«Прощенье царь дарует вам!»
Убили и того.

Явился сам митрополит

С хоругвями, с крестом:
«Покайтесь, братия! — гласит, —
Падите пред царем!»
Солдаты слушали, крестясь,
Но дружен был ответ:
«Уйди, старик! молись за нас!
Тебе здесь дела нет...»

Тогда-то пушки навели,
Сам царь скомандовал: «па-ли!..»
Картечь свистит, ядро ревет,
Рядами валится народ...
«О, милый! жив ли ты?..»
Княгиня, память потеряв,
Вперед рванулась и стремглав
Упала с высоты!

Пред нею длинный и сырой
Подземный коридор,
У каждой двери часовой,
Все двери на запор.
Прибою волн подобный плеск
Снаружи слышен ей;

Внутри — бряцанье, ружей блеск
При свете фонарей;
Да отдаленный шум шагов
И долгий гул от них,
Да перекрестный бой часов,
Да крики часовых...

С ключами, старый и седой,
Усатый инвалид.
«Иди, печальница, за мной! —
Ей тихо говорит. —
Я проведу тебя к нему,
Он жив и невредим...»
Она доверилась ему,
Она пошла за ним...

Шли долго, долго... Наконец
Дверь взвизгнула — и вдруг
Пред нею он... живой мертвец...
Пред нею — бедный друг!
Упав на грудь ему, она
Торопится спросить:
«Скажи, что делать? Я сильна,

Могу я страшно мстить!
Достанет мужества в груди,
Готовность горяча,
Просить ли надо?..» — «Не ходи,
Не тронешь палача!»
— «О милый! Что сказал ты? Слов
Не слышу я твоих.
То этот страшный бой часов,
То крики часовых!
Зачем тут третий между нас?..»
— «Наивен твой вопрос».

«Пора! пробил урочный час!» —
Тот «третий» произнес...

* * *

Княгиня вздрогнула, — глядит
Испуганно кругом,
Ей ужас сердце леденит:
Не всё тут было сном!..

Луна плыла среди небес
Без блеска, без лучей,

Налево был угрюмый лес,
Направо — Енисей.
Темно! Навстречу ни души,
Ямщик на козлах спал,
Голодный волк в лесной глуши
Пронзительно стонал,
Да ветер бился и ревел,
Играя на реке,
Да инородец где-то пел
На странном языке.
Суровым пафосом звучал
Неведомый язык
И пуще сердце надрывал,
Как в бурю чайки крик…

Княгине холодно; в ту ночь
Мороз был нестерпим,
Упали силы; ей невмочь
Бороться больше с ним.
Рассудком ужас овладел,
Что не доехать ей.
Ямщик давно уже не пел,
Не понукал коней,

Передней тройки не слыхать.
«Эй! жив ли ты, ямщик?
Что ты замолк? не вздумай спать!»
— «Не бойтесь, я привык...»

Летят... Из мерзлого окна
Не видно ничего,
Опасный гонит сон она,
Но не прогнать его!
Он волю женщины больной
Мгновенно покорил
И, как волшебник, в край иной
Ее переселил.
Тот край — он ей уже знаком, —
Как прежде неги полн,
И теплым солнечным лучом
И сладким пеньем волн
Ее приветствовал, как друг...
Куда ни поглядит:
«Да, это — юг! да, это юг!» —
Всё взору говорит...

Ни тучки в небе голубом,

Долина вся в цветах,
Всё солнцем залито, — на всем,
Внизу и на горах,
Печать могучей красоты,
Ликует всё вокруг;
Ей солнце, море и цветы
Поют: «Да — это юг!»

В долине между цепью гор
И морем голубым
Она летит во весь опор
С избранником своим.
Дорога их — роскошный сад,
С деревьев льется аромат,
На каждом дереве горит
Румяный, пышный плод;
Сквозь ветви темные сквозит
Лазурь небес и вод;
По морю реют корабли,
Мелькают паруса,
А горы, видные вдали,
Уходят в небеса.
Как чудны краски их! За час

Рубины рдели там,
Теперь заискрился топаз
По белым их хребтам...
Вот вьючный мул идет шажком,
В бубенчиках, в цветах,
За мулом — женщина с венком,
С корзиною в руках.
Она кричит им: «Добрый путь!» —
И, засмеявшись вдруг,
Бросает быстро ей на грудь
Цветок... да! это юг!
Страна античных, смуглых дев
И вечных роз страна...
Чу! мелодический напев,
Чу! музыка слышна!..
«Да, это юг! да, это юг!
(Поет ей добрый сон.)
Опять с тобой любимый друг,
Опять свободен он!..»

Часть вторая

Уже два месяца почти
Бессменно день и ночь в пути

На диво слаженный возок,
А всё конец пути далек!

Княгинин спутник так устал,
Что под Иркутском захворал.

Два дня прождав его, она
Помчалась далее одна…

Ее в Иркутске встретил сам
Начальник городской;
Как мощи сух, как палка прям,
Высокий и седой.
Сползла с плеча его доха,
Под ней — кресты, мундир,
На шляпе — перья петуха.
Почтенный бригадир,
Ругнув за что-то ямщика,
Поспешно подскочил

И дверцы прочного возка
Княгине отворил…

Княгиня

(входит в станционный дом)

В Нерчинск! Закладывать скорей!

Губернатор

Пришел я — встретить вас.

Княгиня

Велите ж дать мне лошадей!

Губернатор

Прошу помедлить час.
Дорога наша так дурна,
Вам нужно отдохнуть…

Княгиня

Благодарю вас! Я сильна…
Уж недалек мой путь…

Губернатор

Всё ж будет верст до восьмисот,
А главная беда:
Дорога хуже там пойдет,

Опасная езда!..
Два слова нужно вам сказать
По службе, — и притом
Имел я счастье графа знать,
Семь лет служил при нем.
Отец ваш редкий человек
По сердцу, по уму,
Запечатлев в душе навек
Признательность к нему,
К услугам дочери его
Готов я... весь я ваш...

Княгиня

Но мне не нужно ничего!

(Отворяя дверь в сени.)

Готов ли экипаж?

Губернатор

Покуда я не прикажу,
Его не подадут...

Княгиня

Так прикажите ж! Я прошу...

Губернатор

Но есть зацепка тут:
С последней почтой прислана
Бумага…

Княгиня

Что же в ней:
Уж не вернуться ль я должна?

Губернатор

Да-с, было бы верней.

Княгиня

Да кто ж прислал вам и о чем
Бумагу? что же — там
Шутили, что ли, над отцом?
Он всё устроил сам!

Губернатор

Нет… не решусь я утверждать…
Но путь еще далек…

Княгиня

Так что же даром и болтать!
Готов ли мой возок?

Губернатор

Нет! Я еще не приказал…
Княгиня! здесь я — царь!
Садитесь! Я уже сказал,
Что знал я графа встарь,
А граф… хоть он вас отпустил,
По доброте своей,
Но ваш отъезд его убил…
Вернитесь поскорей!

Княгиня

Нет! что однажды решено —
Исполню до конца!
Мне вам рассказывать смешно,
Как я люблю отца,
Как любит он. Но долг другой,
И выше и святей,
Меня зовет. Мучитель мой!
Давайте лошадей!

Губернатор

Позвольте-с. Я согласен сам,
Что дорог каждый час,

Но хорошо ль известно вам,
Что ожидает вас?
Бесплодна наша сторона,
А та — еще бедней,
Короче нашей там весна,
Зима — еще длинней.
Да-с, восемь месяцев зима
Там — знаете ли вы?
Там люди редки без клейма,
И те душой черствы;
На воле рыскают кругом
Там только варнаки;
Ужасен там тюремный дом,
Глубоки рудники.
Вам не придется с мужем быть
Минуты глаз на глаз:
В казарме общей надо жить,
А пища: хлеб да квас.
Пять тысяч каторжников там,
Озлоблены судьбой,
Заводят драки по ночам,
Убийства и разбой;

Короток им и страшен суд,
Грознее нет суда!
И вы, княгиня, вечно тут
Свидетельницей… Да!
Поверьте, вас не пощадят,
Не сжалится никто!
Пускай ваш муж — он виноват…
А вам терпеть… за что?

Княгиня

Ужасно будет, знаю я,
Жизнь мужа моего.
Пускай же будет и моя
Не радостней его!

Губернатор

Но вы не будете там жить:
Тот климат вас убьет!
Я вас обязан убедить,
Не ездите вперед!
Ах! вам ли жить в стране такой,
Где воздух у людей
Не паром — пылью ледяной

Выходит из ноздрей?
Где мрак и холод круглый год,
А в краткие жары —
Непросыхающих болот
Зловредные пары?
Да… Страшный край! Оттуда прочь
Бежит и зверь лесной,
Когда стосуточная ночь
Повиснет над страной…

Княгиня

Живут же люди в том краю,
Привыкну я шутя…

Губернатор

Живут? Но молодость свою
Припомните… дитя!
Здесь мать — водицей снеговой,
Родив, омоет дочь,
Малютку грозной бури вой
Баюкает всю ночь,
А будит дикий зверь, рыча
Близ хижины лесной,

Да пурга, бешено стуча
В окно, как домовой.
С глухих лесов, с пустынных рек
Сбирая дань свою,
Окреп туземный человек
С природою в бою,
А вы?..

Княгиня

Пусть смерть мне суждена —
Мне нечего жалеть!..
Я еду! еду! я должна
Близ мужа умереть.

Губернатор

Да, вы умрете, но сперва
Измучите того,
Чья безвозвратно голова
Погибла. Для него
Прошу: не ездите туда!
Сноснее одному,
Устав от тяжкого труда,
Прийти в свою тюрьму,

Прийти — и лечь на голый пол
И с черствым сухарем
Заснуть... а добрый сон пришел —
И узник стал царем!
Летя мечтой к родным, к друзьям,
Увидя вас самих,
Проснется он, к дневным трудам
И бодр, и сердцем тих,
А с вами?.. с вами не знавать
Ему счастливых грез,
В себе он будет сознавать
Причину ваших слез.

Княгиня

Ах!.. Эти речи поберечь
Вам лучше для других.
Всем вашим пыткам не извлечь
Слезу из глаз моих!
Покинув родину, друзей,
Любимого отца,
Приняв обет в душе моей
Исполнить до конца
Мой долг, — я слез не принесу

В проклятую тюрьму —
Я гордость, гордость в нем спасу,
Я силы дам ему!
Презренье к нашим палачам,
Сознанье правоты
Опорой верной будет нам.

Губернатор

Прекрасные мечты!
Но их достанет на пять дней.
Не век же вам грустить?
Поверьте совести моей,
Захочется вам жить.
Здесь черствый хлеб, тюрьма, позор,
Нужда и вечный гнет,
А там балы, блестящий двор,
Свобода и почет.
Как знать? Быть может, бог судил…
Понравится другой,
Закон вас права не лишил…

Княгиня

Молчите!.. Боже мой!..

Губернатор

Да, откровенно говорю,
Вернитесь лучше в свет.

Княгиня

Благодарю, благодарю
За добрый ваш совет!
И прежде был там рай земной,
А нынче этот рай
Своей заботливой рукой
Расчистил Николай.
Там люди заживо гниют —
Ходячие гробы,
Мужчины — сборище Иуд,
А женщины — рабы.
Что там найду я? Ханжество,
Поруганную честь,
Нахальной дряни торжество
И подленькую месть.
Нет, в этот вырубленный лес
Меня не заманят,
Где были дубы до небес,

А ныне пни торчат!
Вернуться? жить среди клевет,
Пустых и темных дел?..
Там места нет, там друга нет
Тому, кто раз прозрел!
Нет, нет, я видеть не хочу
Продажных и тупых,
Не покажусь я палачу
Свободных и святых.
Забыть того, кто нас любил,
Вернуться — всё простя?

Губернатор

Но он же вас не пощадил?
Подумайте, дитя:
О ком тоска? к кому любовь?

Княгиня

Молчите, генерал!

Губернатор

Когда б не доблестная кровь
Текла в вас — я б молчал.
Но если рветесь вы вперед,

Не веря ничему,
Быть может, гордость вас спасет...
Достались вы ему
С богатством, с именем, с умом,
С доверчивой душой,
А он, не думая о том,
Что станется с женой,
Увлекся призраком пустым
И — вот его судьба!..
И что ж?.. бежите вы за ним,
Как жалкая раба!

Княгиня

Нет! я не жалкая раба,
Я женщина, жена!
Пускай горька моя судьба —
Я буду ей верна!
О, если б он меня забыл
Для женщины другой,
В моей душе достало б сил
Не быть его рабой!
Но знаю: к родине любовь
Соперница моя,

И если б нужно было, вновь
Ему простила б я!..

* * *

Княгиня кончила... Молчал
Упрямый старичок.
«Ну что ж? Велите, генерал,
Готовить мой возок?»
Не отвечая на вопрос,
Смотрел он долго в пол,
Потом в раздумьи произнес:
«До завтра» — и ушел...

* * *

Назавтра тот же разговор,
Просил и убеждал,
Но получил опять отпор
Почтенный генерал.
Все убежденья истощив
И выбившись из сил,
Он долго, важен, молчалив,
По комнате ходил

И наконец сказал: «Быть так!
Вас не спасешь, увы!..
Но знайте: сделав этот шаг,
Всего лишитесь вы!..»

— «Да что же мне еще терять?»

— «За мужем поскакав,
Вы отреченье подписать
Должны от ваших прав!»

Старик эффектно замолчал,
От этих страшных слов
Он, очевидно, пользы ждал,
Но был ответ таков:
«У вас седая голова,
А вы еще дитя!
Вам наши кажутся права
Правами — не шутя.
Нет! ими я не дорожу,
Возьмите их скорей!
Где отреченье? Подпишу!
И живо — лошадей!..»

Губернатор

Бумагу эту подписать!
Да что вы?.. Боже мой!
Ведь это значит нищей стать
И женщиной простой!
Всему вы скажите прости,
Что вам дано отцом,
Что по наследству перейти
Должно бы к вам потом!
Права имущества, права
Дворянства потерять!
Нет, вы подумайте сперва —
Зайду я к вам опять!..

* * *

Ушел и не был целый день...
Когда спустилась тьма,
Княгиня, слабая как тень,
Пошла к нему сама.
Ее не принял генерал:
Хворает тяжело...
Пять дней, покуда он хворал,
Мучительных прошло,

А на шестой пришел он сам
И круто молвил ей:
«Я отпустить не вправе вам,
Княгиня, лошадей!
Вас по этапу поведут
С конвоем...»

Княгиня

Боже мой!
Но так ведь месяцы пройдут
В дороге?..

Губернатор

Да, весной
В Нерчинск придете, если вас
Дорога не убьет.
Навряд версты четыре в час
Закованный идет;
Посередине дня — привал,
С закатом дня — ночлег,
А ураган в степи застал —
Закапывайся в снег!
Да-с, промедленьям нет числа,

Иной упал, ослаб…

Княгиня

Не хорошо я поняла —
Что значит ваш этап?

Губернатор

Под караулом казаков
С оружием в руках,
Этапом водим мы воров
И каторжных в цепях,
Они дорогою шалят,
Того гляди сбегут,
Так их канатом прикрутят
Друг к другу — и ведут
Трудненек путь! Да вот-с каков:
Отправится пятьсот,
А до нерчинских рудников
И трети не дойдет!
Они как мухи мрут в пути,
Особенно зимой…
И вам, княгиня, так идти?..
Вернитесь-ка домой!

Княгиня

О нет! я этого ждала…
Но вы, но вы… злодей!..
Неделя целая прошла…
Нет сердца у людей!
Зачем бы разом не сказать?..
Уж я бы шла давно…
Велите ж партию сбирать —
Иду! мне всё равно!..

* * *

«Нет! вы поедете!.. — вскричал
Нежданно старый генерал,
Закрыв рукой глаза. —
Как я вас мучил… Боже мой!..
(Из-под руки на ус седой
Скатилася слеза.)
Простите! да, я мучил вас,
Но мучился и сам,
Но строгий я имел приказ
Преграды ставить вам!
И разве их не ставил я?

Я делал всё, что мог,
Перед царем душа моя
Чиста, свидетель бог!
Острожным жестким сухарем
И жизнью взаперти,
Позором, ужасом, трудом
Этапного пути
Я вас старался напугать.
Не испугались вы!
И хоть бы мне не удержать
На плечах головы,
Я не могу, я не хочу
Тиранить больше вас…
Я вас в три дня туда домчу…»

Отворяя дверь, кричит

«Эй! запрягать, сейчас!..»

Княгиня М.Н. Волконская*

(бабушкины записки)

Глава 1

Проказники внуки! Сегодня они
С прогулки опять воротились:
«Нам, бабушка, скучно! В ненастные дни,
Когда мы в портретной садились
И ты начинала рассказывать нам,
Так весело было!.. Родная,
Еще что-нибудь расскажи!..» По углам
Уселись. Но их прогнала я:
«Успеете слушать; рассказов моих
Достанет на целые томы,
Но вы еще глупы: узнаете их,
Как будете с жизнью знакомы!
Я всё рассказала, доступное вам
По вашим ребяческим летам:

Идите гулять по полям, по лугам!
Идите же... пользуйтесь летом!»

И вот, не желая остаться в долгу
У внуков, пишу я записки;
Для них я портреты людей берегу,
Которые были мне близки,
Я им завещаю альбом — и цветы
С могилы сестры — Муравьевой,
Коллекцию бабочек, флору Читы
И виды страны той суровой;
Я им завещаю железный браслет...
Пускай берегут его свято:
В подарок жене его выковал дед
Из собственной цепи когда-то...

* * *

Родилась я, милые внуки мои,
Под Киевом, в тихой деревне;
Любимая дочь я была у семьи.
Наш род был богатый и древний,
Но пуще отец мой возвысил его:
Заманчивей славы героя,

Дороже отчизны — не знал ничего
Боец, не любивший покоя.
Творя чудеса, девятнадцати лет
Он был полковым командиром,
Он мужество добыл и лавры побед
И почести, чтимые миром.
Воинская слава его началась
Персидским и шведским походом,
Но память о нем нераздельно слилась
С великим двенадцатым годом:
Тут жизнь его долгим сраженьем была.
Походы мы с ним разделяли,
И в месяц иной не запомним числа,
Когда б за него не дрожали.
«Защитник Смоленска» всегда впереди
Опасного дела являлся…
Под Лейпцигом раненный, с пулей в груди,
Он вновь через сутки сражался,
Так летопись жизни его говорит:
В ряду полководцев России,

Покуда отечество наше стоит,
Он памятен будет! Витии
Отца моего осыпали хвалой,
Бессмертным его называя;
Жуковский почтил его громкой строфой,
Российских вождей прославляя:
Под Дашковой личного мужества жар
И жертву отца-патриота
Поэт воспевает. Воинственный дар
Являя в сраженьях без счета,
Не силой одною врагов побеждал
Ваш прадед в борьбе исполинской:
О нем говорили, что он сочетал
С отвагою гений воинский.

Войной озабочен, в семействе своем
Отец ни во что не мешался,
Но крут был порою; почти божеством
Он матери нашей казался,
И сам он глубоко привязан был к ней.
Отца мы любили — в герое,
Окончив походы, в усадьбе своей

Он медленно гас на покое.
Мы жили в большом подгородном до-
му.
Детей поручив англичанке,
Старик отдыхал. Я училась всему,
Что нужно богатой дворянке.
А после уроков бежала я в сад
И пела весь день беззаботно,
Мой голос был очень хорош, говорят,
Отец его слушал охотно;
Записки свои приводил он к концу,
Читал он газеты, журналы,
Пиры задавал; наезжали к отцу
Седые, как он, генералы,
И шли бесконечные споры тогда;
Меж тем молодежь танцевала.
Сказать ли вам правду? была я всегда
В то время царицею бала:
Очей моих томных огонь голубой
И черная с синим отливом
Большая коса, и румянец густой
На личике смуглом, красивом,

И рост мой высокий, и гибкий мой стан,
И гордая поступь — пленяли
Тогдашних красавцев: гусаров, улан,
Что близко с полками стояли.
Но слушала я неохотно их лесть…
Отец за меня постарался:
«Не время ли замуж? Жених уже есть,
Он славно под Лейпцигом дрался,
Его полюбил государь, наш отец,
И дал ему чин генерала.
Постарше тебя… а собой молодец,
Волконский! Его ты видала
На царском смотру… и у нас он бывал,
По парку с тобой всё шатался!»
— «Да, помню! Высокий такой генерал…»
— «Он самый!» — старик засмеялся…
«Отец, он так мало со мной говорил!» —
Заметила я, покраснела…
«Ты будешь с ним счастлива!» — круто решил

Старик, — возражать я не смела…

Прошло две недели — и я под венцом
С Сергеем Волконским стояла,
Не много я знала его женихом,
Не много и мужем узнала, —
Так мало мы жили под кровлей одной,
Так редко друг друга видали!
По дальним селеньям, на зимний по-
стой,
Бригаду его разбросали,
Ее объезжал беспрестанно Сергей.
А я между тем расхворалась;
В Одессе потом, по совету врачей,
Я целое лето купалась;
Зимой он приехал за мною туда,
С неделю я с ним отдохнула
При главной квартире… и снова беда!
Однажды я крепко уснула.
Вдруг слышу я голос Сергея (в ночи,
Почти на рассвете то было):
«Вставай! Поскорее найди мне ключи!
Камин затопи!» Я вскочила…

Взглянула: встревожен и бледен он был.
Камин затопила я живо.
Из ящиков муж мой бумаги сносил
К камину — и жег торопливо.
Иные прочитывал бегло, спеша,
Иные бросал не читая.
И я помогала Сергею, дрожа
И глубже в огонь их толкая…
Потом он сказал: «Мы поедем сейчас»,
Волос моих нежно касаясь.
Всё скоро уложено было у нас,
И утром, ни с кем не прощаясь,
Мы тронулись в путь. Мы скакали три дня,
Сергей был угрюм, торопился,
Довез до отцовской усадьбы меня
И тотчас со мною простился.

Глава 2

«Уехал!.. Что значила бледность его
И всё, что в ту ночь совершилось?

Зачем не сказал он жене ничего?
Недоброе что-то случилось!»
Я долго не знала покоя и сна,
Сомнения душу терзали:
«Уехал, уехал! опять я одна!..»
Родные меня утешали,
Отец торопливость его объяснял
Каким-нибудь делом случайным:
«Куда-нибудь сам император послал
Его с поручением тайным,
Не плачь! Ты походы делила со мной,
Превратности жизни военной
Ты знаешь; он скоро вернется домой!
Под сердцем залог драгоценный
Ты носишь: теперь ты беречься должна!
Всё кончится ладно, родная;
Жена муженька проводила одна,
А встретит, ребенка качая!..»

Увы! предсказанье его не сбылось!
Увидеться с бедной женою
И с первенцем сыном отцу довелось

Не здесь — не под кровлей родною!

Как дорого стоил мне первенец мой!
Два месяца я прохворала.
Измучена телом, убита душой,
Я первую няню узнала.
Спросила о муже. — «Еще не бывал!»
— «Писал ли?» — «И писем нет даже».
— «А где мой отец?» — «В Петербург ускакал».
— «А брат мой?» — «Уехал туда же».

«Мой муж не приехал, нет даже письма,
И брат и отец ускакали, —
Сказала я матушке: — Еду сама!
Довольно, довольно мы ждали!»
И как ни старалась упрашивать дочь
Старушка, я твердо решилась;
Припомнила я ту последнюю ночь
И всё, что тогда совершилось,
И ясно сознала, что с мужем моим
Недоброе что-то творится…

Стояла весна, по разливам речным
Пришлось черепахой тащиться.

Доехала я чуть живая опять.
«Где муж мой» — отца я спросила.
«В Молдавию муж твой ушел воевать».
— «Не пишет он?..» Глянул уныло
И вышел отец... Недоволен был брат,
Прислуга молчала, вздыхая.
Заметила я, что со мною хитрят,
Заботливо что-то скрывая;
Ссылаясь на то, что мне нужен покой,
Ко мне никого не пускали,
Меня окружили какой-то стеной,
Мне даже газет не давали!
Я вспомнила: много у мужа родных,
Пишу — отвечать умоляю.
Проходят недели, — ни слова от них!
Я плачу, я силы теряю...

Нет чувства мучительней тайной грозы.
Я клятвой отца уверяла,
Что я не пролью ни единой слезы, —

И он, и кругом всё молчало!
Любя, меня мучил мой бедный отец;
Жалея, удвоивал горе…
Узнала, узнала я всё наконец!..
Прочла я в самом приговоре,
Что был заговорщиком бедный Сергей:
Стояли они настороже,
Готовя войска к низверженью властей.
В вину ему ставилось тоже,
Что он… Закружилась моя голова…
Я верить глазам не хотела…
«Ужели?..» В уме не вязались слова:
Сергей — и бесчестное дело!

Я помню, сто раз я прочла приговор,
Вникая в слова роковые.
К отцу побежала, — с отцом разговор
Меня успокоил, родные!
С души словно камень тяжелый упал.
В одном я Сергея винила:
Зачем он жене ничего не сказал?
Подумав, и то я простила:
«Как мог он болтать? Я была молода,

Когда ж он со мной расставался,
Я сына под сердцем носила тогда:
За мать и дитя он боялся! —
Так думала я. — Пусть беда велика,
Не всё потеряла я в мире.
Сибирь так ужасна, Сибирь далека,
Но люди живут и в Сибири!..»

Всю ночь я горела, мечтая о том,
Как буду лелеять Сергея.
Под утро глубоким, крепительным сном
Уснула, — и встала бодрее.
Поправилось скоро здоровье мое,
Приятельниц я повидала,
Нашла я сестру, — расспросила ее
И горького много узнала!
Несчастные люди!.. «Всё время Сергей
(Сказала сестра) содержался
В тюрьме; не видал ни родных, ни друзей...
Вчера только с ним повидался
Отец. Повидаться с ним можешь и ты:

Когда приговор прочитали,
Одели их в рубище, сняли кресты,
Но право свиданья им дали!..»

Подробностей ряд пропустила я тут…
Оставив следы роковые,
Доныне о мщеньи они вопиют…
Не знайте их лучше, родные.

Я в крепость поехала к мужу с сестрой,
Пришли мы сперва к «генералу»,
Потом нас привел генерал пожилой
В обширную, мрачную залу.
«Дождитесь, княгиня! мы будем сейчас!»
Раскланявшись вежливо с нами,
Он вышел. С дверей не спускала я глаз.
Минуты казались часами.
Шаги постепенно смолкали вдали,
За ними я мыслью летела.
Мне чудилось: связку ключей принесли,
И ржавая дверь заскрипела.
В угрюмой каморке с железным окном
Измученный узник томился.

«Жена к вам приехала!..» Бледным лицом,
Он весь задрожал, оживился:
«Жена!..» Коридором он быстро бежал,
Довериться слуху не смея...

«Вот он!» — громогласно сказал генерал,
И я увидала Сергея...

Недаром над ним пронеслася гроза:
Морщины на лбу появились,
Лицо было мертвенно бледно, глаза
Не так уже ярко светились,
Но больше в них было, чем в прежние дни,
Той тихой, знакомой печали;
С минуту пытливо смотрели они
И радостно вдруг заблистали,
Казалось он в душу мою заглянул...
Я горько, припав к его груди,
Рыдала... Он обнял меня и шепнул:
«Здесь есть посторонние люди».
Потом он сказал, что полезно ему

Узнать добродетель смиренья,
Что, впрочем, легко переносит тюрьму,
И несколько слов одобренья
Прибавил… По комнате важно шагал
Свидетель — нам было неловко…
Сергей на одежду свою показал:
«Поздравь меня, Маша, с обновкой, —
И тихо прибавил:- Пойми и прости», —
Глаза засверкали слезою,
Но тут соглядатай успел подойти,
Он низко поник головою.
Я громко сказала: «Да, я не ждала
Найти тебя в этой одежде».
И тихо шепнула: «Я всё поняла.
Люблю тебя больше, чем прежде..»
— «Что делать? И в каторге буду я жить
(Покуда мне жизнь не наскучит)».
— «Ты жив, ты здоров, так о чем же тужить?
(Ведь каторга нас не разлучит?)»

«Так вот ты какая!» — Сергей говорил,
Лицо его весело было…
Он вынул платок, на окно положил,
И рядом я свой положила,
Потом, расставаясь, Сергеев платок
Взяла я — мой мужу остался…
Нам после годичной разлуки часок
Свиданья короток казался,
Но что ж было делать! Наш срок миновал —
Пришлось бы другим дожидаться…
В карету меня посадил генерал,
Счастливо желал оставаться…

Великую радость нашла я в платке:
Целуя его, увидала
Я несколько слов на одном уголке;
Вот что я, дрожа, прочитала:
«Мой друг, ты свободна. Пойми — не пеняй!
Душевно я бодр и — желаю
Жену мою видеть такой же. Прощай!
Малютке поклон посылаю…»

Была в Петербурге большая родня
У мужа; всё знать — да какая!
Я ездила к ним, волновалась три дня,
Сергея спасти умоляя.
Отец говорил: «Что ты мучишься, дочь?
Я всё испытал — бесполезно!»
И правда: они уж пытались помочь,
Моля императора слезно,
Но просьбы до сердца его не дошли…
Я с мужем еще повидалась,
И время приспело: его увезли!..
Как только одна я осталась,
Я тотчас послышала в сердце моем,
Что надо и мне торопиться,
Мне душен казался родительский дом,
И стала я к мужу проситься.

Теперь расскажу вам подробно, друзья,
Мою роковую победу.
Вся дружно и грозно восстала семья,
Когда я сказала: «Я еду!»
Не знаю, как мне удалось устоять,

Чего натерпелась я… Боже!..
Была из-под Киева вызвана мать,
И братья приехали тоже:
Отец «образумить» меня приказал.
Они убеждали, просили.
Но волю мою сам господь подкреплял,
Их речи ее не сломили!
А много и горько поплакать пришлось…
Когда собрались мы к обеду,
Отец мимоходом мне бросил вопрос:
«На что ты решилась?» — «Я еду!»
Отец промолчал… промолчала семья…
Я вечером горько всплакнула,
Качая ребенка, задумалась я…
Вдруг входит отец, — я вздрогнула.
Ждала я грозы, но, печален и тих,
Сказал он сердечно и кротко:
«За что обижаешь ты кровных родных?
Что будет с несчастным сироткой?
Что будет с тобою, голубка моя?

Там нужно не женскую силу!
Напрасна великая жертва твоя,
Найдешь ты там только могилу!»
И ждал он ответа, и взгляд мой ловил,
Лаская меня и целуя...
«Я сам виноват! Я тебя погубил! —
Воскликнул он вдруг, негодуя. —
Где был мой рассудок? Где были глаза!
Уж знала вся армия наша...»
И рвал он седые свои волоса:
«Прости! не казни меня, Маша!
Останься!..» И снова молил горячо...
Бог знает, как я устояла!
Припав головою к нему на плечо,
«Поеду!» — я тихо сказала...

«Посмотрим!..» И вдруг распрямился старик,
Глаза его гневом сверкали:
«Одно повторяет твой глупый язык:
„Поеду!“ Сказать не пора ли,
Куда и зачем? Ты подумай сперва!
Не знаешь сама, что болтаешь!

Умеет ли думать твоя голова?
Врагами ты, что ли, считаешь
И мать, и отца? Или глупы они…
Что споришь ты с ними, как с ровней?
Поглубже ты в сердце свое загляни,
Вперед посмотри хладнокровней,
Подумай!.. Я завтра увижусь с тобой…»

Ушел он, грозящий и гневный,
А я, чуть жива, пред иконой святой
Упала — в истоме душевной…

Глава 3

«Подумай!..» Я целую ночь не спала,
Молилась и плакала много.
Я божию матерь на помощь звала,
Совета просила у бога,
Я думать училась: отец приказал
Подумать… нелегкое дело!
Давно ли он думал за нас — и решал,
И жизнь наша мирно летела?
Училась я много; на трех языках

Читала. Заметна была я
В парадных гостиных, на светских балах,
Искусно танцуя, играя;
Могла говорить я почти обо всем,
Я музыку знала, я пела,
Я даже отлично скакала верхом,
Но думать совсем не умела.

Я только в последний, двадцатый мой год
Узнала, что жизнь не игрушка,
Да в детстве, бывало, сердечко вздрогнет,
Как грянет нечаянно пушка.
Жилось хорошо и привольно; отец
Со мной не говаривал строго;
Осьмнадцати лет я пошла под венец
И тоже не думала много...

В последнее время моя голова
Работала сильно, пылала;
Меня неизвестность томила сперва.
Когда же беду я узнала,

Бессменно стоял предо мною Сергей,
Тюрьмою измученный, бледный,
И много неведомых прежде страстей
Посеял в душе моей бедной.
Я всё испытала, а больше всего
Жестокое чувство бессилья.
Я небо и сильных людей за него
Молила — напрасны усилья!
И гнев мою душу больную палил,
И я волновалась нестройно,
Рвалась, проклинала… но не было сил
Ни времени думать спокойно.

Теперь непременно я думать должна —
Отцу моему так угодно.
Пусть воля моя неизменно одна,
Пусть всякая дума бесплодна,
Я честно исполнить отцовский приказ
Решилась, мои дорогие.

Старик говорил: «Ты подумай о нас,
Мы люди тебе не чужие:
И мать, и отца, и дитя, наконец, —

Ты всех безрассудно бросаешь,
За что же?» — «Я долг исполняю, отец!»
— «За что ты себя обрекаешь
На муку?» — «Не буду я мучиться там!
Здесь ждет меня страшная мука.
Да если останусь, послушная вам,
Меня истерзает разлука.
Не зная покою ни ночью, ни днем,
Рыдая над бедным сироткой,
Всё буду я думать о муже моем
Да слышать упрек его кроткий.
Куда ни пойду я — на лицах людей
Я свой приговор прочитаю:
В их шепоте — повесть измены моей.
В улыбке укор угадаю:
Что место мое не на пышном балу,
А в дальней пустыне угрюмой,
Где узник усталый в тюремном углу
Терзается лютою думой,
Один… без опоры… Скорее к нему!
Там только вздохну я свободно.

Делила с ним радость, делить и тюрьму
Должна я... Так небу угодно!..

Простите, родные! Мне сердце давно
Мое предсказало решенье.
И верю я твердо: от бога оно!
А в вас говорит — сожаленье.
Да, ежели выбор решить я должна
Меж мужем и сыном — не боле,
Иду я туда, где я больше нужна,
Иду я к тому, кто в неволе!
Я сына оставлю в семействе родном,
Он скоро меня позабудет.
Пусть дедушка будет малютке отцом,
Сестра ему матерью будет.
Он так еще мал! А когда подрастет
И страшную тайну узнает,
Я верю: он матери чувство поймет
И в сердце ее оправдает!

Но если останусь я с ним... и потом
Он тайну узнает и спросит:

„Зачем не пошла ты за бедным отцом?..“ —
И слово укора мне бросит?
О, лучше в могилу мне заживо лечь,
Чем мужа лишить утешенья
И в будущем сына презренье навлечь..
Нет, нет! не хочу я презренья!..

А может случиться — подумать боюсь! —
Я первого мужа забуду,
Условиям новой семьи подчинюсь
И сыну не матерью буду,
А мачехой лютой?.. Горю от стыда..
Прости меня, бедный изгнанник!
Тебя позабыть! Никогда! никогда!
Ты сердца единый избранник..

Отец! ты не знаешь, как дорог он мне!
Его ты не знаешь! Сначала,
В блестящем наряде, на гордом коне,
Его пред полком я видала;
О подвигах жизни его боевой
Рассказы товарищей боя

Я слушала жадно — и всею душой
Я в нем полюбила героя..

Позднее я в нем полюбила отца
Малютки, рожденного мною.
Разлука тянулась меж тем без конца.
Он твердо стоял под грозою..
Вы знаете, где мы увиделись вновь —
Судьба свою волю творила! —
Последнюю, лучшую сердца любовь
В тюрьме я ему подарила!

Напрасно чернила его клевета,
Он был безупречней, чем прежде,
И я полюбила его, как Христа..
В своей арестантской одежде
Теперь он бессменно стоит предо мной,
Величием кротким сияя.
Терновый венец над его головой,
Во взоре любовь неземная...

Отец мой! должна я увидеть его...
Умру я, тоскуя по муже...
Ты, долгу служа, не щадил ничего

И нас научил ты тому же..
Герой, выводивший своих сыновей
Туда, где смертельней сраженье, —
Не верю, чтоб дочери бедной своей
Ты сам не одобрил решенья!»

* * *

Вот что я подумала в долгую ночь,
И так я с отцом говорила...
Он тихо сказал: «Сумасшедшая дочь!» —
И вышел: молчали уныло
И братья, и мать... Я ушла наконец...
Тяжелые дни потянулись:
Как туча ходил недовольный отец,
Другие домашние дулись.
Никто не хотел ни советом помочь,
Ни делом; но я не дремала,
Опять провела я бессонную ночь:
Письмо к государю писала
(В то время молва начала разглашать,
Что будто вернуть Трубецкую

С дороги велел государь. Испытать
Боялась я участь такую,
Но слух был неверен). Письмо отвезла
Сестра моя, Катя Орлова.
Сам царь отвечал мне… Спасибо, нашла
В ответе я доброе слово!
Он был элегантен и мил (Николай
Писал по-французски). Сначала
Сказал государь, как ужасен тот край,
Куда я поехать желала,
Как грубы там люди, как жизнь тяжела,
Как возраст мой хрупок и нежен;
Потом намекнул (я не вдруг поняла)
На то, что возврат безнадежен;
А дальше — изволил хвалою почтить
Решимость мою, сожалея,
Что, долгу покорный, не мог пощадить
Преступного мужа… Не смея
Противиться чувствам высоким таким,

Давал он свое позволенье;

Но лучше желал бы, чтоб с сыном моим

Осталась я дома…

Волненье

Меня охватило. «Я еду!» Давно

Так радостно сердце не билось…

«Я еду! я еду! Теперь решено!..»

Я плакала, жарко молилась…

В три дня я в далекий мой путь собралась,

Всё ценное я заложила,

Надежною шубой, бельем запаслась,

Простую кибитку купила.

Родные смотрели на сборы мои,

Загадочно как-то вздыхая;

Отъезду не верил никто из семьи…

Последнюю ночь провела я

С ребенком. Нагнувшись над сыном моим,

Улыбку малютки родного

Запомнить старалась; играла я с ним

Печатью письма рокового.
Играла и думала: «Бедный мой сын!
Не знаешь ты, чем ты играешь!
Здесь участь твоя: ты проснешься один,
Несчастный! Ты мать потеряешь!»
И в горе упав на ручонки его
Лицом, я шептала, рыдая:
«Прости, что тебя, для отца твоего,
Мой бедный, покинуть должна я...»

А он улыбался: не думал он спать,
Любуясь красивым пакетом;
Большая и красная эта печать
Его забавляла...
С рассветом
Спокойно и крепко заснуло дитя,
И щечки его заалели.
С любимого личика глаз не сводя,
Молясь у его колыбели,
Я встретила утро...
Я вмиг собралась.
Сестру заклинала я снова

Быть матерью сыну… Сестра поклялась…

Кибитка была уж готова.

Сурово молчали родные мои,

Прощание было немое.

Я думала: «Я умерла для семьи,

Всё милое, всё дорогое

Теряю… нет счета печальных потерь!..»

Мать как-то спокойно сидела,

Казалось, не веря еще и теперь,

Чтоб дочка уехать посмела,

И каждый с вопросом смотрел на отца.

Сидел он поодаль понуро,

Не молвил словечка, не поднял лица, —

Оно было бледно и хмуро.

Последние вещи в кибитку снесли,

Я плакала, бодрость теряя,

Минуты мучительно медленно шли…

Сестру наконец обняла я

И мать обняла. «Ну, господь вас хра-

нит!» —
Сказала я, братьев целуя.
Отцу подражая, молчали они…
Старик поднялся, негодуя,
По сжатым губам, по морщинам чела
Ходили зловещие тени…
Я молча ему образок подала
И стала пред ним на колени:
«Я еду! хоть слово, хоть слово, отец!
Прости свою дочь, ради бога!..»
Старик на меня поглядел наконец
Задумчиво, пристально, строго
И, руки с угрозой подняв надо мной,
Чуть слышно сказал (я дрожала):
«Смотри, через год возвращайся домой,
Не то — прокляну!..»
Я упала…

Глава 4

«Довольно, довольно объятий и слез!»
Я села — и тройка помчалась.

«Прощайте, родные!» В декабрьский мороз
Я с домом отцовским рассталась
И мчалась без отдыху с лишком три дня;
Меня быстрота увлекала,
Она была лучшим врачом для меня…
Я скоро в Москву прискакала,
К сестре Зинаиде. Мила и умна
Была молодая княгиня,
Как музыку знала! Как пела она!
Искусство ей было святыня.
Она нам оставила книгу новелл,
Исполненных грации нежной,
Поэт Веневитинов стансы ей пел,
Влюбленный в нее безнадежно;
В Италии год Зинаида жила
И к нам — по сказанью поэта —
«Цвет южного неба в очах принесла».
Царица московского света,
Она не чуждалась артистов, — житье
Им было у Зины в гостиной;

Они уважали, любили ее
И Северной звали Коринной...

Поплакали мы. По душе ей была
Решимость моя роковая:
«Крепись, моя бедная! будь весела!
Ты мрачная стала такая.
Чем мне эти темные тучи прогнать?
Как мы распростимся с тобою?
А вот что! ложись ты до вечера спать,
А вечером пир я устрою.
Не бойся! всё будет во вкусе твоем,
Друзья у меня не повесы,
Любимые песни твои мы споем,
Сыграем любимые пьесы...»
И вечером весть, что приехала я,
В Москве уже многие знали.
В то время несчастные наши мужья
Вниманье Москвы занимали:
Едва огласилось решенье суда,
Всем было неловко и жутко,
В салонах Москвы повторялась тогда
Одна ростопчинская шутка:

«В Европе сапожник, чтоб барином стать,
Бунтует, — понятное дело!
У нас революцию сделала знать:
В сапожники, что ль, захотела?..»

И сделалась я «героинею дня».
Не только артисты, поэты —
Вся двинулась знатная наша родня;
Парадные, цугом кареты
Гремели; напудрив свои парики,
Потемкину ровня по летам,
Явились былые тузы-старики
С отменно учтивым приветом;
Старушки, статс-дамы былого двора,
В объятья меня заключали:
«Какое геройство!.. Какая пора!..» —
И в такт головами качали.

Ну, словом, что было в Москве повидней,
Что в ней мимоездом гостило,
Всё вечером съехалось к Зине моей:
Артистов тут множество было,

Певцов-итальянцев тут слышала я,
Что были тогда знамениты,
Отца моего сослуживцы, друзья
Тут были, печалью убиты.
Тут были родные ушедших туда,
Куда я сама торопилась,
Писателей группа, любимых тогда.
Со мной дружелюбно простилась:
Тут были Одоевский, Вяземский; был
Поэт вдохновенный и милый,
Поклонник кузины, что рано почил,
Безвременно взятый могилой.
И Пушкин тут был… Я узнала его…
Он другом был нашего детства,
В Юрзуфе он жил у отца моего,
В ту пору проказ и кокетства
Смеялись, болтали мы, бегали с ним,
Бросали друг в друга цветами.
Всё наше семейство поехало в Крым,
И Пушкин отправился с нами.
Мы ехали весело. Вот наконец
И горы, и Черное море!

Велел постоять экипажам отец,
Гуляли мы тут на просторе.

Тогда уже был мне шестнадцатый год.
Гибка, высока не по летам,
Покинув семью, я стрелою вперед
Умчалась с курчавым поэтом;
Без шляпки, с распущенной длинной косой;
Полуденным солнцем палима,
Я к морю летела, — и был предо мной
Вид южного берега Крыма!
Я радостным взором глядела кругом,
Я прыгала, с морем играла;
Когда удалялся прилив, я бегом
До самой воды добегала,
Когда же прилив возвращался опять
И волны грядой подступали,
От них я спешила назад убежать,
А волны меня настигали!..

И Пушкин смотрел… и смеялся, что я
Ботинки мои промочила.
«Молчите! идет гувернантка моя!» —

Сказала я строго. (Я скрыла,
Что ноги промокли)... Потом я прочла
В «Онегине» чудные строки.
Я вспыхнула вся — я довольна была...
Теперь я стара, так далеки
Те красные дни! Я не буду скрывать,
Что Пушкин в то время казался
Влюбленным в меня... но, по правде сказать,
В кого он тогда не влюблялся!
Но, думаю, он не любил никого
Тогда, кроме музы: едва ли
Не больше любви занимали его
Волнения ее и печали...
Юрзуф живописен: в роскошных садах
Долины его потонули,
У ног его море, вдали Аюдаг...
Татарские хижины льнули
К подножию скал; виноград выбегал
На кручу лозой отягченной,
И тополь местами недвижно стоял
Зеленой и стройной колонной.

Мы заняли дом под нависшей скалой,
Поэт наверху приютился,
Он нам говорил, что доволен судьбой,
Что в море и горы влюбился.
Прогулки его продолжались по дням
И были всегда одиноки,
Он у моря часто бродил по ночам.
По-английски брал он уроки
У Лены, сестры моей: Байрон тогда
Его занимал чрезвычайно.
Случалось сестре перевесть иногда
Из Байрона что-нибудь — тайно;
Она мне читала попытки свои,
А после рвала и бросала,
Но Пушкину кто-то сказал из семьи,
Что Лена стихи сочиняла:
Поэт подобрал лоскутки под окном
И вывел всё дело на сцену.
Хваля переводы, он долго потом
Конфузил несчастную Лену...
Окончив занятья, спускался он вниз
И с нами делился досугом;

У самой террасы стоял кипарис,
Поэт называл его другом,
Под ним заставал его часто рассвет,
Он с ним, уезжая, прощался…
И мне говорили, что Пушкина след
В туземной легенде остался:
«К поэту летал соловей по ночам,
Как в небо луна выплывала,
И вместе с поэтом он пел — и, певцам
Внимая, природа смолкала!
Потом соловей — повествует народ —
Летал сюда каждое лето:
И свищет, и плачет, и словно зовет
К забытому другу поэта!
Но умер поэт — прилетать перестал
Пернатый певец… Полный горя,
С тех пор кипарис сиротою стоял,
Внимая лишь ропоту моря..»
Но Пушкин надолго прославил его:
Туристы его навещают,
Садятся под ним и на память с него
Душистые ветки срывают…

Печальна была наша встреча. Поэт
Подавлен был истинным горем.
Припомнил он игры ребяческих лет
В далеком Юрзуфе, над морем.
Покинув привычный насмешливый тон,
С любовью, с тоской бесконечной,
С участием брата напутствовал он
Подругу той жизни беспечной!
Со мной он по комнате долго ходил,
Судьбой озабочен моею,
Я помню, родные, что он говорил,
Да так передать не сумею:
«Идите, идите! Вы сильны душой,
Вы смелым терпеньем богаты,
Пусть мирно свершится ваш путь роковой,
Пусть вас не смущают утраты!
Поверьте, душевной такой чистоты
Не стоит сей свет ненавистный!
Блажен, кто меняет его суеты
На подвиг любви бескорыстной!
Что свет? опостылевший всем маска-

рад!
В нем сердце черствеет и дремлет,
В нем царствует вечный, рассчитанный хлад
И пылкую правду объемлет...

Вражда умирится влияньем годов,
Пред временем рухнет преграда,
И вам возвратятся пенаты отцов
И сени домашнего сада!
Целебно вольется в усталую грудь
Долины наследственной сладость,
Вы гордо оглянете пройденный путь
И снова узнаете радость.
Да, верю! не долго вам горе терпеть,
Гнев царский не будет же вечным...
Но если придется в степи умереть,
Помянут вас словом сердечным:
Пленителен образ отважной жены,
Явившей душевную силу
И в снежных пустынях суровой страны
Сокрывшейся рано в могилу!

Умрете, но ваших страданий рассказ

Поймется живыми сердцами,
И заполночь правнуки ваши о вас
Беседы не кончат с друзьями.
Они им покажут, вздохнув от души,
Черты незабвенные ваши,
И в память прабабки, погибшей в глуши,
Осушатся полные чаши!..
Пускай долговечнее мрамор могил,
Чем крест деревянный в пустыне,
Но мир Долгорукой еще не забыл,
А Бирона нет и в помине.

Но что я?.. Дай бог вам здоровья и сил!
А там и увидеться можно:
Мне царь „Пугачева“ писать поручил,
Пугач меня мучит безбожно,
Расправиться с ним я на славу хочу,
Мне быть на Урале придется.
Поеду весной, поскорей захвачу,
Что путного там соберется,
Да к вам и махну, переехав Урал...»
Поэт написал «Пугачева»,

Но в дальние наши снега не попал.
Как мог он сдержать это слово?

* * *

Я слушала музыку, грусти полна,
Я пению жадно внимала;
Сама я не пела, — была я больна,
Я только других умоляла:
«Подумайте: я уезжаю с зарей…
О, пойте же, пойте! играйте!..
Ни музыки я не услышу такой,
Ни песни… Наслушаться дайте!..»

И чудные звуки лились без конца!
Торжественной песней прощальной
Окончился вечер, — не помню лица
Без грусти, без думы печальной!
Черты неподвижных, суровых старух
Утратили холод надменный,
И взор, что, казалось, навеки потух,
Светиться слезой умиленной…
Артисты старались себя превзойти,
Не знаю я песни прелестней

Той песни-молитвы о добром пути,
Той богословляющей песни…
О, как вдохновенно играли они!
Как пели!.. и плакали сами…
И каждый сказал мне: «Господь вас храни!» —
Прощаясь со мной со слезами…

Глава 5

Морозно. Дорога бела и гладка,
Ни тучи на всем небосклоне…
Обмерзли усы, борода ямщика,
Дрожит он в своем балахоне.
Спина его, плечи и шапка в снегу,
Хрипит он, коней понукая,
И кашляют кони его на бегу,
Глубоко и трудно вздыхая…

Обычные виды: былая краса
Пустынного русского края,
Угрюмо шумят строевые леса,
Гигантские тени бросая;

Равнины покрыты алмазным ковром,
Деревни в снегу потонули,
Мелькнул на пригорке помещичий дом,
Церковные главы блеснули…

Обычные встречи: обоз без конца,
Толпа богомолок старушек,
Гремящая почта, фигура купца
На груде перин и подушек;
Казенная фура! с десяток подвод:
Навалены ружья и ранцы.
Солдатики! Жидкий, безусый народ,
Должно быть, еще новобранцы;
Сынков провожают отцы-мужики
Да матери, сестры и жены.
«Уводят, уводят сердечных в полки!» —
Доносятся горькие стоны…

Подняв кулаки над спиной ямщика,
Неистово мчится фельдъегерь.
На самой дороге догнав русака,
Усатый помещичий егерь
Махнул через ров на проворном коне,

Добычу у псов отбивает.
Со всей своей свитой стоит в стороне
Помещик — борзых подзывает...

Обычные сцены: на станциях ад —
Ругаются, спорят, толкутся.
«Ну, трогай!» Из окон ребята глядят,
Попы у харчевни дерутся;
У кузницы бьется лошадка в станке,
Выходит весь сажей покрытый
Кузнец с раскаленной подковой в руке:
«Эй, парень, держи ей копыты!..»

В Казани я сделала первый привал,
На жестком диване уснула;
Из окон гостиницы видела бал
И, каюсь, глубоко вздохнула!
Я вспомнила: час или два с небольшим
Осталось до Нового года.
«Счастливые люди! как весело им!
У них и покой, и свобода,
Танцуют, смеются!.. а мне не знавать
Веселья... я еду на муки!..»

Не надо бы мыслей таких допускать,
Да молодость, молодость, внуки!

Здесь снова пугали меня Трубецкой,
Что будто ее воротили:
«Но я не боюсь — позволенье со мной!»
Часы уже десять пробили.
Пора! я оделась. «Готов ли ямщик?»
— «Княгиня, вам лучше дождаться
Рассвета, — заметил смотритель-старик. —
Метель начала подыматься!»
— «Ах, то ли придется еще испытать!
Поеду. Скорей, ради бога!..»

Звенит колокольчик, ни зги не видать,
Что дальше, то хуже дорога,
Поталкивать начало сильно в бока,
Какими-то едем грядами,
Не вижу я даже спины ямщика:
Бугор намело между нами.
Чуть-чуть не упала кибитка моя,
Шарахнулась тройка и стала.
Ямщик мой заохал: «Докладывал я:

Пождать бы! дорога пропала!..»

Послала дорогу искать ямщика,
Кибитку рогожей закрыла,
Подумала: верно, уж полночь близка,
Пружинку часов подавила:
Двенадцать ударило! Кончился год,
И новый успел народиться!
Откинув циновку, гляжу я вперед —
По-прежнему вьюга крутится.
Какое ей дело до наших скорбей,
До нашего нового года?
И я равнодушна к тревоге твоей
И к стонам твоим, непогода!
Своя у меня роковая тоска,
И с ней я борюсь одиноко...

Поздравила я моего ямщика.
«Зимовка тут есть недалеко, —
Сказал он, — рассвета дождемся мы в ней!»
Подъехали мы, разбудили
Каких-то убогих лесных сторожей,
Их дымную печь затопили.

Рассказывал ужасы житель лесной,
Да я его сказки забыла...
Согрелись мы чаем. Пора на покой!
Метель всё ужаснее выла.
Лесник покрестился, ночник погасил
И с помощью пасынка Феди
Огромных два камня к дверям привалил.
«Зачем?» — «Одолели медведи!»

Потом он улегся на голом полу,
Всё скоро уснуло в сторожке,
Я думала, думала... лежа в углу
На мерзлой и жесткой рогожке...
Сначала веселые были мечты:
Я вспомнила праздники наши,
Огнями горящую залу, цветы,
Подарки, заздравные чаши,
И шумные речи, и ласки... кругом
Всё милое, всё дорогое —
Но где же Сергей?.. И подумав о нем,
Забыла я всё остальное!

Я живо вскочила, как только ямщик

Продрогший в окно постучался.
Чуть свет на дорогу нас вывел лесник,
Но деньги принять отказался.
«Не надо, родная! Бог вас защити,
Дороги-то дальше опасны!»
Крепчали морозы по мере пути
И сделались скоро ужасны.
Совсем я закрыла кибитку мою —
И темно, и страшная скука!
Что делать? Стихи вспоминаю, пою,
Когда-нибудь кончится мука!
Пусть сердце рыдает, пусть ветер ревет
И путь мой заносят метели,
А все-таки я продвигаюсь вперед!
Так ехала я три недели...

Однажды, заслышав какой-то содом,
Циновку мою я открыла,
Взглянула: мы едем обширным селом,
Мне сразу глаза ослепило:
Пылали костры по дороге моей...
Тут были крестьяне, крестьянки,

Солдаты и — целый табун лошадей...
«Здесь станция: ждут серебрянки, —
Сказал мой ямщик, — Мы увидим ее,
Она, чай, идет недалече...»

Сибирь высылала богатство свое,
Я рада была этой встрече:
«Дождусь серебрянки! Авось что-нибудь
О муже, о наших узнаю.
При ней офицер, из Нерчинска их путь...»
В харчевне сижу, поджидаю...
Вошел молодой офицер; он курил,
Он мне не кивнул головою,
Он как-то надменно глядел и ходил,
И вот я сказала с тоскою:
«Вы видели, верно... известны ли вам
Те... жертвы декабрьского дела...
Здоровы они? Каково-то им там?
О муже я знать бы хотела...»
Нахально ко мне повернул он лицо —
Черты были злы и суровы —
И, выпустив изо рту дыму кольцо,

Сказал: «Несомненно здоровы,
Но я их не знаю — и знать не хочу,
Я мало ли каторжных видел!..»
Как больно мне было, родные! Молчу…
Несчастный! меня же обидел!
Я бросила только презрительный взгляд,
С достоинством юноша вышел…
У печки тут грелся какой-то солдат,
Проклятье мое он услышал
И доброе слово — не варварский смех —
Нашел в своем сердце солдатском:
«Здоровы! — сказал он, — я видел их всех,
Живут в руднике Благодатском!..»
Но тут возвратился надменный герой,
Поспешно ушла я в кибитку.
«Спасибо, солдатик! спасибо, родной!
Недаром я вынесла пытку!»

Поутру на белые степи гляжу,
Послышался звон колокольный,
Тихонько в убогую церковь вхожу,

Смешалась с толпой богомольной.
Отслушав обедню, к попу подошла,
Молебен служить попросила...
Всё было спокойно — толпа не ушла...
Совсем меня горе сломило!
За что мы обижены столько, Христос?
За что поруганьем покрыты?
И реки давно накопившихся слез
Упали на жесткие плиты!

Казалось, народ мою грусть разделял,
Молясь молчаливо и строго,
И голос священника скорбью звучал,
Прося об изгнанниках бога...
Убогий, в пустыне затерянный храм!
В нем плакать мне было не стыдно,
Участье страдальцев, молящихся там,
Убитой душе необидно...

(Отец Иоанн, что молебен служил
И так непритворно молился,
Потом в каземате священником был
И с нами душой породнился.)

А ночью ямщик не сдержал лошадей,
Гора была страшно крутая,
И я полетела с кибиткой моей
С высокой вершины Алтая!

В Иркутске проделали то же со мной,
Чем там Трубецкую терзали…
Байкал. Переправа — и холод такой,
Что слезы в глазах замерзали.
Потом я рассталась с кибиткой моей
(Пропала санная дорога).
Мне жаль ее было: я плакала в ней
И думала, думала много!

Дорога без снегу — в телеге! Сперва
Телега меня занимала,
Но вскоре потом, ни жива, ни мертва,
Я прелесть телеги узнала.
Узнала и голод на этом пути.
К несчастию, мне не сказали,
Что тут ничего невозможно найти,
Тут почту бурята держали.
Говядину вялят на солнце они

Да греются чаем кирпичным,
И тот еще с салом! Господь сохрани
Попробовать вам, непривычным!
Зато под Нерчинском мне задали бал:
Какой-то купец тороватый
В Иркутске заметил меня, обогнал
И в честь мою праздник богатый
Устроил… Спасибо! я рада была
И вкусным пельменям, и бане…
А праздник как мертвая весь проспала
В гостиной его на диване…

Не знала я, что впереди меня ждет!
Я утром в Нерчинск прискакала,
Не верю глазам, — Трубецкая идет!
«Догнала тебя я, догнала!»
— «Они в Благодатске!» — Я бросилась к ней,
Счастливые слезы роняя…
В двенадцати только верстах мой Сергей,
И Катя со мной Трубецкая!

Глава 6

Кто знал одиночество в дальнем пути,
Чьи спутники — горе да вьюга,
Кому провиденьем дано обрести
В пустыне негаданно друга,
Тот нашу взаимную радость поймет…
«Устала, устала я, Маша!»
— «Не плачь, моя бедная Катя! Спасет
Нас дружба и молодость наша!
Нас жребий один неразрывно связал,
Судьба нас равно обманула,
И тот же поток твое счастье умчал,
В котором мое потонуло.
Пойдем же мы об руку трудным путем,
Как шли зеленеющем лугом,
И обе достойно свой крест понесем,
И будем мы сильны друг другом.
Что мы потеряли? подумай, сестра!
Игрушки тщеславья… Не много!

Теперь перед нами дорога добра,
Дорога избранников бога!
Найдем мы униженных, скорбных мужей,
Но будем мы им утешеньем,
Мы кротостью нашей смягчим палачей,
Страданье осилим терпеньем.
Опорою гибнущим, слабым, больным
Мы будем в тюрьме ненавистной,
И рук не положим, пока не свершим
Обета любви бескорыстной!..
Чиста наша жертва, — мы всё отдаем
Избранникам нашим и богу.
И верю я: мы невредимо пройдем
Всю трудную нашу дорогу...»

Природа устала с собой воевать —
День ясный, морозный и тихий.
Снега под Нерчинском явились опять,
В санях покатили мы лихо...
О ссыльных рассказывал русский ямщик

(Он знал по фамилии даже):
«На этих конях я возил их в рудник,
Да только в другом экипаже.
Должно быть, дорога легка им была:
Шутили, смешили друг дружку;
На завтрак ватрушку мне мать испекла,
Так я подарил им ватрушку,
Двугривенный дали — я брать не хотел:
— „Возьми, паренек, пригодится…“»

Болтая, он живо в село прилетел.
«Ну, барыни, где становиться?»
— «Вези нас к начальнику прямо в острог».
— «Эй, други, не дайте в обиду!»

Начальник был тучен и, кажется, строг,
Спросил, по какому мы виду?
«В Иркутске читали инструкцию нам
И выслать в Нерчинск обещали…»
— «Застряла, застряла, голубушка, там!»

«Вот копия, нам ее дали...»

— «Что копия? с ней попадешься впросак!»

— «Вот царское вам позволенье!»

Не знал по-французски упрямый чудак,

Не верил нам, — смех и мученье!

«Вы видите подпись царя: Николай?»

До подписи нет ему дела,

Ему из Нерчинска бумагу подай!

Поехать за ней я хотела,

Но он объявил, что отправится сам

И к утру бумагу добудет.

«Да точно ли?..» — «Честное слово! А вам

Полезнее выспаться будет!..»

И мы добрались до какой-то избы,

О завтрашнем утре мечтая;

С оконцем из слюды, низка, без трубы,

Была наша хата такая,

Что я головою касалась стены,

А в дверь упиралась ногами;

Но мелочи эти нам были смешны,

Не то уж случалося с нами.
Мы вместе! теперь бы легко я снесла
И самые трудные муки...

Проснулась я рано, а Катя спала,
Пошла по деревне от скуки:
Избушки такие ж, как наша, числом
До сотни, в овраге торчали,
А вот и кирпичный с решетками дом!
При нем часовые стояли.
«Не здесь ли преступники?» — «Здесь, да ушли».
— «Куда?» — «На работу, вестимо!»
Какие-то дети меня повели...
Бежали мы все — нестерпимо
Хотелось мне мужа увидеть скорей;
Он близко! Он шел тут недавно!
«Вы видите их?» — я спросила детей.
«Да, видим! Поют они славно!
Вон дверца... Гляди же! Пойдем мы теперь,
Прощай!..» Убежали ребята...

И словно под землю ведущую дверь

Увидела я — и солдата.
Сурово смотрел часовой, — наголо
В руке его сабля сверкала.
Не золото, внуки, и здесь помогло,
Хоть золото я предлагала!
Быть может, вам хочется дальше читать,
Да просится слово из груди!
Помедлим немного. Хочу я сказать
Спасибо вам, русские люди!
В дороге, в изгнанье, где я ни была,
Всё трудное каторги время,
Народ! я бодрее с тобою несла
Мое непосильное бремя.
Пусть много скорбей тебе пало на часть,
Ты делишь чужие печали,
И где мои слезы готовы упасть,
Твои уж давно там упали!..
Ты любишь несчастного, русский народ!
Страдания нас породнили...

«Вас в каторге самый закон не спасет!» —
На родине мне говорили;
Но добрых людей я встречала и там,
На крайней ступени паденья,
Умели по-своему выразить нам
Преступники дань уваженья;
Меня с неразлучною Катей моей
Довольной улыбкой встречали:
«Вы — ангелы наши!» За наших мужей
Уроки они исполняли.
Не раз мне украдкой давал из полы
Картофель колодник клейменый:
«Покушай! горячий, сейчас из золы!»
Хорош был картофель печеный,
Но грудь и теперь занывает с тоски,
Когда я о нем вспоминаю…
Примите мой низкий поклон, бедняки!
Спасибо вам всем посылаю!
Спасибо!.. Считали свой труд ни во что
Для нас эти люди простые,
Но горечи в чашу не подлил никто,

Никто — из народа, родные!..

Рыданьям моим часовой уступил,
Как бога его я просила!
Светильник (род факела) он засветил,
В какой-то подвал я вступила
И долго спускались всё ниже; потом
Пошла я глухим коридором,
Уступами шел он; темно было в нем
И душно; где плесень узором
Лежала; где тихо струилась вода
И лужами книзу стекала.
Я слышала шорох; земля иногда
Комками со стен упадала;
Я видела страшные ямы в стенах;
Казалось, такие ж дороги
От них начинались. Забыла я страх,
Проворно несли меня ноги!

И вдруг я услышала крики: «Куда,
Куда вы? Убиться хотите?
Ходить не позволено дамам туда!
Вернитесь скорей! Погодите!»

Беда моя! видно, дежурный пришел
(Его часовой так боялся)
Кричал он так грозно, так голос был зол,
Шум скорых шагов приближался…
Что делать? Я факел задула. Вперед
Впотьмах наугад побежала…
Господь, коли хочет, везде проведет!
Не знаю, как я не упала,
Как голову я не оставила там!
Судьба берегла меня. Мимо
Ужасных расселин, провалов и ям
Бог вывел меня невредимо:
Я скоро увидела свет впереди,
Там звездочка словно светилась…
И вылетел радостный крик из груди:
«Огонь!» Я крестом осенилась…
Я сбросила шубу… Бегу на огонь,
Как бог уберег во мне душу!
Попавший в трясину испуганный конь
Так рвется, завидевши сушу…

И стало, родные, светлей и светлей!

Увидела я возвышенье:
Какая-то площадь… и тени на ней…
Чу… молот! работа, движенье…
Там люди! Увидят ли только они?
Фигуры отчетливей стали…
Всё ближе, сильней замелькали огни.
Должно быть, меня увидали…
И кто-то стоявший на самом краю
Воскликнул: «Не ангел ли божий?
Смотрите, смотрите!» — «Ведь мы не в раю:
Проклятая шахта похожей
На ад!» — говорили другие, смеясь.
И быстро на край выбегали,
И я приближалась поспешно. Дивясь,
Недвижно они ожидали.

«Волконская!» — вдруг закричал Трубецкой
(Узнала я голос). Спустили
Мне лестницу; я поднялася стрелой!
Всё люди знакомые были:
Сергей Трубецкой, Артамон Муравьев,

Борисовы, князь Оболенский...
Потоком сердечных, восторженных слов,
Похвал моей дерзости женской
Была я осыпана; слезы текли
По лицам их, полным участья...
Но где же Сергей мой? «За ним уж пошли,
Не умер бы только от счастья!
Кончает урок: по три пуда руды
Мы в день достаем для России,
Как видите, нас не убили труды!»
Веселые были такие,
Шутили, но я под веселостью их
Печальную повесть читала
(Мне новостью были оковы на них
Что их закуют — я не знала)...
Известьем о Кате, о милой жене,
Утешила я Трубецкого;
Все письма, по счастию, были при мне,
С приветом из края родного
Спешила я их передать. Между тем,

Внизу офицер горячился:
«Кто лестницу принял? Куда и зачем
Смотритель работ отлучился?
Сударыня! Вспомните слово мое,
Убьетесь!.. Эй, лестницу, черти!
Живей!..» (Но никто не подставил ее...)
«Убьетесь, убьетесь до смерти!
Извольте спуститься! да что ж вы?..»
Но мы
Всё в глубь уходили... Отвсюду
Бежали к нам мрачные дети тюрьмы,
Дивясь небывалому чуду.
Они пролагали мне путь впереди,
Носилки свои предлагали...

Орудья подземных работ на пути,
Провалы, бугры мы встречали.
Работа кипела под звуки оков,
Под песни, — работа над бездной!
Стучались в упругую грудь рудников
И заступ и молот железный.
Там с ношею узник шагал по бревну,
Невольно кричала я: «Тише!»

Там новую мину вели в глубину,
Там люди карабкались выше
По шатким подпоркам… Какие труды!
Какая отвага!.. Сверкали
Местами добытые глыбы руды
И щедрую дань обещали…

Вдруг кто-то воскликнул: «Идет он! идет!»
Окинув пространство глазами,
Я чуть не упала, рванувшись вперед, —
Канава была перед нами.
«Потише, потише! Ужели затем
Вы тысячи верст пролетели, —
Сказал Трубецкой, — чтоб на горе нам всем
В канаве погибнуть — у цели?»
И за руку крепко меня он держал:
«Что б было, когда б вы упали?»
Сергей торопился, но тихо шагал.
Оковы уныло звучали.
Да, цепи! Палач не забыл никого
(О, мстительный трус и мучитель!), —

Но кроток он был, как избравший его
Орудьем своим искупитель.
Пред ним расступались, молчанье храня,
Рабочие люди и стража...
И вот он увидел, увидел меня!
И руки простер ко мне: «Маша!»
И стал, обессиленный словно, вдали...
Два ссыльных его поддержали.
По бледным щекам его слезы текли,
Простертые руки дрожали...

Душе моей милого голоса звук
Мгновенно послал обновленье,
Отраду, надежду, забвение мук,
Отцовской угрозы забвенье!
И с криком «иду!» я бежала бегом,
Рванув неожиданно руку,
По узкой доске над зияющим рвом
Навстречу призывному звуку...
«Иду!..» Посылало мне ласку свою
Улыбкой лицо испитое...
И я побежала... И душу мою

Наполнило чувство святое.
Я только теперь, в руднике роковом,
Услышав ужасные звуки,
Увидев оковы на муже моем,
Вполне поняла его муки,
И силу его… и готовность страдать!
Невольно пред ним я склонила
Колени, — и прежде чем мужа обнять,
Оковы к губам приложила!..

И тихого ангела бог ниспослал
В подземные копи, — в мгновенье
И говор, и грохот работ замолчал,
И замерло словно движенье,
Чужие, свои — со слезами в глазах,
Взволнованны, бледны, суровы,
Стояли кругом. На недвижных ногах
Не издали звука оковы,
И в воздухе поднятый молот застыл…
Всё тихо — ни песни, ни речи…
Казалось, что каждый здесь с нами делил
И горечь, и счастие встречи!

Святая, святая была тишина!
Какой-то высокой печали,
Какой-то торжественной думы полна.

«Да где же вы все запропали?» —
Вдруг снизу донесся неистовый крик.
Смотритель работ появился.
«Уйдите! — сказал со слезами старик. —
Нарочно я, барыня, скрылся,
Теперь уходите. Пора! Забранят!
Начальники люди крутые...»
И словно из рая спустилась я в ад...
И только... и только, родные!
По-русски меня офицер обругал
Внизу, ожидавший в тревоге,
А сверху мне муж по-французски сказал:
«Увидимся, Маша, — в остроге!..»

Современники*

Часть первая
Юбиляры и триумфаторы

Я книгу взял, восстав от сна,
И прочитал я в ней:
«Бывали хуже времена,
Но не было подлей».

Швырнул далеко книгу я.
Ужели мы с тобой
Такого века сыновья,
О друг-читатель мой?..

Конечно, нет! Конечно, нет!
Клевещет наш зоил.
Лакей принес пучок газет;
Я жадно их раскрыл,

Минуя кражу и пожар
И ряд самоубийц,
Встречаю слово «юбиляр»,
Читаю список лиц,

Стяжавших лавры. Счета нет!

Стипендия… медаль…
Аренда… памятник… обед…
Обед… обед… О, враль!

Протри глаза!.. Иду к друзьям:
Готовит спич один,
Другой десяток телеграмм —
В Москву, в Рязань, в Тульчин.

Пошел я с ним «на телеграф».
Лакеи, кучера,
Депеши кверху приподняв,
Толпились там с утра.

Мелькают крупные слова:
«Герою много лет…»,
«Ликуй, Орел!..», «Гордись, Москва!..»
«Бердичеву привет…»

Немало тут «друзей добра»,
«Отцов» не перечесть,
А вот листок: одно — «Ура!..»
Пора, однако, есть.

* * *

Я пришел в трактир и тоже
Счет теряю торжествам.
Книга дерзкая! за что же
Ты укор послала нам?..

У Дюссо готовят славно
Юбилейные столы;
Там обедают издавна
Триумфаторы-орлы.
Посмотрите — что за рыба!
Еле внес ее лакей.
Слышно «русское спасибо»
Из отворенных дверей.
Заказав бульон и дичи,
Коридором я брожу;
Дверь растворят — слышу спичи,
На пирующих гляжу:
Люди заняты в трактирах,
Не мешают... я и рад...

Зала № 1

В первой зале все в мундирах,
В белых галстуках стоят.
Юбиляр-администратор
Древен, весь шитьем залит,
Две звезды… Ему оратор,
Тоже старец, говорит:
«Ты на страже государства,
Как стоокий Аргус, бдил,
Но, преследуя коварство,
Добродетель ты щадил.
Голова твоя седая
Не запятнана стыдом:
Дальним краем управляя,
Не был ты его бичом.
В то же время населенья
Ты потворством не растлил,
Не довел до разоренья,
Пищи, крова не лишил!
Ты до собственности частной,
До казенного добра

Не простер руки всевластной —
Благодарность и… ура!..»

Вдруг курьер вошел, сияя,
Засиял и юбиляр.
Юбиляру, поздравляя,
Поднесли достойный дар.

№ 2

Речь долго, долго длилась,
Расплакался старик…
Я сделал шаг… открылась
Другая дверь — на миг,
И тут героя чтили,
Кричали: «Много лет!»
Герою подносили
Магницкого портрет:
«Крамольники лукавы,
Рази — и не жалей!»

Исчезла сцена славы —
Захлопнул дверь лакей…

№ 3

На столе лежат «подарки»,
В Петербурге лучших нет.
Две брильянтовые арки —
Восхитительный браслет!
Бриллиантовые звезды…
Чудо!.. Несколько ребят
С упоением невесты
На сокровища глядят.
(Были тут и лицеисты,
И пажи, и юнкера,
И незрелые юристы,
И купцов… et caetera.)

«Чудо!» — дядька их почтенный
Восклицает, князь Иван,
И, летами удрученный,
Упадает на диван…

Князь Иван — колосс по брюху,
Руки — род пуховика,
Пьедесталом служит уху

Ожиревшая щека.
По устройству верхней губы
Он — бульдог; с оскалом зубы,
Под гребенку волоса
И добрейшие глаза.
Он — известный объедало,
Говорит умно,
Словно в бочку из-под сала
Льет в себя вино.
Дома редко пребывает,
До шестидесяти лет
Водевили посещает,
Оперетку и балет.
У него друзья — кадеты,
Именитый дед его
Был шутом Елизаветы,
Сам он — ровно ничего.
Презирает аксельбанты,
Не охотник до чинов.
Унаследовав таланты
Исторических шутов,
С языком своим проворным,

С дерзким смехом, в век иной
Был бы он шутом придворным,
А теперь он — шут простой.

«Да! дары такие редки! —
Восклицает князь Иван. —
Надо спрыснуть... спрыснуть, детки!..
Наливай полней стакан!..
Нет, постой! В начале пира
Совершим один обряд:
Перед нами нет кумира,
Но... и камни говорят!
Эта брошка приютится
У богини на груди,
Значит, должно преклониться
Перед нею... Подходи!..»

И почтительно к алмазам
Приложился князь Иван,
И потом уж выпил разом
Свой вместительный стакан.
И, вослед за командиром,
Приложилися юнцы

К бриллиантам и сафирам…

«На колени, молодцы!
Гимн!..»

Глядит умильным взором
Старый шут на небеса,
И поют согласным хором
Молодые голоса:

Мадонны лик,
Взор херувима…
Мадам Жюдик
Непостижима!

Жизнь наша — пуф,
Пустей ореха,
Заехать в Буфф —
Одна утеха.

Восторга крик,
Порыв блаженства…
Мадам Жюдик
Верх совершенства!

№ 4

Военный пир… военный спор…
Не знаю, кто тут триумфатор.
«Аничков — вор! Мордвинов — вор! —
Кричит увлекшийся оратор. —
Милютин ваш — не патриот,
А просто карбонарий ярый!
Куда он армию ведет?..
Нет! лучше был порядок старый!
Солдата в палки ставь — и знай,
Что только палка бьет пороки!
Читай историю, читай!
Благие в ней найдешь уроки:
Где страх начальства, там и честь.
А страх без палки — скоротечен.
Пусть целый день не мог присесть
Солдат, порядочно посечен,
Пускай он ночью оставлял
Кровавый след на жестком ложе,
Не он ли в битвах доказал,
Что был небитого дороже?»

№ 5

«…Первоприсутствуя в сенате,
Радел ли ты о меньшем брате?
Всегда ли ты служил добру?
Всегда ли к истине стремился?..»

«Позвольте-с!»
Я посторонился
И дал дорогу осетру…

№ 6

Большая зала… шума нет…
Ученое собранье,
Агрономический обед,
Вернее — заседанье.
Встает известный агроном,
Член общества — Коленов
(Докладчик пасмурен лицом,
Печальны лица членов).
Он говорит: «Я посвятил
Досуг мой скотоводству,
Я восемь лет в Тироле жил,

Поверив превосходству
Швейцарских, английских пород,
В отечестве любезном
Старался я улучшить скот
И думал быть полезным.
Увы! напрасная мечта!
Убил я даром годы:
Соломы мало для скота
Улучшенной породы!
В крови у русской клячи есть
Привычка золотая:
„Работать много, мало есть“ —
Основа вековая!
Печальный вид: голодный конь
На почве истощенной,
С голодным пахарем… А тронь
Рукой непосвященной —
Еще печальней что-нибудь
Получится в итоге…
Покинул я опасный путь,
Увы! на полдороге…
Трудитесь дальше без меня…»

«Прискорбны речи ваши!
Придется с нынешнего дня
Закрыть собранья наши! —
Сказал ученый президент
(Толстяк, заплывший жиром). —
Разделим скромный дивиденд
И разойдемся с миром!
Оставим бедный наш народ
Судьбам его — и богу!
Без нас скорее он найдет
К развитию дорогу...»

«Закрыть! закрыть, хотя и жаль!» —
Решило всё собранье, —
И дать Коленову медаль:
«За ревность и старанье».

«Ура!.. Подписку!..» Увлеклись —
Не скупо подписали, —
И благодушно занялись
Моделью для медали...

№ 7

Председатель Казенной палаты —
Представительный тучный старик —
И директор. Я слышал дебаты,
Но о чем? хорошенько не вник.

«Мы вас вызвали... ваши способности...»
— «Нет-с! вернее: решительность мер».
— «Не вхожу ни в какие подробности,
Вы — губерниям прочим пример,

Господин председатель Пасьянсов!»
— «Гран-Пасьянсов!» — поправил старик.
«Был бы рай в министерстве финансов,
Если б всюду платил так мужик!

Жаль, что люди такие способные
Редки! Если бы меры принять
По всему государству подобные!..»
— «И тогда — не могу отвечать!

Доложите министру финансов,
Что действительно беден мужик».

— «Но — пример ваш, почтенный Пасьянсов?..»

— «Гран-Пасьянсов!» — поправил старик...

№ 8

Шаг вперед — и снова зала,
Всё заводчики-тузы;
Слышен голос: «Ты сначала
Много выдержал грозы.
Весь души прекрасный пламень
Ты принес на подвиг свой,
Но пошел ко дну, как камень,
Броненосец первый твой!
Смертоносные гранаты
Изобрел ты на врагов...
Были б чудо — результаты,
Кабы дельных мастеров!
То-то их принять бы в прутья!..
Ты гранатою своей
Переранил из орудья
Только собственных людей...

Ты поклялся, как заразы,
Новых опытов бежать,
Но казенные заказы
Увлекли тебя опять,
Ты вступил...»
Лакей суровый
Дверь захлопнул, как назло.

№ 9

Я вперед... Из залы новой
Мертвечиной понесло...
Пир тут, видно, не секретный —
Настежь дверь... народу тьма...
Господин Ветхозаветный
Говорит:
«Судьба сама
Нас свела сегодня вместе;
Шел я радостно сюда,
Как жених грядет к невесте, —
Новость, новость, господа!
Отзывался часто Пушкин
Из могилы... Наконец

Отозвался и Тяпушкин,
Скромный труженик-певец;
Драгоценную находку
Отыскал товарищ наш!
В бедной лавочке селедку
Завернул в нее торгаш.
Грязный синенький листочек,
А какие перлы в нем!..»

«Прочитай-ка хоть кусочек!» —
Закричали…
«Мы начнем
С детства. Видно, что в разъезды
Посылал его отец:
Где иной считал бы звезды,
Он…» — «Читай же!» Начал чтец:

Отрывок из путевых заметок юноши Тяпушкина, веденных им во время разъездов его по России по делам отца

На реке на Свири
Рыба, как в Сибири,
Окуни, лини

Средней долины.
На реке же Лене
Хуже, чем на Оби:
Ноги по колени
Отморозил обе,
А прибыв в Ирбит,
Дядей был прибит...

* * *

«Превосходно! поэтично!..»
Каждый в лупу смотрит лист.
«И притом характерично, —
Замечает журналист. —
То-то мы ударим в трубы!
То-то праздник будет нам!»
И прикладывает губы
К полуграмотным строкам.
Приложил — и, к делу рьяный,
Примечание строчит:
«Отморозил ноги — пьяный
И — за пьянство был побит;
Чужды нравственности узкой,

Не решаемся мы скрыть
Этот знак натуры русской…
Да! „веселье Руси — пить!“

Уж знакомлюсь я с поэтом,
Биографию пишу…»

«Не снабдите ли портретом?»

«Дорогонько… погляжу…
Случай редкий! Мы в России
Явим вновь труды свои:
Восстановим запятые,
Двоеточие над і;
Модно будет в духе Миши
Предисловье написать:
Пощадили даже мыши
Драгоценную тетрадь —
Провидения печать!..
Позавидует Бартенев,
И Ефремов зашипит,
Но заметку сам Тургенев
В „Петербургских“ поместит…»

«Верно! царь ты русской прессы,

Хоть и служишь мертвецам:
Все живые интересы
Уступают поле нам...»

«Так... и так да будет вечно!..
Дарованья в наши дни
Гибнут рано... Жаль, конечно,
Да бестактны и они...
Жаль!.. Но боги справедливы
В начертаниях своих!
Нам без смерти — нет поживы,
Как аптеке без больных!
Дарованием богатый
Служит обществу пером,
Служим мы ему лопатой...
Други! пьем! За мертвых пьем!..»

Вместо влаги искрометной,
Пили запросто марсал,
А Зосим Ветхозаветный
Умиленно лепетал:
«Я люблю живых писателей,
Но — мне мертвые милей!..»

Это — пир гробовскрывателей!..
Дальше, дальше поскорей!..

№ 10

«Путь, отечеству полезный
Ты геройски довершил,
Ты не дрогнул перед бездной,
Ты...»
Татарин нелюбезный
Двери круто затворил;
Несмотря на все старанья,
Речь дослушать я не мог,
Слышны только лобызанья,
Да «Ура!..», да «С нами бог!..».

№ 11

«Получай же по проценту! —
Говорит седой банкир
Полицейскому агенту. —
В честь твою сегодня пир!»
Рад банкир, как сумасшедший;
Все довольны; сыщик пьян;

От детей сюда зашедший,
По знакомству, князь Иван
Держит спич:
«Свои законы
Есть у века, господа!
Как пропали миллионы,
Я подумал: не беда!
Верьте, нет глупей несчастья
Потерять последний грош, —
Ни пропажи, ни участья,
Хоть повесься, не найдешь!
А украдут у банкира
Из десятка миллион —
Растревожится полмира…
„Миллион!..“ Со всех сторон
Сожаленья раздадутся,
Все правительства снесутся,
Телеграммами в набат
Приударят! Все газеты
Похитителя приметы
Многократно возвестят,
Обозначат каждый прыщик…

И глядишь: нашелся вор!
На два дня банкир и сыщик —
Самый модный разговор!
Им улыбки, им поклоны,
Поздравленья добрых душ…
Уж терять — так миллионы,
Царь вселенной — куш!..»

№ 12

Чу! пенье! Я туда скорей,
То пела светская плеяда
Благотворителей посредством лотерей,
Концерта, бала, маскарада…

Да-с! Марья Львовна
За бедных в воду,
Мы Марье Львовне
Сложили оду.

Где Марья Львовна?
На вдовьем бале!
Где Марья Львовна?
В читальном зале…

Кто на эстраде
Поет романсы?
Чьи в маскараде
Вернее шансы?

У Марьи Львовны
Так милы речи,
У Марьи Львовны
Так круглы плечи!..

Гласит афиша:
«Народный праздник».
Купил корову
Один проказник:

«Да-с, Марья Львовна,
Не ваши речи,
Да-с, Марья Львовна,
Не ваши плечи,

С народом нужны
Иные шансы...»
В саду корова
Поет романсы,

В саду толпится

Народ наивный,
Рискуют прачки
Последней гривной,

За грош корову
Кому не надо?
И побелели
Дорожки сада,

Как будто в мае
Послал бог снегу…
Пустых билетов
Свезли телегу

Из сада ночью.
Ай! Марья Львовна!
Пятнадцать тысяч
Собрали ровно!

Пятнадцать — с нищих!
Что значит — масса!
Да процветает
Приюта касса!

Да процветает
И Марья Львовна,

Пусть ей живется
Легко и ровно!..

Да-с, Марья Львовна
За бедных в воду…
Ее призванье —
Служить народу!

№ 13

Слышен голос — и знакомый:
«Ананас — не огурец!»
Возложили гастрономы
На товарища венец.
Это — круг интимный, близкий.
Тише! слышен жаркий спор:
Над какою-то сосиской
Произносят приговор.
Поросенку ставят баллы,
Рассуждая о вине,
Тычут градусник в бокалы…
«Как! четыре — ветчине?..»
И поссорились… Стыдитесь!
Вредно ссориться, друзья!

Благодушно веселитесь!
Скоро к вам приду и я.
Буду новую сосиску
Каждый день изобретать,
Буду мнение без риску
О салате подавать.
Буду кушать плотно, жирно,
Обленюся, как верблюд,
И засну навеки мирно
Между двух изящных блюд…

Часть вторая
Герои времени

Траги-комедия

«Кушать подано!» — Мне дали
Очень маленький салон.
За стеной «ура!» кричали,
По тарелкам шел трезвон.
Кто ж они — с моим чуланом
Рядом пьющие теперь?
Я чуть-чуть открыл диваном
Загороженную дверь,
Поглядел из-за портьеры:
Зала публикой кишит —
Все тузы-акционеры!
На ловца и зверь бежит…

Производитель работ
Акционерной компании,
Сдавший недавно отчет
В общем годичном собрании,

В группе директоров Шкурин сидит
(Синяя чуйка и крупные губы).
Старец, прошедший сквозь медные трубы —
Савва Антихристов — спич говорит.
(Общество пестрое: франты, гусары,
И генерал, и банкир, и кулак.)

Да, господа! самородок-русак
Стоит немецких философов пары!
Был он мужик, не имел ничего,
Часто гуляла по мальчику палка,
Дальше скажу вам словами его
(Тут и отвага, и ум, и смекалка):

«Я — уроженец степей;
Дав пастухам по алтыну,
Я из хребта у свиней
В младости дергал щетину.

Мечется стадо, ревет.
Знамо: живая скотина!
Мальчик не трусит — дерет,
Первого сорту щетина!

Стал я теперь богачом;
Дом у меня, как картинка,
Думаю, глядя на дом:
Это — свиная щетинка!..»

Великорусская, меткая речь!..
С детства умел он добыть и сберечь.
Сняли мы линию; много заботы:
Надо сдавать земляные работы.
Еду я раз по делам в Перекоп,
Вижу, с артелью идет землекоп.
«Кто ты?» — «Я — Федор Никифоров
Шкурин».

(Обращается к Шкурину)

Чокнемся! Выпьем, христов мужичок!
Ну, господа генералы! чок-чок!..
Выбор-то мой оказался недурен...

(Чокаются и пьют.)

Прибыл подрядчик на место работ,
Вместо науки с одним «глазомером»,
Ездит по селам с своим инженером,
Рядит рабочих — никто не идет!

Земли кругом тут дворянские были, —
Только дворяне о них позабыли.
Всем тут орудовал грубый «кустарь»,
Пренебреженной окраины царь.
Жители рыбу в озерах ловили,
Гнали безданно из пеньев смолу,
Брали морошку, опенки солили
И говорили: «Нейдем в кабалу!»
Нет послушанья, порядка и прочего,
Прежде всего: создавай тут «рабочего».
Как же создашь его? Шкурин не спит:
Земли, озера, болота, графит —
Всё откупил у помещика,
«Всё — до последнего лещика!»
(Как энергически сам говорит)
Дрогнула грубая сила «кустарная»,
Как из под ног ее почва ушла...
Мысль эта, смею сказать лучезарная,
Наши доходы спасла.
Плод этой меры в графе дивиденда
Акционеры найдут:
На сорок три с половиной процента

Разом понизился труд!..

Ходко пошла земляная работа.
Шкурин, трудясь до кровавого пота,
Не раздевался в ночи,
Жил без семейства в степи безотрадной,
Обувь, одежду, перцовку, харчи
Сам поставлял для артели громадной.
Он, разделяя с рабочим труды,
Не пренебрег гигиеной народной:
Вместо болотной, стоячей воды,
Дал он рабочему квас превосходный!
Этим и наша достигнута цель:
В жаркие дни, доваливши́сь до кваса,
Меньше харчей потребляла артель
И обходилась охотно без мяса!
Быстро в артели упал аппетит
На двадцать два с половиной процента.
Я умолкаю… графа дивиденда
Красноречивее слов говорит!..

* * *

«Ура!» прокричали, героя сравнили
С находчивым «янки». А я между тем,
Покамест здоровье подрядчика пили,
Успел присмотреться ко всем:
Во-первых, тут были почетные лица
В чинах, с орденами. Их видит столица
В сенате, в палатах, в судах.
Служа безупречно и пользуясь весом,
Они посвящают досуг интересам
Коммерческих фирм на паях.
Тут были плебеи, из праха и пыли
Достигшие денег, крестов,
И рядом вельможи тут русские были,
Погрязшие в тине долгов
(То имя, что деды в безумной отваге
Прославили — гордость страны —
Они за паи подмахнут на бумаге,
Не стоящей трети цены)...
Сидели тут важно, в сознании силы,
«Зацепа» и «Савва» — столпы-вороти-

лы
(Зацепа был мрачен, а Савва сиял).
Тут были банкиры, дельцы биржевые,
И земская сила — дворяне степные,
Тут было с десяток менял.
Сидели тут рядом тузы-иноземцы:
Остзейские, русские, прусские немцы,
Евреи и греки и много других —
В Варшаве, в Одессе, в Крыму, в Питербурге
Банкирские фирмы у них —
На аки, на раки, на берги, на бурги
Кончаются прозвища их.
Зацепа — красивый старик белокудрый,
Наживший богатство политикой мудрой, —
Был сборища главным вождем.
Профессор, юрист, адвокат знаменитый
И два инженера — с ученым значком —
Его окружали почетною свитой.
Григорий Аркадьич Зацепин стяжал

В коммерческом мире великую славу
И львиную долю себе выделял
Из каждого крупного дела по праву.
Сей старец находчив, умен, даровит,
В нем чудная тайна успеха таится,
Не даром он в каждом правленье сидит…
Придет вам охота в аферы пуститься,
Старайтесь его к предприятью привлечь —
Пойдет как по маслу!..
Герой-триумфатор
Раскланялся… Выступил новый оратор,
Меняло, — писклива была его речь:
«Мм. гг.
Времена наступают тревожные
Кризис близится: мало дают
Предприятья железнодорожные,
Банки тоже не бойко идут:
„Половину закрыть не мешало бы!“ —
Слышен в публике хор голосов,

Как недавно мы слышали жалобы
На избыток питейных домов.
Время выйти на поприще новое,
Честь имею проект предложить,
Всё обдумано — дело готовое,
Стоит только устав сочинить.»

(Пауза. Выпив глоток воды, оратор продолжает с одушевлением)

«Мысль — „Центрального Дома Терпимости“,
Такова наша мысль! Скажут нам:
Прежде Невский целковыми вымости,
И на то я согласие дам!
Вам порукою наше серьезное
Отношенье к делам вообще,
Что развитие ей грандиозное
Мы надеемся дать не вотще:
Лишь бы нам разрешили концессию…
Учредим капитал на паях
И, убив мелочную профессию,
Двинем дело на всех парусах!
Нет сомненья, что цель учреждения

Наше общество скоро поймет:
Понесут нам свои сбережения
Все кутящие ныне вразброд!
Предприятия с точки вещественной
Невозможно вернее желать,
Равным образом, с точки общественной
Трудно пользу его отрицать.
Без надзора строжайшего, честного
Не оставим мы дело никак,
Мы найдем адвоката известного
Для разбора скандалов и драк.
Будет много у нас подражателей.
Но не будет такого нигде
Наблюденья: возьмем наблюдателей
В нашей скромной меняльной среде...»

* * *

«В тихом омуте водятся черти!» —
Кто-то рядом со мной прошептал;
Некто Грош испугался до смерти
Остроумной затеи менял

И подвинулся дальше со стулом.
На проект отвечала толпа
Нерешительным, сдержанным гулом,
Ждали мненья Зацепы-столпа.

«Да (сказал он), доходное дело,
Но советую вам подождать.
Ново… странно… до дерзости смело…
Преждевременно, смею сказать!
Кто не знает? Пророки событий,
Пролагатели новых путей,
Провозвестники важных открытий —
Побиваются грудой камней.
Двинув раньше вперед спекуляцию,
Чем прогресс узаконит ее,
Потеряете вы репутацию
И погубите дело свое.
Подождите! Прогресс подвигается,
И движенью не видно конца:
Что сегодня постыдным считается,
Удостоится завтра венца…»

«Браво!» Залп громоподобный..

На арену вышел Грош
И проекту спич надгробный
Довершил: «Проект хорош,
Исполнители опасны!» —
Он язвительно сказал.
Пренья были долги, страстны,
Впрочем, я их не слыхал,
Я заснул...
Мне снились планы
О походах на карманы
Благодушных россиян,
И, ощупав свой карман,
Я проснулся...
Шумно... В уши
Словно бьют колокола:
Гомерические куши,
Миллионные дела,
Баснословные оклады,
Недовыручка, дележ,
Рельсы, шпалы, банки, вклады —
Ничего не разберешь!..
Я сидел тупой и мрачный,

Долго мне понять мешал
Этот крик и дым табачный:
Где я? Как сюда попал?..

Через дверь, чуть-чуть открытую,
Вижу лиц усталых ряд,
Вижу жженку недопитую,
Землянику, виноград.
К англичанину с объятиями
Лезет русский человек.
«Выпьем, Борух! Будем братьями!» —
Говорит еврею грек.
Кто-то низко клонит голову,
Кто-то на пол льет вино,
Кто-то Утина Ермолову
Уподобил… Всё пьяно!..

Я понял: кончили дела
И нараспашку закутили.
Одни сидели у стола,
Другие парами ходили..
Сюда пришел и князь Иван
И, на диване отдыхая,

Не умолкал, как барабан,
Чужие речи заглушая.
Старик с друзьями продолжал
Пить вдохновляющую жженку
И мимо шедших посылал
Свои любезности вдогонку.
Теперь цинизм у них царил,
И разговор был часто страшен:
«С какой иконы ты скусил
Тот перл, которым ты украшен?»
— «Да с той, которой помолясь,
Ты Гасферу подсыпал яду…»
Так остроумно веселясь,
Одни смеялись до упаду,
Другие хмурились… Журча,
Лился поток суждений, споров…
Вот вам отрывки разговоров,
Ищите сами к ним ключа…

1-й голос

Отложили на неделю,
Миллиончик пропадет.
Вот господь послал Емелю!

Доложил наоборот:
Позабыл о братьях Примах
Знай наладил: Цах да Цах!
Образец непроходимых
Государственных нерях!
С ним теперь и смех и горе.
Прежний много лучше был:
Не сажал нас на мель в море
И на суше не топил.

2-й голос (князя Ивана)

Чу! как орут: «Казань!..», «Ветлуга!..»
Адепты севера и юга.
Немного фактов, бездна слов...
Одно тут каждый понимает,
Что на пути до рудников
Постлать соломки не мешает!

3-й голос

У нас был директор дороги,
Кондукторам красть не давал:
В вагоны, как тать, проникал
У сонных сосчитывал ноги,

Чтоб видеть: придется иль нет
На каждую пару билет?
Но дальше билетов и ног
Считать ничего он не мог!..

Голос князя Ивана
(кому-то навстречу)

Сотню рублей серебра
В день получаю…
Сорок четыре ребра
В сутки ломаю…
А! господин костолом!
Радуюсь встрече случайной.
Правда ли? мы создаем
Новый проект чрезвычайный:
Предупредительных мер
Мы отрицаем полезность…
(Так! господин инженер!
Благодарим за любезность.)
Вечно мы будем ломать
Едущим руки и ноги:
Надо врачей насажать
На протяженьи дороги,

С правого боку возвесть
Раненым нужно жилища,
А для убитых отвесть
С левого боку кладбища.
Так-с! Выражаясь точней,
Вы узаконить хотите
Право увечить людей…
Мало еще вы кутите!
Что же? Дай бог вам успеть!
Можете руки вы знатно,
Строя больницы, нагреть,
И пассажирам приятно:
Вместо того чтоб зевать
В наших пустынях унылых —
Впредь до крушенья — считать
Будут кресты на могилах!

Двое (4-й и 5-й)
(проходя мимо двери, негромко)

Вам дадут паи строители,
Я готов держать пари
На тысчонку! Не хотите ли?
— «В чем же дело, говори!»

— «Это — путь из самых прибыльных,
Но ведь это — тоже дверь
Для обмена мыслей гибельных...
Понимаете теперь?»
— «Верно! малый ты практический!
Как пари не заплатить?
С точки зренья стратегической
Можно Волгу запрудить!»

Голос князя Ивана
(кому-то вдогонку)

Пестрый галстук с черным фраком,
Ряд нечищеных зубов
И подернутая лаком
Рожа — признак дураков.
В перстне камень изумрудный.
Неотесанный болван:
Содержатель кассы ссудной,
Главной кассы — важный сан!
Этот тип безмерно гнусен.
Современный Митрофан
Глуп во всем, в одном искусен:
Залезать в чужой карман!

И на нем дух века виден,

Он по трусости — скупец,

По невежеству — бесстыден,

И по глупости — подлец!

6-й голос

За что швырнул в меня он карточкой своей

И завтра обещал прислать мне секунданта?

Ведь я не отрицал у Душкиной таланта

Я только говорил, что Радина милей!

Военный человек, не спорю я, прекрасен,

Но дальше от него держаться должно нам.

Во времена войны — опасен он врагам,

А в мирное — он всем опасен.

Голос князя Ивана
(кому-то навстречу)

Тысяч восемьдесят в банках

Получает этот франт,

Он живет бессменно в санках —

В этом весь его талант.
Есть другой счастливец в мире,
Полу-немец, полу-грек,
Получает сто четыре…
Заурядный человек!
Дай мне легонькие санки
И рысистого коня,
Я и сам все наши банки
Облечу в теченье дня!

7-й голос

Человека накачали
И забыли… Как тут быть?
Если нет цыган, нельзя ли
Хоть арфисток пригласить?
Без прекрасного-то пола
Скучновато во хмелю.
Пить так пить — до протокола,
Середины не люблю!

Голос князя Ивана

На французском масле,
Сделанном из сала,

Испекла природа
Этого нахала.
Экой ратоборец!
Железнодорожник,
И гостинодворец,
И во всем — художник!

8-й голос

В нашем банке заседают
Пять ростовщиков,
Фортель их таков:
Меж собой распределяют
Весь наличный капитал
Из осьми… а выручают
Сорок… Подло! я отстал.

Голос князя Ивана
(кому-то вдогонку)

Слыл умником и в ус себе не дул,
Поклонники в нем видели мессию;
Попал на министерский стул
И — наглупил на всю Россию!

9-й голос

...Говорю: помиритесь добром!
Не советую знаться с судом!..

На Литейной есть такое здание,
Где виновного ждет наказание,
А невинен — отпустят домой,
Окативши ушатом помой.
Я там был. Не последнее бедствие,
Доложу вам, судебное следствие, —
Юный пристав меня истерзал;
Прокурор, поседевший во бдении,
Так копался в моем поведении,
Что с натуги в истерику впал;
Сторона утверждала противная,
Что вся жизнь моя — цепь непрерывная
Вопиющих каких-то картин,
И, содрав гонорар неумеренный,
Восклицал мой присяжный поверенный:
«Перед вами стоит гражданин
Чище снега альпийских вершин!..»

Невеселое вышло решение:
Без лишения прав заключение.

Две недели пришлось проскучать,
Да с полгода ругала печать!

10-голос

Печать? У ней строитель — вор!
Железные дороги — душегубки!
Суды?... По платью приговор!
А им любезны только полушубки.
Теперь не в моде уважать
По капиталу, чину, званью...
Как?! под арестом содержать
Игуменью — честную Митрофанью?...

11-й голос

Не щадят и духовного звания!
Адвокатам одним только рай:
За лишение прав состояния
И за то теперь деньги подай!

Голос князя Ивана
(кому-то вдогонку)

Не люблю австрийца!
Думается мне:
Вот — сыноубийца!

Чу! Призыв к войне!
Брошены парады,
Дети в бой идут,
А отцы подряды
На войска берут...
Юные герои
Гибнут в каждом бое,
Не поймут никак:
Отчего в атаке,
В самой жаркой драке,
Невредим прусак?
Дети! вас надули
Ваши старики:
Глиняные пули
Ставили в полки!

* * *

Неразлучной бродят парой
Суетливый коммерсант
И еврей, процентщик ярый,
В драгоценных камнях франт.
Вот подходят к самой двери,

Продолжая рассуждать:
«Мне „товарища на вере“
Было легче отыскать.
Выручай! надеждой прочной
Остаешься ты один.
Выручай! ты — безупречный,
Полноправный гражданин!
Ты — писатель! Ты брошюрой
„О процентах“ заявил
Связь свою с литературой,
Ты Тиблену кумом был.
Ты — художник по натуре...»
— «Нежелательно прослыть
Подставным в литературе...»
— «Вот нашел о чем тужить!
Полно! Мы с тобой — не детки.
Нынче — царство подставных,
Настоящие-то редки,
Да и спроса нет на них.
Погляди — моряк на суше,
Инженер на корабле,
А дела идут не хуже

И не лучше на земле.
Не у нас — во всей Европе
Прессой правит капитал,
Был же Генкель, есть же Гоппе...
Ты бы ярче их сиял!
Прессе нужны коммерсанты.
Поспешив на помощь ей,
Как направим мы таланты,
Как устроимся!»
Еврей
Отвечает, убежденью
Начиная уступать:
«Если нужно просвещенью
Руку помощи подать,
Я готов, но — бог свидетель —
Я от грамоты отвык...»
— «Тут нужна лишь добродетель!» —
Восклицает биржевик...

* * *

«Дай еще им пять бутылок!» —
Испустил внезапный крик

Некто — стриженный затылок,
Голова «a la мужик».
Рост высокий, стан не гибкой,
А лицо... странней всего,
Как не высекли ошибкой
По лицу его!
Выпив первую бутылку,
Лизоблюдов пьяный хор
Тароватому затылку
Лестью выпалил в упор:

— «Сколько вы божьих храмов построили!»
— «Сколько выдали замуж невест!»
«Сколько вдов и сирот успокоили!»
— «Сколько роздали пенсий и мест!»
— «А какие вы строите линии!
Подвиг ваш — достоянье веков! —
Поправляя очки свои синие,
Заключил запевало льстецов. —
На Урале, на Лене, на Тереке
Предстоят еще подвиги вам.
Были люди в Европе, в Америке,

А таких не встречалось и там!»

«Будто? Вот как! Скажите! Неужели? —
Восклицал осовевший герой. —
Мы, однако, так плотно покушали,
Что пора, господа, и домой...»

И вскочили «орлы» его верные.
И героя домой повели...

Про таланты его непомерные
Очень громкие слухи прошли.
Как шаман, он обвешан жетонами
(А на шее владимирский крест).
С телеграммами, спичами, звонами
Колокольными — ездит и ест,
Упивается тонкими винами,
Сыплет золото щедрой рукой,
В предприятиях долями львиными
Наделяется... Чем не герой?...
Есть, однако, и мненье противное:
Говорят, у него никаких
Дарований, богатство фиктивное;

Говорят, он — игрушка других,
Нужен он для одной декорации;
Три-четыре искусных дельца
В омут самой шальной спекуляции,
Словно мячик, бросают глупца.
Как вопьются раки жирные
В тело белое его,
Эти люди, с виду смирные,
Обрывают их с него,
И потом дружка сердечного
В новый омут повлекут...
Ничего нет в мире вечного —
Скоро будет он банкрут!

Голос князя Ивана
(навстречу вновь вошедшему)

А! Авраам-изыскатель!
Мимо прошел: не узнал;
Чем возгордился, приятель?
Я пастухом тебя знал....

Лота отца попрекает,
Берка от Лоты бежит,
Месяца три пропадает

И, возвратясь, говорит:

«Радуйся! дочь моя Лота!
Радуйся, Янкель, сын мой!
Дети! купил я болота
Семьдесят семь десятин!»

Лота оделася в шубку,
Янкель за шапкой бежит,
Едут смотреть на покупку —
Лошадь с натуги хрипит,

Местность всё ниже и ниже,
Множество кочек и ям,
«Вот оно! Лота! смотри же!»
Лота не верит глазам:

Нету ничем ничего-то,
Кроме трясины и мхов!
Только слетели с болота
Семьдесят семь куликов!

Едучи шагом обратно,
Янкель трунил над отцом,
Лота работала знатно
Длинным своим языком.

Берка на жалобы эти
Молвил, подъехал к крыльцу:
«Не угодил я вам, дети,
Да угодил продавцу!»

Утром он с ними простился,
Месяца три пропадал,
Ночью домой воротился,
«Радуйтесь!» — снова сказал.

Янкель и Лота не рады,
Думают: глупость опять!
«Взял я большие подряды!» —
Берка пустился плясать.

«Четверть с рубля обойдется,
Четверть с рубля… без гроша…
Семьдесят семь остается,
Семьдесят семь барыша!»

Денег у Берки без счета,
Берка давно дворянин,
Благословляя болота
Семьдесят семь десятин!..

* * *

Чу! песня! Полные вином,
Два инженера ликовали
И пели песенку о том,
Как «непреклонного» сломали:

Я проект мой излагал
Ясно, непреложно —
Сухо молвил генерал:
«Это невозможно!»

Я протекцию сыскал
Всё обставил чудно,
Грустно молвил генерал:
«Это очень трудно!»

В третий раз понять я дал:
Будет — гривна со ста,
И воскликнул генерал:
«Это — очень просто!»

Голос князя Ивана

На уме чины да куши,
Пассажиров бьют гуртом:

Христианские-то души
Жидовине нипочем.
До пределов незаконных
Глуп, а денежки гребет…
Всё равно что резать сонных —
Обирать народ!

* * *

Слышны толки: «Леность…. пьянство…
Земство… волость…. мужики…»
Это — местное дворянство
И дворяне-степняки
У степного дворянина
Речь любимая своя:
«Чебоксарская щетина»,
«Миргородская свинья»,
«Свекловица, мериносы»,
«Спрос на водку и барду»,
А у местного вопросы
«Всесословные» в ходу,
Граф Давыдов, князь Лобанов
В центре этого кружка

Излагают пользу планов,
Не удавшихся пока.

«Вся беда России
В недостатке власти! —
Говорят витии
По сословной части. —

Да! провинция пустеет:
Города объяты сном,
Земледелец наш беднеет,
Дворянин поник челом.

Кто не „высшего разбора“,
Убегай из наших мест,
Ты — добыча прокурора,
Мировой тебя заест!

Кто теперь там толку сыщет?
Народившийся кулак
По селеньям зверем рыщет,
Выжимает четвертак.

Выбивают недоимку,
Разоряют до гроша,
Взятку, взятку-невидимку

Ловит каждая душа!

Даже божии стихии
Ополчились на крестьян:
Повсеместно по России —
Вихри, штормы, ураган.

Гром жилища зажигает,
Нивы град господень бьет,
Деньги земство обирает,
Жадный волк уносит скот!

С мужиком одним случилось —
То-то он оторопел! —
Даже почва провалилась,
Отведенная в надел!

Не затем мы уступали
Наши древние права,
Чтоб на наше место стали
Становой и голова!

Жаль родного достоянья,
Жаль и бедных мужиков!..
Там — семейные преданья,
Там — любезный прах отцов!

Прах отцов — добыча тленья,
А живому дорог день:
Как из чумного селенья,
Мы бежим из деревень!»

Так искатели концессий,
Потерпевшие наклад
От хозяйственных профессий,
Нашим земцам говорят.

«Нет, а мы так не уходим!
Обновив с народом связь,
Мы народ облагородим, —
Говорит — по Гнейсту — князь. —

Мы судебно-полицейской
Властью пьянство укротим!»
И с улыбкой фарисейской
Ренегаты вторят им.

Князь Иван закончил пренья
О вреде предоставленья
Мужику гражданских прав,
Неожиданно сказав:

«Пусть глас народа — божий глас,

Но все-таки мужик — скотина!
Плохая шутка: свинопас
И рядом правнук Гедимина.

Враги дворян изобрели
Нарочно земское компанство,
Чтоб вши с крестьян переползли
На благородное дворянство».

Дворянин многоземельный
С тайной думою своей
Дышит скукою смертельной,
Есть субъекты веселей:
Генеральный бой дворянский
Проиграв, они нашлись
И войною партизанской
На досуге занялись.
Не рискуя головою,
Эти рыцари страны,
Так и рвут что можно с бою
У народа, у казны:
Взяв с подряда «разреженье»
Государственных лесов,

Произвесть опустошенье,
Подменить у мужиков
Земли — дело «партизана»;
Он — процентщик, он — торгаш,
Не уйдешь его капкана,
Неизбежно дань отдашь!
Четвертик фальшивой меры,
Тайный фортель у весов…
Впрочем, тут же есть примеры.
Чу! Помещик Хватунов
Сам кричит: «Удрал я штуку!
Не зевайте! вот вам шанс!»
И поет, друзьям в науку,
Назидательный романс:

Песня об «орошении»

Комитету «Поощренья
Земледельческих Трудов»
Сделать опыт орошенья
Наших пашен и лугов

Предложил я: снарядили
Две комиссии в наш край

И потом благословили,
Дали денег: «Орошай!»

Я поехал за границу,
Пожуировал; затем
Начал сеять свекловицу.
Время мчалось, между тем,

Дом мой стал богаче, краше,
Сам толстею, что ни год.
Вдруг запрос: «Успешно ль ваше
Орошение идет?»

«При ближайшем наблюденьи, —
Отвечаю в комитет, —
Нахожу, что в орошеньи
В нашем крае — нужды нет,

Труд притом безмерно дорог...» —
Согласились: «Нет нужды!»
А задаток — тысяч сорок —
За посильные труды

Комитет — не без участья
Добрых душ — с меня сложил,
И тогда — слезами счастья

Грудь жены я оросил!..

Несколько голосов

Браво, браво! ороситель!
Браво, пьем за подвиг твой!..

Князь Иван

Эй! орловский предводитель!
Познакомь меня с Фомой!
Я из чести, не из видов,
Подружиться с ним готов.
Прежде был — Денис Давыдов,
Нынче — Фомка Хватунов!

* * *

В каждой группе плутократов —
Русских, немцев ли, жидов —
Замечаю ренегатов
Из семьи профессоров.
Их история известна:
Скромным тружеником жил
И, служа науке честно,
Плутократию громил,

Был профессором, ученым
Лет до тридцати,
И, казалось, миллионом
Не собьешь его с пути...
Вдруг — конец истории —
В тридцать лет герой —
Прыг с обсерватории
В омут биржевой!..

Вот москвич — родоначальник
Этой фракции дельцов:
Об отечестве печальник,
Лучший тип профессоров,
Встарь он пел иные песни,
Искандер был друг его,
Кроме каменной болезни,
Не имел он ничего;
Под опалой в оны годы
Находился демократ,
Друг народа и свободы,
А теперь он — плутократ!
Спекуляторские штуки
Ловко двигает вперед

При содействии науки
Этот старый патриот...

Вот другой — слывет за чудо:
Говорун и острослов
(«Леонид» — ему покуда
Кличка у тузов).
Он машинным красноречьем
Плутократию дивит;
Никаким противоречьем
Не смущаясь, говорит
В интересах господина.
Заплати да тему дай,
Говорильная машина
Загудит: поднимет лай,
Будет плакать и смеяться,
Цифры, факты извращать,
На Бутовского ссылаться,
Марксом тону задавать.
Предпочтя ученой славе
Соблазнительный металл,
Леонид сперва при Савве
На посылках состоял,

Подавал ему «идейки»
(И сигары — иногда),
Знал к редакторам лазейки,
К представителям суда,
Составлял «записки», «мненья»,
Сплетни прессы отражал,
И в директоры правленья
Наконец попал!
Тут уж торная дорога:
Нахватав десяток мест,
Как за пазухой у бога
Он живет; по-барски ест,
На балы к концесьонерам
Возит куколку-жену
И поет акционерам
Вечно песенку одну,
Смысл известный: «Дивидендов
Нет покамест — ожидай!
И не медля шесть процентов
Нам в награду отчисляй!»
Кризис: дело не спорится,
Денег нет, должны кругом,

В дверь правления стучится
С исполнительным листом
Пристав: кассу запирает,
Мебель штемпелем клеймит.
Леонид не унывает
И цинически острит:
«Мат, конечно, предприятью,
А правленью — не беда!
Стул с казенною печатью
Так же мягок, господа!..»
Нынче счету нет артистам,
Что таким путем пошли
И на помощь аферистам
Силу знанья принесли.
Всякий план, в основе шаткий,
Как на сваях утвердят:
Исторической подкладкой,
Перспективами снабдят!
Дело их — стоять на страже
«Государственных идей».
Нет еще идеи даже,
Есть один намек о ней, —

Уж бегут они к патронам,
Выговаривают пай.
Начинают скромным тоном:
«Нужный банк»… «Забытый край»…
Дальше — громче пропаганда,
Загорается война,
Кто за Шмита, кто за Странда!
Правду вывернув до дна,
Чудо сделают из края,
Этнографией блеснут,
И статистика такая…
Где они ее берут?

Аргумент экономический,
Аргумент патриотический,
И важнейший, наконец,
С точки зренья стратегической
Аргумент — всему венец!..

Из пяти одна затея
Удалась — набит карман!
А гуманная идея
Отошла на дальний план.

Новый туз-богач в итоге,
И сказались барыши
Лишней гривною в налоге
С податной души...

Надо честь отдать почину —
Разбудили Русь они:
И купцу, и дворянину
Плохо спится в наши дни;
Прежде Русь стихи писала,
Рифмам не было числа,
А теперь практичней стала:
На проекты налегла!
Предприимчивостью чудной
Переполнились сердца,
Нет теперь задачи трудной,
Каждый план найдет дельца.
Запрудят Неву, каналы
По Сахаре проведут!..
Дайте только капиталы,
Обеспечьте риск и труд...

Да, постигла и Россия

Тайну жизни наконец:
Тайна жизни — гарантия,
А субсидия — венец!
Будешь в славе равен Фидию,
Антокольский! изваяй
(«Гарантию» и «субсидию»,)
Идеалам форму дай!
Окружи свое творенье
Барельефами: толпой
Пусть идут на поклоненье
И ученый и герой;
Пусть идут израильтяне
И другие пришельцы,
И российские дворяне,
И моршанские скопцы...

* * *

Беседа кипит не смолкая,
И льется рекою вино,
Великих и малых равняя;
Все группы смешались давно.
Зацепин в ударе, как воду

Венгерское пьет; Леонид,
Великому мужу в угоду,
Вистует ему и лисит.
Из оперы новые лица
Явились; затеялся спор:
Которая выше певица,
Который пошлее актер.
Веселый толстяк краснорожий,
Хохочет Иванушка-шут,
И муж государственный тоже,
Подвыпив, беседует тут:
«Да-с, наша тропа не без терний!
Энергия — свойство мое,
Но на сорок восемь губерний
Всегда ли достанет ее?..»

Но был один — он общества чуждался;
Построивши дорогу в восемь верст,
На собственном величьи помешался
Остзейский туз — барон фон Клоппен-горст.
Он вынуждал к невольному решпек-ту —

Торжественность в осанке и в лице;
Пусти нагим по Невскому проспекту —
Покажется: он в тоге и венце.
Он не сгибал своей баронской выи
Ни перед кем; на лбу его крутом
Начертано: «Трудился для России,
И памятник воздвиг себе притом!»
Он был смешон картинно, грандиозно
И шумный пир эффектно оттенял.
Он пил один, насупив брови грозно,
По слову в час медлительно ронял.
Молчит ли он — особая манера
Молчать… глядит — победоносный взор!
Идет ли он — незыблемая вера,
Что долг других давать ему простор.
Среди судов обычного размера
Так шествовал в Россию «Монитор»…

Остроумная случайность!
На соседа не похож,
Представлял другую крайность
Эдуард Иваныч Грош —

Господин на ножках низких,
Весел, юрок и румян,
Из породы самых близких
К человеку обезьян.
К разным группам подбегает,
Щурит глазки, руки жмет
И головкою кивает,
И хихикает, и врет.
Голосок его пискливый
Раздается там и тут;
Толстый, маленький, плешивый,
Сибарит, делец и шут —
Он, как ртуть, на всяком месте;
Слышит — кто-то говорит:
«Нужно завтра акций двести...»
— «На налицность? на кредит?..»
По рукам в минуту хлопнул
И бежит туда бегом,
Где услышит слово «лопнул».
«Кто? Какой торговый дом?..»
— «Лопнул — шар!..» Зимою в санках
Вечно встретите его;

Он на бирже, в думе, в банках,
Нет собранья без него:
Это высшего разряда
Фактор — сила наших дней.
Телеграфов с ним не надо,
Ни газетных новостей.
Светский мир и мир подпольный
Дань равно ему несут,
Как револьвер шестиствольный
Он заряжен! С виду шут,
Он неспроста бьет баклуши,
Он трудится больше нас:
Настороженные уши,
Волчий зуб и лисий глаз!
Что вам нужно? Закладную?
Моську, мужа... дачу, дом,
Капитал?.. Рекомендую:
Не ударит в грязь лицом!
Честолюбье ль вас тревожит? —
Он карьере даст толчок,
Даже выхлопотать может
Португальский орденок!

По руке пригнать перчатку —
Дело Гроша! Всюду вхож,
Он туда протиснет взятку,
Что руками разведешь!..
Гроша вывели из мрака
Случай, ловкость и родня;
Не выходит он из фрака,
Пробудясь, кричит: коня!
В девять — рыщет по трущобам,
Ищет нужного дельца,
В десять — шествует за гробом
Сановитого лица;
До двенадцати — в передних
У влиятельных господ,
В час — в приюте малолетних,
Где молебен и отчет,
В два — за завтраком с кокоткой
(Он — кокоток первый друг),
С трех — на бирже... День короткой —
Пообедать недосуг!
Вечер: два-три комитета,
Оперетка и балет,

И у дамы полусвета
За рулеткой — дня рассвет!

* * *

Тише!.. новый гость явился;
Все вскочили, сам барон
Клоппенгорст пред ним склонился,
Подал руку… Кто же он?

Кто он? действуя практически,
Я обязан умолчать,
Но могу аллегорически
Петухом его назвать.
Нет вернее аттестации:
Золото клюет —
Возвращает… ассигнации!
Плавно он идет
С видом скромного достоинства:
Словно пред вождем
Дрессированное воинство,
Смолкло всё кругом…
Поздоровался с Саввой Степанычем,
Крепко палец Зацепе сдавил,

Пошутил с Эдуардом Иванычем:
«У! Как бледен! Опять пошалил?»

«Испугался проекта Дерницына:
Об общественной пользе поет,
А в душе — идеалы Плотицына!
Зазевайся — ...»

А затем неизвестность пошлейшая!
К сожаленью, беседа дальнейшая
Шла вполголоса... «Время на бал!» —
Уходя, незнакомец сказал.

К счастью, он вернулся снова,
На минуту сел,
И тогда четыре слова
Я поймать успел.
«Нужно выждать две недели, —
Савве он сказал. —
Нужно выждать: не созрели...»
И, допив бокал,
Вышел...

* * *

Экс-писатель бледнолицый
Появился, Пьер Кульков;
Был он долго за границей
По комиссиям дельцов
И друзьям поклон собрата
Из Италии привез.
Вожделений плутократа,
Так сказать, апофеоз
Совмещал в себе фон Руге:
Ухватив громадный куш,
Он ушел — на светлом юге
Отдыхать. «Великий муж! —
Говорят ему витии, —
Не пугайся клеветы!
Предприимчивость России
На такие высоты
Ты вознес, что миллиарда
Увезенного не жаль!..»
Не без чувства и азарта,
Устремляя очи в даль,

Рассказал турист свиданье
С удалившимся дельцом;
Было общее молчанье,
Пел рассказчик соловьем:

«Я посетил отшельника Севильи,
На виллу Мирт хотелось мне взглянуть;
Пред ней поэт преклонится — в бессильи
Вообразить прекрасней что-нибудь!

Из мрамора каррарского колонны,
На потолках сибирский малахит,
И в воздухе висящие балконы,
И с одного — в Европе лучший вид!

Там он любил сидеть после обеда
И несколько тревожился лишь тем,
Что тот же вид доступен для соседа, —
Его девиз: я не делюсь ни с кем!

Он этим был глубоко опечален
И наконец соседа победил:

Настроил он искусственных развалин
И чудный вид соседу заградил!..

Весь под шатром навесов виноградных
Шел путь к нему извилистой тропой;
Не пожалев расходов беспощадных,
Он срыл сады — и сделал путь прямой!

Так он живет, так тратит он доходы,
Всем жертвуя комфорту своему…
Кругом цветы… искусственные воды…
Его оркестр обходится ему

В огромный куш. Устроив род престола,
Уходит он в свой музыкальный зал,
И, так сказать, оркестру внемлет (solo)!
Вот жизнь его… вот жизни идеал!..»

* * *

«По такому идеалу
Может только жить — кретин! —
Вдруг сказал вошедший в залу
Незадолго господин.

(Сумасшедший или гений? —
Возникал в уме вопрос
После кратких наблюдений
Над вошедшим.) — Он унес
Из России миллионы
И, построив пышный гроб,
На визиты, на поклоны
Чуть не царственных особ
Он рассчитывал, сгорая
Честолюбием... Увы!
Едут мимо, не склоняя
Перед Руге головы!
У него в груди есть рана,
Нанесенная ему
Катастрофою Седана.
Угадайте: почему?
Перед боем франко-прусским
Переписывался он
С императором французским,
За серебряный мильон
Титул герцога — я слышал —
Уж совсем приторговал...

Вдруг скандал седанский вышел —
Продавец банкротом стал!
И теперь о том герое
(Не забавный ли пассаж?)
В целом мире плачут трое —
Сын, жена… да Руге наш!
Пожалей, честная публика!
Где купить высокий сан?
Уж во Франции — республика!
Титлов нет у англичан
На продажу… а Германия?..
Он и так — немецкий фон…
Таковы его страдания…
Где же счастье?.. Дурень он!

Дайте мне его мильоны,
Я бы им протер глаза!
Не висячие балконы —
Я бы создал чудеса!
Петр Великий в Сестербеке
Порт громадный замышлял;
Здесь в великом человеке
Гений, видимо, дремал,

Но и в малом человечке
Он не дремлет иногда:
Нужен порт... на Черной речке!
Вот идея, господа!
Все другие планы к черту!
Составляйте капитал:
Смело строй дорогу к порту
И веди к нему канал!
Подойдут вагон и барка
И корабль... Сдавай, грузи!
Как маяк, горящий ярко,
Будет порт мой на Руси!
Я уж рельсы дал дорогам,
Я войскам оружье дал...
В новый путь иду я с богом...
Составляйте капитал!
С деньгами, с гением
Чудным движением
Русь оживим.
Море Балтийское,
Море Каспийское
Соединим!

Вот занятие! вот дело!
Можно душу положить!
Ненавижу нежить тело,
Нервы праздностью томить.
Уж давно я был бы Крезом,
Мог бы лавры пожинать,
Но беспошлинным железом
Не хочу я торговать.
Металлических заводов
С пивоваренным котлом
Я не строю для доходов...
Наживаться воровством
Сродно подлому холопу!
Цель моя: к окну в Европу,
Что прорублено Петром,
Вековой пристроить дом!»

(Уходит быстро и с эффектом, еще в комнате надев шляпу.)

Голос князя Ивана

Появился метеором —
Метеором и пропал!
Никогда он не был вором,

А людей с сумой пускал.
У него своя контора:
«Переписки векселей»,
Нужно штат удвоить скоро.
В день до тысячи рублей
Платит он одних процентов.
То-то жизнь! топи камин
Грудой старых документов
Да на новых ставь: Ладьин
А в стяжательстве не грешен,
Сам последнее отдаст…

Чье-то замечание

Но зато ведь он помешан?

Голос князя Ивана

Нет, большой энтузиаст!
Занимая всюду деньги
И пристроить их спеша,
Ищет он по шапке Сеньки…
Идеальная душа!..

* * *

В летний день у пристани канала
Собралась толпа, чего-то ждет…
Духовенство шествует сначала,
А за ним комиссия идет:
Шитые мундиры, эполеты!
Чу! вдали запели бурлаки!
Но они не тощи, как скелеты,
На подбор красавцы мужики,
«В шелковых рубахах!» — шепчут бабы.
«Глянь и Савва!» — гаркнула толпа.
С деревянной ложкою у шляпы
И с железным гребнем у пупа,
Сам купец-подрядчик бичевою
Тянет барку… К пристани пришли…
Отслужив молебен чередою,
Пировать в палатку побрели.

В торжестве открытия канала
Сам министр участье принимал,
Но не струсил Саввушка нимало,
Речь его сиятельству сказал!

Был тогда вельможа этот в силе,
Затевал громадные дела...
Эта речь «в народном, русском стиле»
Миллионы Савве принесла.
Нынче он... да словом: нет другого!
Савву надо в летописи внесть:
Савву бог сподобил даром слова
На Руси богатство приобресть!

Но, начав карьеру бичевою,
Любит он простого «мужичка»,
Вспоминая прошлое порою,
Напевает песню бурлака,
Ту, что пел когда-то на канале...
Выпив тост за «братьев-мужиков»,
Он запел... что было русских в зале,
Подошли — и стройный хор готов:

В гору!

(Бурлацкая песня)

Хлебушка нет,
Валится дом,

Сколько уж лет
Каме поем
Горе свое,
Плохо житье!

Братцы, подъем!
Ухнем, напрем!

Ухни, ребята! гора-то высокая...
Кама угрюмая! Кама глубокая!

Хлебушка дай!
Экой песок!
Эка гора!
Экой денек!
Эка жара!

Камушка! сколько мы слез в тебя пролили!
Мы ли, родная, тебя не доволили?

Денежек дай!
Бросили дом,
Малых ребят...
Ухнем, напрем!..
Кости трешшат!

На печь бы лечь,
Зиму проспать,
Летом утечь
С бабой гулять!
Экой песок!
Эка гора!
Экой денек!
Эка жара!

Ухни, ребята! гора-то высокая!..
Кама угрюмая! Кама глубокая!

Нет те конца!..
Эдак бы впрячь
В лямку купца —
Лег бы богач!..
Экой песок!
Эка гора!
Экой денек!
Эка жара!
Эй! ветерок!
Дуй посильней!
Нам хоть часок

Дай повольней!..

* * *

Два-три подрядчика с дедушкой Саввой
В пение душу кладут;
Спой так певец — наградили бы славой!
За сердце звуки берут.
Что ж это, господи! всех задушевней
Шкурина голос звучит!
Веет лесами, рекою, деревней,
Русской истомой томит!
Всё в этой песне: тупое терпение,
Долгое рабство, укор…
Чуть и меня не привел в умиление
Этот разбойничий хор!..

ЭПИЛОГ

«Я — вор!» — вдруг громко прозвучал
Какой-то голос исступленный.
По зале шепот пробежал
И смолк. Глубоко удивленный,
Плотнее к двери я приник:

Изнеможенный и печальный,
Перед столом сидел старик…
Ужель Зацепа гениальный?
Да, верно! Бледен, как мертвец,
В очах глубокое страданье…
Чу! новый вопль! И наконец —
Неудержимое рыданье!

Князь Иван

Полно! полно! плакать стыдно,
Сядем лучше в домино.
Постороннему — обидно,
А друзьям твоим — смешно!
Ты подобен той гетере,
Что на склоне блудных дней
Горько плачет о потере
Добродетели своей!
Не воротится невинность,
Как глубоко ни грусти,
Лишь нарушишь пира чинность
И заставишь нас уйти!

* * *

Ушел Эфруси, важный грек,
Кивнув собранью величаво…
«Куда же вы? — воскликнул Савва. —
Зацепин — умный человек,
Но человек немного странный:
Впадает он, напившись пьян,
Как древле Грозный Иоанн,
В какой-то пафос покаянный…
Но — ничего! Гроза пройдет,
И завтра ж — побожиться смею —
Великий ум изобретет
Золотоносную идею!
Как под дождем цветы растут
Сильней, — прибавил он к евреям, —
Так эти бури придают
Наутро блеск его идеям!..»

Зацепин

Я — вор! Я — рыцарь шайки той
Из всех племен, наречий, наций,

Что исповедует разбой
Под видом честных спекуляций!
Где сплошь да рядом — видит бог! —
Лежат в основе состоянья
Два-три фальшивых завещанья,
Убийство, кража и поджог!
Где позабудь покой и сон,
Добычу зорко карауля,
Где в результате — миллион
Или коническая пуля!

* * *

Как огорошенные градом,
Ушли остзейские тузы,
Жиды вскочили… стали рядом…
«Куда? Сейчас — конец грозы!»
И любопытные евреи
Остались… Воздух душен стал…
Зацепа рвал рубашку с шеи
И истерически рыдал…

Князь Иван

На миллион согреша,

На миллиарды тоскует!
То-то святая душа!
Что же сей сон знаменует?

Бедный Зацепа — поэт,
Горе его — непрактичность;
Нынче раскаянья нет.
Как ни зацапай наличность,

Мы оправданье найдем!
Нынче твердит и бородка:
«Американский прием»,
«Великорусская сметка!»

Грош у новейших господ
Выше стыда и закона;
Нынче тоскует лишь тот,
Кто не украл миллиона.

Бредит Америкой Русь,
К ней тяготея сердечно…
Шуйско-Ивановский гусь —
Американец?.. Конечно!

Что ни попало — тащат,
«Наш идеал, — говорят, —

Заатлантический брат:
Бог его — тоже ведь доллар!..»

Правда! но разница в том:
Бог его — доллар, добытый трудом,
А не украденный доллар!

Зацепин

К религии наклонность я питал,
Мечтал носить железные вериги,
А кончил тем, что утверждал
Заведомо подчищенные книги...

(Рыдает)

Князь Иван

Ты книги подчистил? и только!
Уйми щекотливую честь!
Ах! если б все выпили столько,
Не то услыхали б мы здесь!

Тернисты пути совершенства,
И Русь помешалась на том:
Нельзя ли земного блаженства
Достигнуть обратным путем?

Позорные пятна на чести,

Торжественный, крупный скандал
И тысяч четыреста... двести
В итоге — вот наш идеал!

Тебя угнетает сознанье,
Что шатко общественный крест
Ты нес, получая даянье
С пятнадцати прибыльных мест?

Утешься! Под жертвою крупной
Таится подход к грабежу,
Под маской добра неприступной
Холодный расчет докажу!

Завидуешь доблестям мужа,
Что несколько раз устоял
И, плутни других обнаружа,
Копеечки сам не украл?

Гонитель воров беспощадный,
Блистающий честностью муж
Ждет случая хапнуть громадный,
Приличный амбиции куш!

Дождется — и маску смиренья
Цинически сбросит с лица...

Утешься! Блаженство паденья —
Конечная цель мудреца!..

* * *

Редела дружная семья
Поочередно подходили
К Зацепе верные друзья
И успокоиться просили:
«Не плачь! безгрешен только бог,
Не плачь! Не хуже ты другого!»
Ответ: рыданье, тяжкий вздох
Или язвительное слово!

* * *

Тронут ближнего несчастьем,
Миллионщик-мукомол
К удрученному с участьем
И с советом подошел:
«Чтобы совесть успокоить,
Поговей-ка ты постом,
Да советую устроить
Богадельный дом.

Перед ризницей святою
В ночь лампадки зажигай,
Да получше, без отстою,
Масло наливай»

Подошел и Федор Шкурин.
«Прочь! не подходи!
Вместо сердца грош фальшивый
У тебя в груди!

Ты ребенком драл щетину
Из живых свиней,
А теперь ты жилы тянешь
Из живых людей!»

Шкурин голову повесил,
«Тык-с!» — пробормотал…
Князь Иван один был весел.
«Браво!» — он сказал.

Дружен был старик с Зацепой,
Он к нему подсел —
Укротить порыв свирепый
В свой черед хотел…

Князь Иван

Ты Шиллера, должно быть, начитался
Иль чересчур венгерского хлебнул!
Кто не мечтал… и кто не оказался
Отступником? Кто круто не свернул
С прямых путей — по воле… поневоле?..
Припомни-ка товарищей по школе:

Окончив курс, на лекции студентам
Ученый Швабс с энергией внушал
Любовь к труду, презрение к процентам,
Громя тариф, налоги, капитал.
Сочувственно ему внимали классы…
А ныне он — директор ссудной кассы…

«Судья лишь тот, кто богу сам не грешен,
А мой принцип — прощенье и любовь! —
Говаривал Володя Перелешин. —
Кто низко пал — воспрянуть может вновь,
Не бичевать, жалеть должны мы вора…»
А ныне он — товарищ прокурора…

Граф Твердышов... уж он ли над Россией,

Над мужичком голодным не грустил?

А кончил тем, что с земской гарантией

По пустырям дорогу проложил

И с помощью ненужной той дороги

Отяготил крестьянские налоги...

Защепин

(внезапно вскакивает)

Хлебушка нет,

Валится дом,

Сколько уж лет

Каме поем

Горе свое!

Князь Иван

Эх, ты! Некстати перервал!

Шумит, как угли в самоваре!

А я бы, верно, перебрал

Весь Петербург: я был в ударе!

Зацепин

Горе! Горе! хищник смелый
Ворвался в толпу!
Где же Руси неумелой
Выдержать борьбу?
Ох! горька твоя судьбина,
Русская земля!
У мужицкого алтына,
У дворянского рубля
Плутократ, как караульный,
Станет на часах,
И пойдет грабеж огульный,
И — случится крррах!

* * *

Он осушил стакан воды,
Порывы грусти тише стали;
Не уходившие жиды
Его почти не понимали;
Они подумали, что он
Свершил в России преступленье,
Украв казенный миллион,
И — предложили наставленье.

Еврейская мелодия

Денежки есть — нет беды,
Денежки есть — нет опасности
(Так говорили жиды,
Слог я исправил для ясности).
Вытрите слезы свои,
Преодолейте истерику.
Вы нам продайте паи,
Деньги пошлите в Америку.
Вы рассчитайте людей,
Вы распустите по городу
Слух о болезни своей,
Выкрасьте голову, бороду,
Брови… Оденьтесь тепло.
Вы до Кронштадта на катере,
Вы на корабль… под крыло
К нашей финансовой матери.
Денежки — добрый товар, —
Вы поселяйтесь на жительство,
Где не достанет правительство,
И поживайте как — царрр!..

Зацепин

Прочь! гнушаюсь ваших уз!
Проклинаю процветающий,
Всеберущий, всехватающий,
Всеворующий союз!..

* * *

Ушли, полны негодованья,
Жиды-банкиры… Леонид
С последним словом увещанья
Перед Зацепиным стоит.

Леонид

Явленье — строго говоря —
Не ново с русскими великими умами:
С Ивана Грозного царя
До переписки Гоголя с друзьями,
Самобичующий протест —
Российских граждан достоянье!
Его, как ржа железо, ест
Душевной немощи сознанье;
Забыта истина одна,
Что рыцарская честь в России невозможна…

Мы искалечены безбожно,

И разве наша в том вина?

(Пауза. Оратор всматривается в лицо Зацепы, наблюдая впечатление своей речи. Зацепин закрывает глаза.)

Русской души не понять иноверцу…

Пусть он бичует себя, господа!

Дайте излиться прекрасному сердцу!

Нет в покаяньи стыда.

Что за нелепость — крестьянин не сеченный?

Нечем тут хвастать, а лучше молчать:

Темные пятна души изувеченной

Русскому глупо скрывать,

Неисчислимы орудья клеймящие!

Если кого не коснулись они,

Это — не Руси сыны настоящие,

Это — уроды! Куда ни взгляни,

Всё под гребенку подстрижено,

Сбито с прямого пути,

Неотразимо обижено…

Где же спасенье найти?

Где? «В миллионах!» — так жизнь подсказала,

Гений достигнуть помог...

Горе одно: он убить идеала

В сердце прекрасном не мог...

О, роковая судеб неизбежность!

В практике — строгий делец,

Голубь в душе — благородство и нежность!..

Вот его драма... Уснул наконец...

(Пауза. Оратор снова всматривается в лицо Зацепы, сидящего с закрытыми глазами, и продолжает более развязным тоном.)

Уж лучше бить, чем битым быть,

Уж лучше есть арбузы, чем солому...

Сознал ты эту аксиому?

Так, стало, не о чем тужить!

Знай свой шесток и дань плати культуре!

На Западе Мишле, Эдгар Кине,

Овсянников в родной твоей стране —

Явленья, верные натуре!
И то уж хорошо, что выиграл ты бой...
Толпа идет избитою тропой;
Рабы довольны, если сыты,
Но нам даны иные аппетиты...
О господи! удвой желудок мой!
Утрой гортань, учетвери мой разум!
Дай ножницы такие изобресть,
Чтоб целый мир остричь вплотную разом —
Вот русская незыблемая честь!..

(Зацепин кидается к Леониду с кулаками, его удерживают.)

Князь Иван

Дай венгерского старейшего!
Дружно тост провозгласим:
«За философа новейшего!»
Вы — мальчишки перед ним!
Ничего не будет нового,
Если завтра у него
На спине туза бубнового
Мы увидим... ничего!

Но гораздо вероятнее,
Что его карьера ждет
Деликатнее, опрятнее.
Миллионы наживет!

Савва

(хлопоча между тем около Зацепина, говорит вполголоса)

Опомнись, Гриша! что с тобой?
Себя клеймишь, друзей порочишь,
Нехорошо! Уйди домой
И там беснуйся сколько хочешь.
Или ты выгодным нашел
Пустить молву между врагами,
Что состоянье приобрел
Ты незаконными путями?
Опомнись! У тебя есть сын…
Услышит…

Зацепин

У меня нет сына…

(Бросает Савве телеграмму.)

Савва

(читает)

«Сегодня умер Константин».
Так вот разгадка! вот причина!
Недаром он с утра ходил
Угрюм и зол в хандре глубокой,
Недаром так безумно пил...
Удар, действительно, жестокий!..

* * *

Гриша — образчик широких натур —
Смолоду в крайности резко бросался:
То миллионов желал самодур,
То в монастырь запереться сбирался.
И богомолец, и ротмистр лихой,
И хлебосол — предводитель дворянства,
Стал он со временем туз откупной —
Эксплуататор народного пьянства.
Откуп решили; герой не хотел
Праздно сидеть на своем капитале
И провалился — по новости дел....
Многие так провалились в начале.
Бывший гусар, зарядив пистолет,

Дерзко на бирже сыграл на остатки —
Вывезло счастье!.. Уверовал свет
В гений Зацепы… Постигнув порядки
Новой эпохи, и он не дремал:
Счастливо, нет ли, на бирже играя,
Давние связи Зацепа скреплял,
Ловко услуги свои предлагая:
Деньги «свободные» взять у друзей
И возвратить с дивидендом высоким —
Чудное средство для скрепы связей!
Гриша прослыл финансистом глубоким.
Стали к нему, как ручьи в океан,
Тайные нити успеха стекаться,
Мысль озарила — неси к нему план,
А без Зацепы не смей и соваться….

Слух по столице пронесся один —
Сделано слишком уж дерзкое дело!
Входит к Зацепе единственный сын:
«Правда ли?», «Правда ли?» — юноша смело
Сыплет вопросы — и нет им конца;

Вспыхнула ссора. Зацепа взбесился.
Чтоб не встречать и случайно отца,
Сын непокорный в Москву удалился.
Там он оканчивал курс, голодал,
Письма и деньги отцу возвращая.
Втайне Зацепа о нем тосковал....
Вдруг телеграмма пришла роковая:
«Ранен твой сын». Через сутки письмом
Друг объяснил и причину дуэли:
«Вором отца обозвали при нем»....
Черные мысли отцом овладели,
Утром он к сыну поехать хотел,
Но и другая пришла телеграмма...
Как ни крепился старик — не стерпел.
И разыгралась воочию драма...

* * *

Князь острил, бурлил Зацепа,
Леонид не уходил,
Он посматривал свирепо
Да с азартом водку пил.

Савва — честь ему и слава! —
«Сядем в горку!» — вдруг сказал.
Стол накрыт — пошла забава,
Что ни ставка — капитал!
Рассчитал недурно Савва:
И Зацепин к ним подстал.

(1875)

Из поэмы «Мать»*

1

В насмешливом и дерзком нашем веке
Великое, святое слово: «мать»
Не пробуждает чувства в человеке.
Но я привык обычай презирать.
Я не боюсь насмешливости модной.
Такую музу мне дала судьба:
Она поет по прихоти свободной
Или молчит, как гордая раба,
Я много лет среди трудов и лени
С постыдным малодушьем убегал
Пленительной, многострадальной тени,
Для памяти священной… Час настал!..

Мир любит блеск, гремушки и литавры,
Удел толпы — не узнавать друзей,
Она несет хвалы, венцы и лавры

Лишь тем, чей бич хлестал ее больней;
Венец, толпой немыслящею свитый,
Ожжет чело страдалицы забытой —
Я не ищу ей позднего венца.
Но я хочу, чтоб свет души высокой
Сиял для вас средь полночи глубокой,
Подобно ей несчастные сердца!..

Быть может, я преступно поступаю,
Тревожа сон твой, мать моя? прости!
Но я всю жизнь за женщину страдаю.
К свободе ей заказаны пути;
Позорный плен, весь ужас женской доли,
Ей для борьбы оставил мало сил,
Но ты ей дашь урок железной воли...
Благослови, родная: час пробил!
В груди кипят рыдающие звуки,
Пора, пора им вверить мысль мою!
Твою любовь, твои святые муки,
Твою борьбу — подвижница, пою!..

2

Я отроком покинул отчий дом.
(За славой я в столицу торопился.)
В шестнадцать лет я жил своим трудом
И между тем урывками учился.
Лет двадцати, с усталой головой,
Ни жив, ни мертв (я голодал подолгу),
Но горделив — приехал я домой.
Я посетил деревню, нивы, Волгу —
Всё те же вы — и нивы, и народ...
И та же всё — река моя родная...
Заметил я новинку: пароход!
Но лишь на миг мелькнула жизнь живая.
Кипела ты — зубчатым колесом
Прорытая — дорога водяная,
А берега дремали кротким сном.
Дремало всё: расшивы, коноводки,
Дремал бурлак на дне завозной лодки,
Проснется он — и Волга оживет!

Я дождался тягучих мерных звуков...
Приду ль сюда еще послушать внуков,
Где слышу вас, отцы и сыновья!
Уж не на то ль дана мне жизнь моя?

Охвачен вдруг дремотою и ленью,
В полдневный зной вошел я в старый сад;
В нем семь ключей сверкают и гремят.
Внимая их порывистому пенью,
Вершины лип таинственно шумят.
Я их люблю: под их зеленой сенью,
Тиха, как ночь, и легкая, как тень,
Ты, мать моя, бродила каждый день.

У той плиты, где ты лежишь, родная,
Припомнил я, волнуясь и мечтая,
Что мог еще увидеться с тобой,
И опоздал! И жизни трудовой
Я предан был, и страсти, и невзгодам,
Захлеснут был я невскою волной...
Я рад, что ты не под семейным сводом
Погребена — там душно, солнца нет;
Не будет там лежать и твой поэт...

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

И наконец вошел я в старый дом,
В нем новый пол, и новые порядки;
Но мало я заботился о том.
Я разобрал, хранимые отцом,
Твоих работ, твоих бумаг остатки
И над одним задумался письмом.
Оно с гербом, оно с бордюром узким,
Исписан лист то польским, то французским
Порывистым и страстным языком.

Припоминал я что-то долго, смутно:
Уж не его ль, вздыхая поминутно,
Читала ты в младенчестве моем
Одна, в саду, не зная ни о чем,
Я в нем тогда источник горя видел
Моей родной, — я сжечь его был рад,
И я теперь его возненавидел.

Глухая ночь! Иду поспешно в сад…
Ищу ее, обнять желаю страстно…
Где ты? Прими сыновний мой привет!
Но вторит мне лишь эхо безучастно…
Я зарыдал; увы! ее уж нет!

Луна взошла и сад осеребрила,
Под сводом лип недвижно я стоял,
Которых сень родная так любила.
Я ждал ее — и не напрасно ждал…
Она идет; то медленны, то скоры
Ее шаги, письмо в ее руке…
Она идет… Внимательные взоры
По нем скользят в тревоге и тоске.
«Ты вновь со мной! — невольно восклицаю. —
Ты вновь со мной…» Кружится голова…
Чу, тихий плач, чу, шепот! Я внимаю —
Слова письма — знакомые слова!

3. Письмо

Варшава, 1824 год

Какую ночь я нынче провела!

О, дочь моя! что сделала ты с нами?
Кому, кому судьбу ты отдала?
Какой стране родную предпочла?
Приснилось мне: затравленная псами,
Занесена ты русскими снегами.

Была зима, была глухая ночь,
Пылал костер, зажженный дикарями,
И у костра с закрытыми глазами
Лежала ты, моя родная дочь!

Дремучий лес, чернея полукругом,
Ревел как зверь… ночь долгая была,
Стонала ты, как стонет раб за плугом,
И наконец застыла — умерла!..

О, сколько снов… о, сколько мыслей черных!
Я знаю, бог карает непокорных,
Я верю снам и плачу, как дитя…
Позор! позор! мы басня всей Варшавы.
Ты, чьей руки М.М. искал, как славы,
В кого N.N. влюбился не шутя,

Ты увлеклась армейским офицером,
Ты увлеклась красивым дикарем!
Не спорю, он приличен по манерам,
Природный ум я замечала в нем.
Но нрав его, привычки, воспитанье...
Умеет ли он имя подписать?
Прости! Кипит в груди негодованье —
Я не могу, я не должна молчать!
. . . . . .
Твоей красе (сурова там природа)
Уж никогда вполне не расцвести;
Твоей косы не станет на полгода,
Там свой девиз: «любить и бить»... прости.
. . . . . .
Какая жизнь! Полотна, тальки, куры
С несчастных баб; соседи — дикари,
А жены их безграмотные дуры...
Сегодня пир... псари, псари, псари!
Пой, дочь моя! средь самого разгара
Твоих рулад, не выдержав удара,
Валится раб... Засмейся! всем смеш-

но...

. . . . . .

. . . . . .

В последний раз, как мать тебя целую —

Я поощрять беглянку не должна;

Решай сама, бери судьбу любую:

Вернись в семью, будь родине верна —

Или, отцом навеки проклятая

И навсегда потерянная мной,

Останься там отступницею края

И москаля презренною рабой.

. . . . . .

Очнулся я. Ключи немолчные гремели,

И птички ранние на старых липах пели.

В руке моей письмо... но нет моей родной!

Смятенный, я поник уныло головой.

Природа чутким сном была еще объята;

Луна глядела в пруд; на стебле роковом

Стояли лопухи недвижно над прудом.
Так узники глядят из окон каземата
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Я книги перебрал, которые с собой
Родная привезла когда-то издалека
Заметки на полях случайные читал:
В них жил пытливый ум, вникающий глубоко.
И снова плакал я, и думал над письмом,
И вновь его прочел внимательно сначала,
И кроткая душа, терзаемая в нем,
Впервые предо мной в красе своей предстала…
И неразлучною осталась ты с тех пор,
О мать-страдалица! с своим печальным сыном,
Тебя, твоих следов искал повсюду взор,

Досуг мой предан был прошедшего картинам.

Та бледная рука, ласкавшая меня,
Когда у догоравшего огня
В младенчестве я сиживал с тобою,
Мне в сумерки мерещилась порою,
И голос твой мне слышался впотьмах,
Исполненный мелодии и ласки,
Которым ты мне сказывала сказки
О рыцарях, монахах, королях.

Потом, когда читал я Данта и Шекспира,
Казалось, я встречал знакомые черты:
То образы из их живого мира
В моем уме напечатлела ты.
И стал я понимать, где мысль твоя блуждала,
Где ты душой, страдалица, жила,
Когда кругом насилье ликовало,
И стая псов на псарне завывала,
И вьюга в окна била и мела...
. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Незримой лестницей с недавних юных дней
Я к детству нисходил, ту жизнь припоминая,
Когда еще была ты нянею моей
И ангелом-хранителем, родная.

В ином краю, не менее несчастном
Но менее суровом рождена,
На севере угрюмом и ненастном
В осьмнадцать лет уж ты была одна.
Тот разлюбил, кому судьбу вручила,
С кем в чуждый край доверчиво пошла, —
Уж он не твой, но ты не разлюбила,
Ты разлюбить до гроба не могла…

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Ты на письмо молчаньем отвечала,
Своим путем бесстрашно ты пошла.
. . . . . .
. . . . . .

Гремел рояль, и голос твой печальный
Звучал, как вопль души многострадальной,
Но ты была ровна и весела:
«Несчастна я, терзаемая другом,
Но пред тобой, о женщина раба!
Перед рабом, согнувшимся над плугом,
Моя судьба — завидная судьба!
Несчастна ты, о родина! я знаю:
Весь край в плену, весь трепетом объят,
Но край, где я люблю и умираю,
Несчастнее, несчастнее стократ!»
Хаос! мечусь в беспамятстве, в бреду!

Хаос! едва мерцает ум поэта,
Но юности священного обета
Не совершив, в могилу не сойду!
Поймут иль нет, но будет песня спета.

Я опоздал! я медленно и ровно
Заветный труд не в силах совершить,
Но я дерзну в картине малословной
Твою судьбу, родная, совместить.

И я смогу!.. Поможет мне искусство,
Поможет смерть — я скоро нужен ей!..
Мала слеза — но в ней избыток чувства...
Что океан безбрежный перед ней!..
. . . . . .

Так двадцать лет подвижничества цепи
Влачила ты, пока твой час пробил.
И не вотще среди безводной степи
Струился ключ — он жаждущих поил.
И не вотще любовь твоя сияла:
Как в небесах ни много черных туч,

Но если ночь сдаваться утру стала,
Всё ж наконец проглянет солнца луч!

И вспыхнул день! Он твой: ты победила!
У ног твоих — детей твоих отец,
Семья давно вины твои простила,
Лобзает раб терновый твой венец...
Но... двадцать лет!.. Как сладко, умирая,
Вздохнула ты... как тихо умерла!
О, сколько сил явила ты, родная!
Каким путем к победе ты пришла!..

Душа твоя — она горит алмазом,
Раздробленным на тысячи крупиц
В величьи дел, неуловимых глазом.
Я понял их — я пал пред ними ниц,
Я их пою (даруй мне силы, небо!..).
Обречена на скромную борьбу,
Ты не могла голодному дать хлеба,
Ты не могла свободы дать рабу.

Но лишний раз не сжало чувство страха

Его души — ты то дала рабам, —
Но лишний раз из трепета и праха
Он поднял взор бодрее к небесам…
Быть может, дар беднее капли в море,
Но двадцать лет! Но тысячам сердец,
Чей идеал — убавленное горе,
Границы зла открыты наконец!

Твой властелин — наследственные нравы
То покидал, то бурно проявлял,
Но если он в безумные забавы
В недобрый час детей не посвящал,
Но если он разнузданной свободы
До роковой черты не доводил, —
На страже ты над ним стояла годы,
Покуда мрак в душе его царил…

И если я легко стряхнул с годами,
С души моей тлетворные следы
Поправшей всё разумное ногами,
Гордившейся невежеством среды,
И если я наполнил жизнь борьбою
За идеал добра и красоты,

И носит песнь, слагаемая мною,
Живой любви глубокие черты —
О мать моя, подвигнут я тобою!
Во мне спасла живую душу ты!

И счастлив я! уж ты ушла из мира,
Но будешь жить ты в памяти людской,
Пока в ней жить моя способна лира.
Пройдут года — поклонник верный мой
Ей посвятит досуг уединенный,
Прочтет рассказ и о твоей судьбе;
И, посетив поэта прах забвенный,
Вздохнув о нем, вздохнет и о тебе.

(Начало 1850-х годов — 9 февраля 1877)

Комментарии

В соответствии с жанровым принципом, который положен в основу распределения произведений Некрасова по томам в настоящем собрании сочинений, в четвертом томе помещены поэмы. Исключение составляет крупнейшая поэма Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», для которой отведен отдельный, пятый том.

Для русской литературы середины XIX в. был в высокой степени характерен синкретизм жанров. Строгих жанровых границ, воздвигнутых когда-то поэтикой классицизма, давно уже не существовало. Однако «жанровое сознание» оставалось важным фактором литературного творчества. Это сказалось, в частности, и в поэзии Некрасова.

Правда, само слово «поэма» Некрасов употреблял не совсем так, как его употребляем мы, и притом с разными целями. Например, когда в стихотворении «Форма» («Подражание Шиллеру») он писал: «…Важен в поэме Стиль, отвечающий теме», — очевидно, что под поэмой он разумел всякое стихотворное произведение. Выставив

под заглавием стихотворения «Мое разочарование» подзаголовок «Поэма», он, надо полагать, использовал этот подзаголовок в ироническом, полемическом смысле («Мое разочарование» — пародия на поэму К. Павловой «Кадриль»). Вообще авторские подзаголовки, содержащие жанровые обозначения, не могут служить надежным ориентиром — во-первых, потому, что Некрасов употреблял их (как уже говорилось) не только с целью определения жанра, но и с другими целями; во-вторых, потому, что в литературной науке за прошедшие более чем сто лет значение термина «поэма» уточнено в связи с развитием теории литературы.

И все же в художественном мышлении Некрасова поэмы как-то отделялись от прочих его стихотворений. Недавно было высказано мнение, что отличительной особенностью поэм Некрасова является их более оптимистическое звучание, что связывается с представленным в поэмах эпическим началом (см.: *Норман В. О.* Лирическая система Некрасова. — В кн.: Н. А. Некрасов и русская литература. 1821–1971. М., 1971, с. 123–129). Это утверждение, при известной его дискуссионности, показательно: определение специфики некрасовских поэм является одной из

задач современного некрасоведения.

Решая эту задачу, следует, очевидно, учесть издательскую практику и, в частности, обратить внимание на порядок публикации произведений в прижизненных изданиях Некрасова. Поэт обычно вычленял крупные произведения из общей массы стихотворений. Так, в первом издании «Стихотворений» (1856) он поместил поэму «Саша» в виде особого (третьего) раздела, а крупное стихотворение «Поэт и гражданин» напечатал вне разделов книги в качестве предисловия к ней. Второе издание «Стихотворений» (1861) состояло из двух частей, в первой из которых были собраны мелкие, во второй — крупные произведения (всего во второй части было помещено десять произведений: «Псовая охота», «Прекрасная партия», «Филантроп», «Саша», «Княгиня», «Поэт и Гражданин», «Несчастные», «О погоде», «Крестьянские дети», «Коробейники»). В том или ином виде этот принцип соблюдался и в последующих прижизненных изданиях «Стихотворений», вплоть до последнего, шестого (1873–1874): крупные произведения отделялись от мелких; при этом состав второй части издания оставался неизменным, а в последовательно присоединявшихся к изданию новых частях (третьей, четвертой, пятой и ше-

стой) крупные произведения также выделялись. В книге «Последние песни» (1877) вслед за первым отделом, составленным из мелких произведений («Лирические стихотворения»), шли отделы, специально отведенные для произведений более крупных: отдел второй — «Современники», отдел третий — «Из поэмы „Мать“».

В ряде авторитетных советских изданий Некрасова некоторые поэмы выделены в особый том.

В ПСС первые три тома озаглавлены «Стихотворения». При этом в виде подзаголовков выставлены даты (соответственно в первом, втором и третьем томах): 1838–1856, 1856–1877, 1863–1877. Третий том выпадает из общей хронологии. Причина этого не объяснена ни в заглавиях томов, ни в их подзаголовках, ни в комментариях. Она состоит, очевидно, в том, что стихотворения расположены здесь не только по хронологии, но и по жанрам. В третьем томе помещены только поэмы, и притом лишь четыре из них: «Дедушка», «Русские женщины», «Современники», «Кому на Руси жить хорошо».

Более явственно жанровый принцип распределения стихотворных произведений Некрасова по томам выражен в восьмитомном Собр. соч. 1965–1967. Первые три тома этого издания (содержащие

поэтические произведения) скомпонованы в основном по образцу первых трех томов ПСС, но введены и некоторые новшества. Тома озаглавлены: т. 1 — «Стихотворения и поэмы. 1843–1860», т. 2 — «Стихотворения и поэмы. 1861–1877»; т. 3 — «Поэмы. 1863–1877». В третьем томе помещены те же четыре поэмы, что и в третьем томе ПСС.

Такое размещение поэтических произведений Некрасова по томам стало в новых изданиях в известной мере традиционным. Оно повторено в юбилейных «Собраниях сочинений в трех томах» 1971 и 1978 гг.

В настоящем издании жанровый принцип при распределении поэтических произведений Некрасова по томам проведен более последовательно. Включая в четвертый том все поэмы Некрасова (кроме поэмы «Кому на Руси жить хорошо»), редколлегия ничуть не претендовала на окончательное решение многочисленных дискуссионных вопросов, возникающих при определении жанра поэтических произведений Некрасова. Произведения, занимающие как бы «пограничное», «промежуточное» положение между поэмами и прочими стихотворениями поэта, в четвертый том не вошли; они помещены в первых трех томах издания. В настоящем

же томе представлены лишь те произведения, которые, по оценке подавляющего большинства исследователей, по восприятию подавляющего большинства читателей, являются поэмами.

В настоящем томе отсутствует имеющийся во всех предыдущих томах список произведений, включавшихся в собрания сочинений Некрасова ошибочно или без достаточной аргументации. История единственного произведения, претендующего на включение в такой список («Светочи»), подробно изложена в комментарии к поэме «Дедушка» (см. ниже, с. 566–568).

В конце тома помещены алфавитный указатель стихотворных произведений Некрасова, вошедших в тома 1–4 настоящего издания, и алфавитный указатель стихотворений, включавшихся в собрания сочинений Некрасова ошибочно или без достаточной аргументации (по томам 1–3 настоящего издания).

Тексты и варианты подготовили и комментарии к ним написали: О. Б. Алексеева («Коробейники», «Мороз, Красный нос»), И. А. Битюгова, при участии Б. В. Мельгунова («Русские женщины»), А. М. Гаркави («Саша»), А. Л. Гришунин («Белинский»), Ю. В. Лебедев («Несчастные»), Б. В. Мельгунов(«Дедушка», «Из поэмы „Мать“»), Н.

Н. Скатов («Тишина»), М. В. Теплинский («Современники»).

Условные сокращения, принятые в настоящем томе

См. дополняющие этот перечень списки сокращений: наст. пзд., т. I, с. 462–464, 709–711.

БВ — «Биржевые ведомости».

БдЧ — «Библиотека для чтения».

Белинский — *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч., т. I–XII. М., 1953–1959.

В — «Время».

ВЕ — «Вестник Европы».

Витте — *Витте С. Ю.* Воспоминания, т. 1. М., 1960.

ВЛ — «Вопросы литературы».

Г — «Голос».

ГБЛ — Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (Москва).

Герцен — *Герцен А. И.* Собр. соч. в 30-ти т. М., 1954–1966.

ГМ — «Голос минувшего».

ГПБ — Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

Гр — «Гражданин».

Дельвиг — Дельвиг *А. И.* Полвека русской жизни, т. 2. М, — Л., 1930.

Добролюбов — *Добролюбов Н. А.* Собр. соч. в 9-ти т. М.-Л., 1961–1964.

Докл. РБО — Доклады и отчеты Русского библиологического общества, вып. 1. Нов. сер. СПб., 1908.

Записки Волконской — Записки княгини М. Н. Волконской, с предисл. и прилож. издателя князя М. С. Волконского. СПб., 1904.

ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (Ленинград).

ИРЛИб — Библиотека Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (Ленинград).

ЛГ — «Литературная газета».

ЛН — «Литературное наследство».

НВ — «Новое время».

Незнакомец — *Незнакомец* <*Суворин А. О* Очерки и картинки, кн. 2. СПб., 1875.

Некр. и его вр. — Некрасов и его время. Межвузовский сборник, вып. 1. Калининград, 1975.

Некр. сб. — Некрасовский сборник. I–III. М. — Л., 1951, 1956, 1960; IV, V, VI, VII. Л., 1967, 1973, 1978, 1980.

ОЗ — «Отечественные записки».

О Некр. — О Некрасове, вып. I–IV. Ярославль, 1958, 1968, 1971, 1975.

ПП — Последние песни. Стихотворения Н. Некрасова. СПб., 1877.

ПСС — *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем, т. I–XII. М., 1948–1953.

ПССт 1886 — *Некрасов П. А.* Полн. собр. стихотворений, т. I–II. СПб., 1886.

ПССт 1927 — *Некрасов Н. А.* Полн. собр. стихотворений. М.-Л., 1927.

ПССт 1928 — *Некрасов Н. А.* Полн. собр. стихотворений. М.-Л., 1928.

ПССт 1931 — *Некрасов Н. А.* Полн. собр. стихотворений. М.-Л., 1931.

ПССт 1934–1937 — *Некрасов Н. А.* Полн. собр. стихотворений, т. I. М.-Л., 1934; т. II (кн. 1 и 2). М.-Л., 1937.

ПССт 1967 — *Некрасов Н. А.* Полн. собр. стихотворений в 3-х т. Л., 1967 («Библиотека поэта». Большая сер. Изд. 2-е).

РА — «Русский архив». Р. б-ка — Н. А. Некрасов. СПб., 1877 (сер. «Русская библиотека», VII).

РВ — «Русский вестник».

РИ — «Русский инвалид».

РЛ — «Русская литература».

РМ — «Русский мир».

РС — «Русская старина».

РСл — «Русское слово».

С — «Современник».

Салтыков-Щедрин — *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч. в 20-ти т. М., 1965–1977.

Св — «Светоч».

СО — «Сын отечества».

Собр. соч. 1965–1967 — *Некрасов Н. А.* Собр. соч. в 8-ми т. М., 1965–1967.

СПбВ — «С.-Петербургские ведомости».

Ст 1856 — Стихотворения Н. Некрасова. М., 1856.

Ст 1859 — Стихотворения Н. Некрасова. Лейпциг, 1859.

Ст 1861 — Стихотворения Н. Некрасова, ч. 1–2. Изд. 1-е. СПб., 1861.

Ст 1862 — Стихотворения Н. Некрасова. Изд. пополненное. Берлин, 1862.

Ст 1863 — Стихотворения Н. Некрасова, ч. 1–2. Изд. 3-е. СПб., 1863.

Ст 1864 — Стихотворения Н. Некрасова, ч. 1–2. Изд. 4-е; ч. 3. Изд. 1-е. СПб., 1864.

Ст 1864, ч. 3 — Стихотворения Н. Некрасова, ч. 3. Изд. 1-е, 2-е. СПб., 1864.

Ст 1869 — Стихотворения Н. Некрасова, ч. 1, 2. Изд. 5-е; ч. 3. Изд. 2-е; ч. 4. [Изд. 1-е]. СПб., 1869.

Ст 1873, ч. 5 — Стихотворения Н, Некрасова, ч. 5. Изд. 5-е. СПб., 1873.

Ст 1873, т. I–III, ч. 1–5 — Стихотворения Н. Некрасова, т. I, ч. 1–2; т. II, ч. 3–4; т. III, ч. 5. Изд. 6-е. СПб., 1873.

Ст 1874 — Стихотворения Н. Некрасова, т. III, ч. 6. СПб., 1874.

Ст 1879 — Стихотворения Н. А. Некрасова, т. I–IV. Посмертное изд. СПб., 1879.

Ст 1920 — Стихотворения Н. А. Некрасова. Изд. испр. и доп. Пгр., 1920.

Тургенев, Письма — *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем в 28-ми т. Письма в 13-ти т. М.-Л., 1961–1968.

Тургенев, Соч. — *Тургенев П. С.* Полн. собр. соч. и писем в 28-ми т. Соч. в 15-ти т. М.-Л., 1961–1968.

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (Москва).

ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (Москва).

ЦГИА СССР — Центральный государственный исторический архив СССР (Ленинград).

Чернышевский — *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч., т. I–XVI. М., 1939–1953.

В.Г. Белинский[*]

Печатается по авторизованной копии ГБЛ.

Впервые опубликовано: за границей — Полярная звезда на 1859 год, кн. V, с. 48–52, без подписи и указания автора, под рубрикой «Стихотворения разных авторов» (перепечатано в нескольких зарубежных сборниках: Русская потаенная литература XIX столетия. Отд. 1. Стихотворения. Ч. 1. С предисл. Н. Огарева. Лондон, 1861, с. 388–394; Лютня II. Потаенная литература XIX столетия. Изд. Э. Л. Каспровича. Лейпциг, 1874, с. 30–35 (изд. 2-е, б. г., с. 30–35; изд. 3-е, б. г., с. 25–30) и др.)[1]; в России — ОЗ, 1878, N 5, отд. I, с. 107 (ст. 80–83, 92–95; приведены А. М. Скабичевским в биографическом очерке «Н. А. Некрасов», перепечатанном затем в первом томе Ст 1879, как «начало» «одного малоизвестного стихотворения Н. А. Некрасова»);

---

[1] Примечания: 1

В парижских сборниках В. П. Сидорацкого, где произведения сильно переделывались, отрывок из поэмы «В. Г. Белинский» печатался под заглавием «Застрелившийся среди русских эмигрантов»:

В его душе всю жизнь кипел
Родник богатых сил природных.
Источник мыслей благородных
И честных, бескорыстных дел.
Умно он истине служил,
Он духом был смелей нас, чище,
Зато средь нас и проложил
Себе дорогу… — На кладбище.

(см. об этом: *Гаркави А. М.* Произведения Н. А. Некрасова в вольной русской поэзии XIX в. — Учен. зап. Калинингр. гос. пед. ин-та, 1957, вып. 3, с. 241, 248–249).

Древняя и новая Россия, 1881, N 2, отд. «Мелочи», с. 412–416 (без ст. 18, под рубрикой «Из рукописной литературы 50-х годов» (публикатор П. О. Морозов) и с редакционным примечанием: «Печатая это стихотворение, мы должны заметить, что в некоторых рукописных сборниках оно приписывается Н. А. Некрасову. Судя по стиху выражениям, в этом позволительно сомневаться. Сомнение становится еще более основательным ввиду того, что в последнем издании стихотворений покойного Н. А. об этой пьесе не сказано ни слова. Обращаемся к нашим библиографам с покорнейшею просьбою разъяснить вопрос о том, кого следует считать автором этого стихотворения. *Ред.»).*

Столь поздняя публикация поэмы в легальной русской печати объясняется не только ее социально-критической направленностью, но также и тем, что имя Белинского после смерти Николая I (в феврале 1855 г.) не сразу сделалось употребительным, так что Н. Г. Чернышевский, в том же 1855 г. печатавший в некрасовском «Современнике» свои «Очерки гоголевского периода русской литературы», не мог назвать его имя и обходился различными иносказаниями («критика 40-х годов» и др.).

Тем не менее еще при жизни поэта библиограф П. А. Ефремов писал в «Отечественных записках» (1863, N 9, отд. II, с. 3) о стихотворении «Белинский», «года два или три тому назад напечатанном в одном из альманахов без подписи автора, но приписываемом всеми г. Некрасову», сожалея, что поэма эта не вошла ни в одно из изданных к тому времени собраний стихотворений Некрасова.

После смерти Некрасова сестра поэта А. А. Буткевич показала поэму М. Е. Салтыкову-Щедрину и Г. З. Елисееву, которые, однако, не нашли возможным опубликовать ее в «Отечественных записках». Не вошла поэма и в Ст 1879, хотя А. А. Буткевич намеревалась выслать ее готовившему издание библиографу С. И. Пономареву (см.: ЛН, т. 53–54, с. 181). Известно также, что у Пономарева был список с герценовской публикации, в настоящее время хранящийся в ИР ЛИ (Р. II, оп. 1, N 281).

После 1881 г. поэма продолжала распространяться в рукописях и время от времени появлялась в печати как «неопубликованная». Так, в анонимной статье «Десятилетие кончины Н. А. Некрасова» (Казанский вестник, 1887, 30 дек., N 338) упомянуто как якобы еще неизвестное

публике произведение Некрасова «На смерть Белинского» (т. е. поэма «В. Г. Белинский»). В газете «Одесский листок» (1908, 8 марта, N 57) отрывки из поэмы опубликованы под заглавием «Памяти Белинского. Ненапечатанное стихотворение Некрасова». Н. Ф. Юшков, подготовивший эту публикацию, писал в примечании: «Это стихотворение мне было дано моим старшим братом — В. Ф. Юшковым, бывшим учителем русской словесности в Саратове, а потом в Тифлисе и Шуе, ныне скончавшимся». Он сообщал также, что «несколько лет назад» пытался опубликовать поэму в «Русской старине», но страницы с текстом ее были вырезаны из журнала, очевидно, цензурой. В ИРЛИ (ф. 265, оп. 2, N 1764) хранится список поэмы под заглавием «На смерть Белинского» при письме Н. Ф. Юшкова от 9 мая 1888 г. в редакцию «Русской старины» с просьбой напечатать ее в журнале и ответ секретаря редакции от 17 мая того же года.

В 1899 г., когда отмечалось пятидесятилетие со дня смерти В. Г. Белинского, поэма была напечатана несколькими газетами: БВ, 1899, 1 авг., N 208 (публикация Д. П. Сильчевского по списку П. А. Ефремова); Сев. край, 1899, 23 авг., N 250.

За подписью «Библиолог» ей посвятил статью

«Приписываемое Некрасову стихотворение» (с публикацией всего текста поэмы) А. М. Ловягин (Лит. вестник, т. V, кн. 1. СПб., 1903, с. 24–3 см. также с. 120–121). Авторство Некрасова Ловягин признавал допустимым, хотя, по его мнению, «за полную достоверность происхождения все-таки нельзя поручиться» (с. 24). Самому Ловягину поэма стала известна из двух рукописных копий, «из которых одна принадлежит П. А. Ефремову». Ловягин обратил внимание на «довольно загадочные», как ему представлялось, начальные строки поэмы об умирающем через семь лет после смерти Белинского от такого же недуга поэте и в связи с этим припомнил, что «как раз в половине 50-х годов Некрасов сильно заболел и думали уже о его смерти от горловой чахотки».

В 1911 г. поэма была напечатана в книге С. Ашевского (псевдоним М. Н. Столярова) «Белинский в оценке его современников» (СПб., 1911, с. 321–325); текст сопровожден примечаниями Ашевского, приводятся варианты.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1920, где поэма печаталась по копии ГБЛ (ст. 127–128 по черновому автографу ГБЛ).

Черновые наброски, отражающие, по-видимому, первоначальную стадию работы над

произведением, — ГБЛ (Зап. тетр. № 3, л. 12, 43, 61,[2] 61 об., 72 об., 73 об., 76 об. и 95 об.). На л. 76 об-73 об. этой же тетради — черновая запись поэмы карандашом и чернилами с датой перед началом: «4 апр. <1855>», соседствующая с набросками к поэме «Саша» и стихотворению «Памяти <Асенков>ой».

Беловой автограф ЦГАЛИ, писанный чернилами, с небольшой правкой карандашом и чернилами (Зап. тетр. ЦГАЛИ, л. 1–4), содержит особую редакцию поэмы, без заглавия, сильно сокращенную, соединяющую поэму «В. Г. Белинский» с текстом стихотворения «Русскому писателю», который включался сюда как прямая речь, как развернутая реплика критика и его поэтическое завещание. Вероятно, эта запись отражает неосуществившееся намерение Некрасова опубликовать сокращенный и несколько смягченный вариант поэмы без упоминания имени Белинского.

В рукописи ГБЛ (Солд. тетр., л. 132–139 об.) поэма записана под заглавием: «Б-ий» и начинает собой отдел стихотворений, неудобных для печати. Текст написан рукой А. Я. Панаевой и имеет соб-

[2] Примечания: 2

Набросок на этом листе совпадает с вариантом опосле ст. 106 чернового автографа ГБЛ (см.: Другие редакции и варианты, с. 266).

ственноручные поправки и вставки Некрасова. Перед заглавием карандашная помета рукой Некрасова: «Не для печати».

В ГБЛ (М.10785) хранится экземпляр стихотворений Некрасова издания 1856 г. с рукописными вставками; среди них полный список поэмы «В. Г. Белинский».

В Экз. Лихачева между с. 128 и 129 вклеен список поэмы под заглавием: «Белинский (ненапечатанное стихотворение)» с неверной датой: «1851».

Список ГБЛ (Тетр. Панаевой, л. 68–73) от марта 1860 г. о «Полярной звезды на 1859 год» (на что сделано под текстом прямое указание) имеет поправки рукой Некрасова и его же помету сверху: «Не переписывай».

Еще до опубликования в «Полярной звезде» поэма «В. Г. Белинский» ходила в списках (см., например, часть третью «Сборника прозаических и поэтических произведений различных авторов, составленного Михайловановым» (т. е. М. И. Семевским) в 1857 г., — ИРЛИ, ф. 274, оп. 1, № 438, л. 37–40 об.). Вероятно, по одному иа таких списков с поэмой познакомился А. М. Скабичевский, будучи студентом С.-Петербургского университета (см.: *Скабичевский А. М.* Литературные воспоминания. М.-Л., 1928, с. 93). Немало списков появилось после

непечатания поэмы в «Полярной звезде». Вполне понятно поэтому, что первая полная публикация ее в России (1881) была осуществлена под рубрикой «Из рукописной литературы 50-х годов», а в примечании говорилось о наличии ее в «рукописных сборниках».

В апреле и мае 1855 г. Некрасов жил в Ярославле и работай над поэмой «Саша», черновики которой, как уже отмечалось, в Зап. тетр. № 3 перемежаются с черновиками поэмы «В. Г. Белинский». Поэма «В. Г. Белинский», первоначальная сводная запись которой относится, по-видимому, к 4 апреля 1855 г. (см. выше), была завершена ранее «Саши», — до 7 июня 1855 г. (день, когда Некрасов передал Солд. тетр. К. Т. Солдатенкову).

Несомненна генетическая связь поэмы со стихотворением «Русскому писателю» и через него — со стихотворением «Поэт и гражданин.». В Зап. тетр. № 3 под набросками поэмы «В. Г. Белинский» записаны четыре стиха, вошедшие потом в поэму «Несчастные» («Пусть речь его была сурова…» и т. д. — см.: Другие редакции и варианты, с. 264).

Авторство Н. А. Некрасова относительно поэмы «В. Г. Белинский» в наше время совершенно бесспорно удостоверяется не только подлинными рукописями, но и собственным признанием

поэта в автобиографических записках (1877): «23 августа. Сегодня ночью вспомнил, что у меня есть поэма „В. Г. Белинский“. Написана в 1854 и 5 году — нецензурна была тогда и попала по милости одного приятеля в какое-то герценовское заграничное издание: „Колокол“, „Голоса из России“ или подобный сборник. Теперь из нее многое могло бы пройти в России в новом издании моих сочинений. Она характерна и нравилась очень, особенно, помню, Грановскому. Вспомнил из нее несколько стихов, по которым ее можно будет отыскать:»

В то время пусто и мертво
В литературе нашей было:
Скончался Пушкин — без него
Любовь к ней в публике ост<ыла
<…>
Ничья могучая рука
Ее не направляла к цели;
Лишь два задорных поляка[3]
На первом плане в ней шумели.
<…>

---

[3] Примечания: 3
Сенковс<кий> и Булг<арин>. *(Примечание Некрасова.)*

По счастью, в нем[4]*сидели люди*
Честней, чем был один из них,
Фанатик ярый Бутурлин,
Который, не жалея груди,
Беснуясь, повторял одно:
«Закройте университеты,
И будет зло пресечено».
О муж великий! Не воспеты
Еще никем твои дела,
Но твердо помнит их молва!
Пусть червь тебя могильный гложет,
Но сей совет тебе поможет
В потомство перейти верней,
Чем том истории твоей

(ПСС, т. XII, с. 27–28)

Удовлетворительного объяснения тому, как поэма «В. Г. Белинский» достигла Лондона и попала в герценовское издание, пока никем не дано. Скорее всего, в Лондоне оказался один из ходивших по рукам списков, который могли доставить Герцену приятели Некрасова — П. В.

---

[4] Примечания: 4

Комитет для разбора лит<ературных> злоупотреблений. *(Примечание Некрасова.)*

Анненков и И. С. Тургенев (см.: *Эйдельман Н.* Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966, с. 110) или ездивший в Лондон в июне 1857 г. другой приятель поэта — Л. Ф. Лихачев (см.: *Гришунин А. Л.* Поэма Некрасова «В. Г. Белинский» (к истории текста). — В кн.: Н. А. Некрасов и русская литература. 1821–1971. М., 1971, с. 472–474).

К. И. Чуковский считал, что поэма «В. Г. Белинский» уже в 1855 г. была отдана Некрасовым в печать и набрана, но не пропущена цензурой. Основанием для такой догадки послужило письмо Некрасова из Петербурга от 17 сентября 1855 г. к И. С. Тургеневу, жившему в то время у себя в Спасском: «Посылаю тебе мои стихи — хотя они и набраны, но вряд ли будут напечатаны. Как-то вспомнил старину — просидел всю ночь и страшно потом жалел, — здоровья-то больше ухлопал, чем толку вышло. Тут есть дурные стихи — когда-нибудь поправлю их, а мне все-таки любопытно знать твое мнение об этой вещи. Прочитав, перешли лоскуток братьям Карповым». Несмотря на очевидную нецензурность поэмы «В. Г. Белинский» для того времени (поэма не только не могла быть представлена в цензуру, но даже доверена обычной почте), К. И. Чуковский предположил, что речь в письме идет именно

о ней и что «братья Карповы» — конспиративно-условное наименование Герцена и Огарева (ПССт 1927, с. 453; ПССт 1931, с. 515; ПСС, т. X, с. 251). Однако еще в 1930 г. в печати указывалось, что это помещики, соседи Тургенева по деревне (см.: Тургенев и круг «Современника». М.-Л., 1930, с. 349). Подробное толкование письма Некрасова и критику догадки К. И. Чуковского см. в работе: *Гаркави А. М.* Произведения Н. А. Некрасова в вольной русской поэзии XIX в., с. 207–249.

Он только пить любил, да палкой К ученью сына поощрял. — Ср. свидетельство самого Белинского: «Отец меня терпеть не мог, ругал, унижал, придирался, бил нещадно и площадно — вечная ему память!» (Белинский, т. XI, с. 512).

С кончиной лекаря, на свете Остался он убог и мал-- Историческая неточность: Белинскому после смерти отца было 25 лет.

Но выгнан был, не доказав Каких-то о рожденье прав... — Белинский был отчислен из университета в 1832 г. за политическую неблагонамеренность, проявившуюся в драме «Дмитрий Калинин», но официальным предлогом отчисления выдвинули «слабое здоровье» и «ограниченность способностей». Доказывать «права о рождении» Белинскому пришлось позднее, в 1843

или 1844 г., в связи с женитьбой (Белинский, т. XII, с. 193, 244).

Один ученый человек Колол его неоднократно Таким прозванием печатно… — Историк М. П. Погодин в анонимной статье писал: «Белинский не имеет никакого образования. Это гений-самоучка, которые у нас растут как грибы ежегодно между студентами, не оканчивающими курса. Ни на каком языке он читать не может. Во всех его писаниях нет ни малейших следов какого-нибудь знакомства ни с одним писателем иностранным» (Москвитянин, 1846, № 5, с. 164–175). Речь в данном случае может идти и о С. П. Шевыреве, которому статья Погодина «весьма понравилась» (*Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. VIII. СПб., 1894, с. 499).

Пришла охота прожектеру, Который барышей желал, Обширный основать журнал… — Имеется в виду А. А. Краев-ский и «Отечественные записки», издаваемые им с 1839 г.

Лишь два задорных поляка… — Ф. В. Булгарин и О. И. Сенковский.

Уж новый гений… — Н. В. Гоголь.

Кружок еще несмелый, тесный… — находившаяся под влиянием Гоголя «натуральная школа» в литературе, теоретиком которой стал В. Г. Бе-

линский.

Но поднялась тогда тревога В Париже буйном… — Февральская революция 1848 г. во Франции и провозглашение республики.

…и у нас По-своему отозвалась… — Подразумевается начавшаяся в России реакция — «мрачное семилетие» 1848–1855 гг.

Созвали целый комитет. — Речь идет об учрежденном 2 апреля 1848 г. негласном комитете для надзора за действиями цензуры и направлением русской литературы.

Фанатик ярый Бутурлин… — Д. П. Бутурлин (1790–1849), военный историк, был назначен председателем упомянутого секретного комитета, известного под наименованием «Бутурлинского».

В Зап. тетр. № 3 вместо «Фанатик ярый» читаются вписанные карандашом слова «Палач науки». К. И. Чуковский настаивал на включении в окончательный текст именно такого чтения, которое представлялось ему «злее и ярче» *(Чуковский К.* Люди и книги. М., 1960, с. 400–403). Однако все прочие источники, в том числе и приведенная выше дневниковая запись 1877 г., фиксируют чтение «Фанатик ярый», также достаточно сильное. Поэма не предназначалась для подцензурной

печати, поэтому в автоцензурной замене здесь смысла не было.

Закройте университеты... — В числе мер, предлагавшихся в 1848–1849 гг. для пресечения проникновения революционных идей в Россию, намечалось ограничение социального состава студенчества выходцами из дворян, а в отдельных требованиях — полное закрытие университетов.

...том истории твоей... — Имеется в виду «Военная история походов россиян в XVIII столетии, сочиненная Д. П. Бутурлиным на французском языке и переведенная на русский А. Хатовым и А. Корниловичем» (ч. 1–4. СПб., 1819–1823).

Саша[*]

Печатается но Ст 1873, т. I, ч. 2, с. 47–77, с восстановлением ст. 449–452 по корректуре ИРЛИ и уточнением ст. 452 по вставке в Экз. Ефремова 1861, совпадающей с копией М. Л. Михайлова (разыскать эту копию, по которой К. И. Чуковский печатал ст. 452 в изданиях Некрасова, начиная со Ст 1920, не удалось; см. ссылку на нее: ПССт 1934–1937, т. I, с 696–697).

Впервые опубликовано: С, 1856, № 1 (ценз. разр. — 31 дек. 1855 г. и 5 янв. 1856 г.), с. 123–140, с посвящением: «И-у Т-ву» (т. е. Ивану Тургеневу) и подписью: «Н. Некрасов» (перепечатано: Ст 1856;

ст. 177–232: Для легкого чтения, т. II. Под ред. Н. А. Некрасова. СПб., 1856, под заглавием: «Срубленный лес (отрывок)» и с подписью: «Н. Некрасов»).

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1856, с посвящением: «И….ву Т….ву» (перепечатано: 2-я часть всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений», без посвящения).

Автографы, без заглавий и деления на главы, — ГБЛ (Зап. тетр. № 3) и ЦГАЛИ (Зап. тетр. ЦГАЛИ).

Более ранними являются автографы в Зап. тетр. № 3: план (прозаический набросок карандашом, л. 39 об.) и ряд стихотворных текстов. В плане намечено содержание главы 2 (значительно отличающееся от реализованного в поэме), глав 3 и 4. Оно развито в стихотворных текстах, из которых следует выделить две первоначальные (черновые) редакции поэмы. А. Я. Максимович квалифицировал их как «схематическую запись III главы» и «первую авторскую сводку III главы» (см.: ПСС, т. I, с. 464–472), однако в них представлены также эпизод из будущей главы 2 (см.: Другие редакции и варианты, с. 276–277, стихи «А как бывало с горы ледяной…» и след.) и — отчасти — глава 4.

Первая черновая редакция записана карандашом, наспех, с многочисленными пропусками,

недописанными словами и недоработанными стихами, от конца тетради к началу (л. 37 об. — 33 об.).

Вторая черновая редакция состоит из двух фрагментов. Первый, более крупный фрагмент — сводка глав 2 и 3 (л. 62–69). Вначале поэт записал чернилами стихи, относящиеся к началу главы 3, от слов «В нашем соседстве усадьба большая…» до слов «Это — она…» (л. 62 и об.), оставив недописанные строчки и места для вставок; затем подправил текст карандашом и, закончив строку «Это — она» словами «[говорила] называла — стихи…», карандашом же написал продолжение (л. 62 об. — 64 об.); переписав этот карандашный отрывок чернилами, вновь выправил его карандашом (л. 65–67 об.); конец первого фрагмента (л. 67 об.-69) также писан карандашом. Последние шесть двустиший первого фрагмента («А как уехал…» и т. д., л. 68 об. — 69) отчасти варьируются в начале второго фрагмента, представляющего собой сводку конца главы 3 и главы 4. Таким образом, второй фрагмент является непосредственным продолжением первого. Записан второй фрагмент карандашом, начерно (л. 12 об. — 13 об.).

Кроме этих двух черновых редакций поэмы, в

Зап. тетр. № 3 содержатся отдельные стихотворные (преимущественно карандашные) наброски. Они по большей части отражают промежуточную стадию работы между обеими редакциями, однако вполне вероятно, что некоторые наброски были сделаны еще до работы над первой редакцией, а иные — после работы над второй редакцией. Поскольку хронология написания отдельных набросков не поддается точному определению, они приведены в разделе «Другие редакции и варианты» (с. 286–292) в последовательности стихов, к которым относятся. Не воспроизводятся мелкие наброски, совпадающие с окончательным текстом (ст. 164 — см. л. 26; ст. 405–408 — см. л. 37 об.; ст. 465–468 — см. л. 19).

Следующий этап работы над поэмой представлен в Зап. тетр. ЦГАЛИ. Здесь содержится третья черновая редакция поэмы в составе глав 2, 3, 4,[5]писанная первоначально чернилами, с последующей правкой и вставками чернилами и карандашом (л. 10–16 об.). В некоторых стихах этой редакции героиня поэмы получает имя Саша (в первых двух редакциях она везде названа Улей). Под последним стихом поэмы («Пышным

[5] Примечания: 5

Вычленение из этого автографа «второй авторской сводки III главы» (см.: ПСС, т. I, с. 472–476) не представляется оправданным.

плодом отродится оно!..») — дата: «1 мая <1855 г.>» (год определяется по положению автографа в Зап. тетр. ЦГАЛИ). Это не дата завершения работы над поэмой: она выставлена под текстом, еще далеким от окончательного. Пометив эту дату, Некрасов записывает часть главы 3 (л. 17 и об.), без правки, со знаком, указывающим место вставки на л. 14 об. Затем он пишет (чернилами, почти без правки) новый беловой вариант начала главы 4 (л. 19 и об.).

Наиболее ранний дошедший до нас полный текст поэмы — в корректуре, назначавшейся для «Современника» (ИРЛИ, 21120). Авторская правка в этой корректуре имеет как стилистический, так и цензурный характер. На последнем листе — помета Некрасова, обращенная к наборщикам: «NB. Последние *восемь* стихов править по корректуре г. Бекетова: „Эх!“ и прочее». Помета показывает, что цензурная правка была сделана в связи с замечаниями цензора В. Н. Бекетова; однако в последних восьми стихах вариантов нет. Посвящение «И-у Т-ву» вписано чернилами. Под текстом корректуры печатная подпись: «Н. Некрасов».

Сохранилась также корректура «Саши», назначавшаяся для Ст 1856 (Кор. Кетчера), — ГИМ.

Поскольку поэма была опубликована в искаженном цензурою виде, получили распространение списки и печатные экземпляры с различными поправками и вставками. Некоторые из этих экземпляров имеют авторскую правку (Кор. Кетчера и Экз. авт. ГБЛ — см.: Другие редакции и варианты, с. 305 и 309). В Экз. авт. ГБЛ и в ряде других представлены разночтения текста, степень авторитетности которых неясна. Назовем следующие источники: Дневник Афанасьева,[6] Список Модзалевского, Экз. Васильковского, Экз. Гербеля, Экз. Зеленого, Экз. ИРЛИ б, Экз. Лазаревского, Экз. Музея Н, Экз. Чуковского. Разночтения «Саши» по Дневнику Афанасьева опубликованы С. Г. Лазутиным (см.: *Лазутин С. Г.* К истории создания романа «Тонкий человек» и поэмы «Саша» Н. А. Некрасова. — В кн.: Вопросы литературы и фольклора. Воронеж, 1972, с. 19–20); разночтения по Экз. Зеленого (местонахождение которого нам установить не удалось) печатаются по копии С. А. Рейсера (Ленинград).

В конце 1850-х гг., в период цензурных репрессий, обрушившихся на Ст 1856, поэму переписывали в составе этого издания и отдельно. Список,

[6] Примечания: 6
Дневник А. Н. Афанасьева хранится в ЦГАОР (ф. 279, оп. 1, № 1060).

принадлежавший Д. И. Менделееву, имел пометку: «Январск<ая> книжка „Соврем<енника>“ 1856» (Музей Д. И. Менделеева при ЛГУ, шифр: П. А. 11.1.6).

Поэма числится в автографе Некрасова — списке, относящемся к весне или лету 1856 г. (в нем названо стихотворение «Княгиня», созданное в марте 1856 г.): «Внимая войне. Давно, отвергнутый тобою>. Княг<иня>. Саша. Вино. Мои детские <годы>. Прекр<асная партия>. Демон» (Зап. тетр. № 2, л. 43 об.). Это не перечень стихотворений 1855 г., как полагал К. И. Чуковский (см.! ПСС, т. I, с. 570), а список стихотворений разных лет, намечавшихся Некрасовым к включению в Ст 1856.

Под текстом поэмы Некрасов в своих изданиях (начиная со Ст 1861) выставлял дату: «1852–1855». — Однако дошедшие до нас материалы позволяют сомневаться в том, что работа над поэмой была начата в 1832 г. (возможно, что это дата возникновения замысла). 30 июня — 1 июля 1855 г. Некрасов писал И. С. Тургеневу: «Помнишь, на охоте как-то *прошептал* я тебе начало рассказа в стихах — оно тебе понравилось; весной нынче в Ярославле я этот рассказ написал, и так как это сделано единственно по твоему желанию, то и посвятить его желаю те-

бе…». Вместе с Тургеневым Некрасов охотился в двадцатых числах июля 1854 г. в имении А. В. Дружинина Чертово (см. об этом в дневнике Дружинина, хранящемся в ЦГАЛИ, ф. 167, оп. 3, № 108, л. 151), а в двадцатых числах сентября и в самом начале (до 4-го) октября в Спасском (см.: Тургенев, Письма, т. И, с. 226–227, 533). К тому времени была написана лишь небольшая часть поэмы — «начало рассказа в стихах». Возможно, это были стихи о приезде Агарина в поместье, которые Некрасов многократно переделывал (см.: Другие редакции и варианты, с. 270, 274, 293). Слова же Некрасова «весной нынче в Ярославле я этот рассказ написал» несомненно относятся к трем черновым редакциям, содержащимся в Зап. тетр. № 3 и Зап. тетр. ЦГАЛИ (см. выше). В Солд. тетр. поэма не вошла; поскольку Солд. тетр., куда были включены все лучшие стихотворения поэта, была передана Некрасовым К. Т. Солдатенкову для издания 7 июня 1855 г., очевидно, что к тому времени работа над «Сашей» еще не была завершена. Извещение о предстоящей публикации поэмы в «Современнике» появилось на обложке № 11 и 12 журнала за 1855 г. 26 декабря 1855 г. Некрасов читал «Сашу» А. Н. Майкову, который в своем дневнике упоминает две части

поэмы: первую, соответствующую главе 2 окончательного текста, и вторую, соответствующую главам 3 и 4 (см.: *Мельгунов В. В.* К творческой истории поэмы Некрасова «Саша» (Страничка из дневника Аполлона Майкова). — РЛ, 1977, № 3, с. 101–102). Глава 1, представляющая собою лирическое вступление к поэме, была создана, видимо, лишь в конце декабря 1855 г., но не позже самого начала января 1856 г.: известно, что ко 2 января поэма была оттиснута в корректуре и запрещена цензором В. Н. Бекетовым (см. ниже), а 5 января разрешена им же, — очевидно, по указанию министра народного просвещения А. С. Норова. Таким образом, поэма была написана между летом 1854 г. (раньше могли существовать лишь какие-нибудь небольшие наброски) и концом 1855 г., причем основная часть работы над ней приходится на весну 1855 г.

Первая публикация поэмы (в «Современнике») натолкнулась на цензурные препятствия. Поэма была запрещена (очевидно, С.-Петербургским цензурным комитетом по представлению цензора В. Н. Бекетова). Однако Некрасов не отказался от намерения опубликовать ее. По просьбе поэта Ег. П. Ковалевский 2 января 1856 г. посетил возглавлявшего цензурное ведомство министра

народного просвещения А. С. Норова и, не застав его дома, оставил корректуру «Саши» и записку: «Будьте правосудны и терпеливы, как всегда, потрудитесь прочесть это стихотворение Некрасова и скажите, можно ли запретить его, а между тем оно запрещено» (ЦГИА СССР, ф. 772, оп. 1, 1856 г., № 3766, л. 2). Существуют сведения, что одновременно о напечатании «Саши» хлопотал И. А. Гончаров (см. указанную М. В. Теплинским запись в дневнике С. И. Смирновой-Сазоновой — ИР ЛИ, ф. 285, № 2, л. 95).

В результате «Саша» появилась в «Современнике», но с большими цензурными искажениями, которые зафиксированы в корректуре ИРЛИ. Несмотря на это, первопечатный текст поэмы привлек внимание наблюдавшего за «Современником» чиновника особых поручений Н. Родзянко, который 23 февраля 1856 г. доносил А. С. Норову: «Это стихотворение, в отношении его буквального смысла, представляется во многих местах весьма темным; из них наиболее непонятные и резкие, при которых я поставил знаки? и N3, могут невольно увлечь читателей к невыгодному толкованию оных» *(Гаркави А. М.* Некрасов и цензура. — Некр. сб., II, с. 451). Однако А. С. Норов, лично причастный к дозволению «Саши»,

оставил этот рапорт без последствий.

Цензурный характер некоторых вариантов корректур и прижизненных публикаций (см.: Другие редакции и варианты, с. 305–310) нуждается в пояснении. Ст. 15–16 («Спящих в могилах виновных теней Не разбужу я враждою моей») были вычеркнуты цензурой, так как в них содержался намек на Николая I, умершего 18 февраля 1855 г. Позже, когда Некрасов вновь представил эти стихи к публикации, член Главного управления цензуры Ф. Бюлер писал (в донесении от 30 октября 1859 г.), что они могут «подать повод к весьма предосудительным толкованиям» *(Mazon. A.* Un maitre du roman russe Ivan Contcharov. Paris, 1914, p. 399). В ст. 303–305 «нецензурным» был образ орла, будто бы пророчившего Агарину великую долю («государственный орел» — герб царской России). Особенно «крамольными» считались ст. 449–452 (о «чувстве свободы», о «крови и борьбе»), — они, как указывалось выше, опубликованы лишь в советское время. В вариантах ст. 39, 490] а также в ст. 100, 453, 490 «запретными» были слова «воля», «свобода» и производные от них. В первоначальных вариантах ст. 39 («Воздухом вольным повеяло с гор»), ст. 326 («Солнышко правды взойдет и над нами») и ст. 489–490 (о «теп-

лом крае», «где люди Дышат вольнее всей силою груди»), видимо, заключались намека на события европейских революций 1848 г. Некрасов не вернулся к этим вариантам, надо полагать, не только из-за цензурных препятствий, но и потому, что его отношение к Европе, где восторжествовали капиталистические порядки, могло измениться; показательно, что ст. 490 («Дышат вольнее всей силою груди») он в конце концов переделал так: «Дышат вольнее — в три четверти груди».

Герой поэмы Агарин во многом напоминает тургеневского Ру-дина: оба они фразеры, «лишние люди» из дворянской среды. В связи с этим С. С. Дудышкия даже объявил в своей статье, будто в Агарине читатели «нашли того же Рудина, только переложенного в стихи» («Стихотворения Н. Некрасова». — ОЗ, 1861, *No* 12, с. 87). Впоследствии (в 1879 г.) и сам Тургенев утверждал, что «Саша» написана под влиянием «Рудина» (Тургенев, Соч., т. XII, с. 304). Между тем «Рудип» был опубликован одновременно с «Сашей» — в № 1 «Современника» за 1856 г. Написан же «Рудин» был между 5 июня и 24 июля 1855 г., т. е. после глав 3 и 4 «Саши», в которых выведен Агарин. Таким образом, версия, будто «Саша» возникла как «переложение в стихи» тургеневского романа, несостоятельна.

Возможно лишь, что какие-то предварительные разговоры о типе «лишнего человека», имевшие место между Некрасовым и Тургеневым до написания «Саши» и «Рудина», отразились как в поэме, так и в романе. Такое предположение подкрепляется тем, что в черновых редакциях поэмы Агарин был наделен положительными чертами («Это прекрасный и вечный ребенок…»), еще более сближавшими его с Рудиным. Примечательно также, что в плане и в черновых редакциях поэмы был намечен впоследствии устраненный Некрасовым образ жениха Саши, соответствующий Волынцеву (жениху Натальи) в тургеневском романе (см.: *Гаркави А. М.* Поэма Некрасова «Саша». — Некр. сб., II, с. 153–160; *Маслов В. С.* Некрасов и Тургенев. К вопросу о литературных взаимоотношениях («Саша» и «Рудин»). — О Некр., вып. III, с. 136–154).

Временем действия в поэме, очевидно, является конец 1840 — начало 1850-х гг., когда многие из либерально настроенных дворян под впечатлением европейских революций 1848–1849 гг. отрекались от социалистических устремлений (см. примечания в кн.: *Некрасов Н. А.* Стихотворения, т. II. Л., 1956, с. 315–316; *Бухштаб Б. Я.* Проблемы изучения поэмы Некрасова «Саша». —

Изв. АН СССР, сер. лит. и яз., 1971, т. XXX, вып. 5, с. 440–452). Такое определение времени действия подтверждается отмеченными выше намеками на европейские события. Ошибочным является мнение Б. Я. Бухштаба, что, поскольку в то время, к которому относится действие в поэме, резкой дифференциации между либералами и демократами еще не было, к прототипам Агарина могут быть отнесены А. И. Герцен и Н. П. Огарев (см. указ. статью, 451–452): Герцен и Огарев испытали в конце 1840-х гг. лишь временное разочарование (и ко времени создания поэмы уже его преодолели), Агарин же — человек, отказавшийся от демократических воззрений. Этими прототипами могли быть скорее такие люди, как казанский помещик Г. М. Толстой (см.: *Чуковский К.* Григорий Толстой и Некрасов. — В кн.: *Чуковский К. И.* Собр. соч. в 6-ти т., т. V. М., 1967), П. В. Анненков, всякого рода случайные «попутчики» Белинского, о которых Некрасов в черновиках поэмы «В. Г. Белинский» писал: «Его соратники смирялись И в подлецов преображались» (см.: Другие редакции и варианты, с. 267).

Отнеся действие к недавнему времени, Некрасов указывал, что политическое ренегатство и раньше было характерно для либералов; но в то

же время образ Агарина определенно проецировался на современность; одним из ключевых в этом смысле является стих «Это, увы! — современный герой!». Поэма в основном была написана весной 1855 г., т. е. в период уже начавшегося общественного подъема и явно наметившегося расхождения между демократами и либералами. С быстрым формированием нового типа русского либерала связано изменение оценки Агарина самим автором в процессе работы над поэмой — от снисходительной в черновых редакциях до несомненно отрицательной в окончательном тексте.

Одним из непосредственных литературных предшественников Агарина был Левин, персонаж повести А. В. Станкевича «Идеалист», которую Некрасов подробно разобрал в рецензии на альманах «Комета» (1851); уже в этой рецензии наметилось скептическое отношение к «лишним людям», более полно впервые в русской литературе воплотившееся в образе Агарина (см.: «Это, увы, — современный герой...». Неизвестная статья Н. А. Некрасова. Публ. М. Блинчевской. — ЛГ, 1971, 26 мая, № 22, а также указанную выше статью С. Г. Лазутина). В «Саше» Некрасов использовал образ «лишнего человека» для обличения либералов — концепция, получившая через

несколько лет теоретическое обоснование в статьях Чернышевского («Русский человек на rendez-vous», 1858) и Добролюбова («Что такое обломовщина?», 1859).

Агарину Некрасов противопоставил Сашу, подлинную представительницу демократически настроенной молодежи 1850-х гг. Саша — новый тип передовой русской женщины. В отличие от пушкинской Татьяны, с которой у нее много сходного, она не мыслит своего замужества без общности идейных устремлений. Стремясь принести посильную пользу крестьянам, она вступает на путь общественного служения (подробно об этом см.: *Колесникова Л. И.* О народности поэмы Некрасова «Саша». (Саша и Татьяна). — Некр. и его вр., вып. 1, с. 43–50).

В образе Саши Некрасов отразил черты передовых женщин, с которыми он общался, — таких, как О. С. Чернышевская, А. Я. Панаева и др. Ссылаясь на Некрасова, Чернышевский писал О. С. Чернышевской (7 июля 1888 г.), что она послужила поэту прототипом для ряда женских образов, в том числе для Саши (см.: Чернышевский, т. XIV, с. 701). В ПСС (видимо, по указанию К. И. Чуковского) рядом с текстом поэмы помещен портрет А. Я. Панаевой (см. т. I, между с. 128 и 129).

В русской литературе Саша предвещала передовых шестидесятниц — героинь И. С. Тургенева, В. А. Слепцова, Н. Г. Чернышевского.

Поэма вызвала у современников многочисленные отклики, в подавляющем большинстве сочувственные.

Однако литераторы и читатели, не принадлежавшие к демократическому лагерю, оценивали ее односторонне. В их отзывах-две основные тенденции: во-первых, восхищение отдельными местами поэмы (особенно описаниями природы); во-вторых, утверждение, будто в поэме выражены «примиренческие» настроения поэта, его отказ от гражданского направления в литературе.

Наиболее ранний из дошедших до нас отзывов — в вышеупомянутой дневниковой записи А. Н. Майкова от 26 декабря 1855 г. Давая поэме исключительно высокую оценку («лучшая его (Некрасова, — *Ред.)* вещь и во всей современной поэзии»), Майков эту оценку локализовал таким образом: «Лучшая часть ее первая. Жизнь молодой девушки в деревне и лес». Тут же Майков высказал предположение, что поэмой «как бы оправдалось» его, Майкова, стихотворное послание «Н. А. Некрасову», написанное двумя годами раньше и представляющее собою отклик

на стихотворение Некрасова «Муза» (РЛ, 1977, № 3, с. 101). В этом послании Майков, как известно, призывал Некрасова отказаться от «злобы и вражды» и обратиться к умиротворяющей теме родной природы (см. публикацию С. А. Рейсера в ЛН, т. 49–50, с. 614–617).

3 февраля 1856 г., вскоре после выхода № 1 «Современника» с текстом поэмы, В. П. Боткин писал Некрасову из Москвы: «„Саша“ твоя здесь всем очень понравилась, даже больше, чем понравилась: об ней отзываются с восторгом» (ГМ, 1916, № 9, с. 182). Говоря о «восторгах» москвичей, Боткин, возможно, имел в виду отзывы славянофилов. 7 февраля 1856 г. С. Т. Аксаков писал Тургеневу: «В последних стихах его (т. е. в „Саше“, — *Ред.)* так много истины и поэзии, глубокого чувства и простоты, что я поражен ими, ибо прежде не замечал ничего подобного в его стихах» *(Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 14. СПб., 1900, с. 353). К. С. Аксаков в. журнальной статье очень резко отозвался об обличительном направлении некрасовской поэзии, которому он противопоставил «Сашу»: «Некоторые из прежних его стихотворений пропитаны едким цинизмом картин и чувств <…> В стихотворении его „Саша“ и других является танже сила выраже-

ния и сила чувства, но очищенная и движимая иными, лучшими стремлениями» *(Аксаков К.* Обозрение современной литературы. — Рус. беседа, 1857, № 1, отдел «Обозрения», с. 8–9).

Позже славянофильское понимание поэмы развил А. А. Григорьев в статье 1862 г. о втором издании «Стихотворений» Некрасова. Утверждая, что Некрасов в поэме отказался от обличения («Сердце поэта устало питаться злобою…» и т. д.), критик в то же время подчеркнул близость Некрасова к «почве», сказавшуюся и в замечательных картинах русской природы, и в складе речи, от которой «веет народным духом» *(Григорьев А.* Литературная критика. М., 1967, с. 487, 488).

Близка к славянофильской была оценка поэмы деятелями «чистою искусства», которые восхищались мастерством Некрасова, особенно в картинах природы, и также усматривали в поэме отход Некрасова от «обличительного» направления. В анонимной (видимо, принадлежавшей А. В. Дружинину) рецензии «Библиотеки для чтения» на второй том сборника «Для легкого чтения» (1856), где был перепечатан отрывок из «Саши» под заглавием «Срубленный лес», говорилось: «…Отрывок этот, по нашему мнению, составляет лучшее украшение всей поэмы <…> Полнотой,

свежестью и поэтической зоркостью отличаются эти строки <...> Поэт сохранил в душе своей и физиономию нахмуренной ели, и старой сосны, и стон верхушек осин — и трупы поверженных деревьев вдруг живо стали перед ним, и даже тонкие тени, заходившие по пням беловатым, не ускользнули, не забежали в сторону от впечатлительного его глаза... Зорко и тонко, со всеми мелочами охватил он прелестнейшую картину, достойную первостатейного мастера» (БдЧ, 1856, № 9, «Литературная летопись», с. 20, 22).

Л. Н. Толстой, который в ту пору вслед за Дружининым выступал против «дидактизма» и «злости» в литературе, писал Некрасову 2 июля 1856 г.: «...человек желчный и злой не в нормальном положении. Человек любящий — напротив, и только в нормальном положении можно сделать добро и ясно видеть вещи. Поэтому ваши последние стихи мне нравятся, в них грусть и любовь, а не злоба, т. е. ненависть. А злобы в путном человеке никогда нет и в вас меньше, чем в ком-нибудь другом» *(Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. Сер. 3. Письма, т. 60. М., 1949, с. 75). Не согласившись с Толстым, Некрасов в ответном письме от 22 июля 1856 г. провозгласил необходимость благородной «злости», направленной против

социальной несправедливости.

Безосновательно усмотрел в «Саше» отход от обличительных тенденций также редактор газеты «Русский инвалид» полковник П. С. Лебедев, который именно с этой точки зрения приветствовал поэму в обширной статье (РИ, 1856, 2 июня, № 121, с. 528–529). Более критично подошел к поэме А. И. Рыжов (псевдоним — О. Колядин): признавая высокие достоинства поэмы, которую он назвал «замечательным произведением», он в то же время писал, что она показывает, «до какой степени анализ <…> подорвал основы стихотворной деятельности нашей…». Назвав вступление в поэму (т. е. главу 1) «превосходным», он в той же статье заявлял о «прозаическом покрое рассказа» в ней, о «тяжести» и «топорности» некрасовского стиха и т. п. (БдЧ, 1856, № 2, «Журналистика», с. 72–74).

Отзывам литераторов либерального и консервативного толка противостояли оценки, которые получила поэма в высказываниях революционных демократов. Глубокое истолкование поэмы дали Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов, которые, как уже говорилось, связывали ее идейный смысл с задачей обличения российского либерализма (см.: *Маслов В. С.* Чернышевский и Добролюбов о поэме Некрасова «Саша». — Некр.

сб., III, с. 340–345).[7] Высоко оценил поэму Д. И. Писарев, причисливший ее (в статье «Писемский, Тургенев и Гончаров», 1861) к тем произведениям, за которые Некрасова «знает и любит живая Россия» *(Писарев Д. И. Соч.,* т. I. М., 1955, с. 196). Известная революционерка-семидесятница В. Н. Фигнер, вспоминая о впечатлении, которое на нее в ранней молодости произвела «Саша», писала: «Над этой поэмой я думала, как еще никогда в свою 15-летнюю жизнь мне не приходилось думать. Поэма учила, как жить, к чему стремиться. Согласовать слово с делом — вот чему учила поэма, требовать этого согласования от себя и от других учила она. И это стало девизом моей жизни» *(Фигнер В.* Запечатленный труд. Воспоминания в двух томах, т. I. М., 1964, с. 92).

Что же молчит мой озлобленный ум?.. — Отзвук пушкинского стиха «С его озлобленным умом...» («Евгений Онегин», глава седьмая, строфа XXII).

Весела въехал я в дом тот угрюмый, Что, осенив

---

[7] Примечания: 7

Добролюбов, кроме того, указал в одной из рецензий 1859 г., что отрывки из «Саши» весьма желательно перепечатывать в книгах для детского чтения (см.: Добролюбов, т. IV, с. 355). Вскоре, еще при жизни Некрасова, отрывки из поэмы вошли в многочисленные хрестоматии (см.: *Кужелева Н. А.* Н. А. Некрасов в дореволюционных изданиях для детей (1849–1917 гг.). — Тр. Ленингр. библиотечного ин-та им. Н. К. Крупской, 1959, т. V, с. 87–107).

сокрушительной думой, Некогда стих мне суровый внушил… — Речь идет о поместье Некрасовых Грешнево и о стихотворении «Родина» (1846).

Так, после битвы, во мраке ночном ~ Волосы мертвых бойцов шевелит! — Эти стихи, вероятно, навеяны Крымской войной.

Или какой чернокнижник-губитель? — Чернокнижник — колдун.

«Несчастные»[*]

Печатается по Ст 1873, т. I, *ч.* 2, с. 103–145, с восстановлением ст. 251 по автографу ИРЛИ А, ст. 658–664, 715–716, 718–722, 804 — по автографу ИРЛИ Б, ст. 717 — по автографу ГБЛ.

Впервые опубликовано: ст. 164–220 — С, 1856, № 5 (цена, разр. — 30 марта и 5 апр. 1856 г.), с. 139–141, в составе стихотворения «Петербургское утро (отрывок)», с подписью: «Н. Некрасов» (перепечатано: Ст 1856, с. 148–150); ст. 244 (со слова «Невольно») — 375 — С, 1857, № 3 (ценз. разр. — 28 февр. 1857 г.), с. 51–54, под заглавием: «Отрывок из поэмы», с подписью: «Н. Н.» (в оглавлении: «Н. А. Н.») и датой: «Рим, декабрь, 1856»; полностью — С, 1858, № 2 (ценз. разр. — 8 и 10 февр. 1858 г.), с. 241–266 под заглавием: «Эпилог ненаписанной поэмы», с подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: Ст

1861, ч. 2, под заглавием: «Несчастные», с датой: «1856» (перепечатано: 2-я часть всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений»).

Черновой автограф ст. 164–220 (в составе стихотворения «Петербургское утро»), без заглавия, запись карандашом от конца тетради к началу, — ГБЛ (Зап. тетр. № 3, л. 51–49 об.). Беловой автограф этого отрывка, являвшийся наборной рукописью и предназначавшийся для № 5 «Современника» за 1855 г., под заглавием «Совет. (Подражание Пушкину)», запись чернилами, — ЦГАЛИ, ф. 338, он. I, № 27, л. 92–93 об. (со следующими карандашными пометами рукою Некрасова — в начале, в левом углу: «В „Совр<еменник>“, № 5»; ст. 191–197 с изображением арестантской фуры отчеркнуты карандашом; в конце приписка: «N. B. Ежели отчеркнутые строки выкинет цензура, то печатать так:

Всё пусто…
Что теперь ни встретишь
На всем

и проч.»).

Корректура стихотворения «Совет. (Подражание Пушкину)», в которой имеется предложенная купюра, с таким заключением цензора: «Эти

стихи такие мрачные, представляют Петербург таким грязным и зловонным городом, что пропустить их нельзя и оставить при деле 13 ап<реля 1855 г.>» (ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 2, № 28, л. 26). Беловой автограф этого же стихотворения под заглавием: «Совет» (вместо зачеркнутого «Секрет»[8]) — ГБЛ (Солд. тетр., л. 4–6 об.).

Беловой автограф ст. 244–375, являвшийся наборной рукописью, под заглавием: «Отрывок из поэмы», чернилами, с правкою карандашом, подписью: «Н. Н.» (вместо зачеркнутой: «Н. Н. Некрасов») и датой: «Рим, декабрь, 1856», — ИРЛИ, 21198, л. 1–4; послан Тургеневу в письме от 26 декабря 1856 г. и, по желанию Некрасова, отправлен затем в Петербург П. В. Анненкову для передачи в редакцию «Современника». В автографе содержались смягченные варианты ст. 357 и 360, с припиской на полях: «Для цензуры», и обращение к редакции журнала: «Прошу напечатать без опечаток. Если хоть слово выкинут, то не печатать. Некрасов».

Беловой автограф ст. 457–914, под заглавием:

---

[8] Примечания: 8

Возможно, что заглавие «Секрет» не относилось к данному стихотворению. Некрасов первоначально хотел вписать в это место Солд. тетр. свое известное стихотворение «Секрет» («В счастливой Москве, на Неглинной...»).

«Крот», вались чернилами, за исключением вписанного карандашом примечания возможно, рукою Некрасова: «В предыдущей главе рассказывающий излагает, за что он попал в Сибирь. Глава оканчивается тем что он, вместе с другими, потеряв всякую надежду, предался дикому буйству, подавляя в себе всякое человеческое движение», — ИРЛИ, 21194, л. 1–4 об.; послан Некрасовым И. С. Тургеневу вслед за письмом от 25 ноября 1856 г.

Автограф всей поэмы с последовательно исправленными заглавиями: а. «Преступники», б. «Воспоминания прощеного», в. «Несчастные», с подзаголовком: «Поэма в двух частях» и датами — на заглавном листе: «1856, ноябрь и декабрь. Рим», над текстом первой части поэмы: «[24] 22 дек<абря> 1856. Рим», в конце автографа: [«Ноябрь и декабрь [1856] 1857. Рим»], запись чернилами, правка чернилами и карандашом, — ГБЛ (Зап. тетр. № 4, л. 1-28).

Копия А. Я. Панаевой с текста первой публикации поэмы в Современнике (1858, № 2), с карандашными исправлениями Некрасова, — ИРЛИ (Тетр. Панаевой, л. 8-33 об.).

Возникновение замысла относится к апрелю 1855 г., когда Некрасовым была предпринята

попытка опубликовать стихотворение «Совет. (Подражание Пушкину)» в майском номере «Современника». Окончательно замысел созрел в начале 1856 г., о чем свидетельствует появление в «Современнике» и Ст 1856 стихотворения «Петербургское утро» с примечательным подзаголовком «Отрывок». Надежду на осуществление замысла укрепила амнистия политическим заключенным, объявленная 26 августа 1856 г. и открывшая возможность писать о сибирской каторге.

Оформление замысла связано с раздумьями поэта над судьбами «друзей народа и свободы», вероятно в период работы над поэмой «В. Г. Белинский». Как указано выше (см. на с. 527 наст, тома, а также: Другие редакции и варианты, с. 264), стихи «Пусть речь его была сурова И не блистала красотой, Но обладал он тайной слова, Доступного душе живой», вошедшие в поэму «Несчастные», располагались по соседству с набросками к поэме «В. Г. Белинский» в Зап. тетр. № 3 (ср.: *Чуковский К.* Белинский в поэме «Несчастные». — ЛГ, 1946, 23 ноября, № 47). О Белинском как прототипе Крота писал П. Ф. Якубович, обративший внимание на то, что смерть Крота в поэме напоминает последние минуты жизни Белинского (см.: Н. А. Некрасов, его жизнь

и литературная деятельность. Критико-биографический очерк Л. Мельшина <П. Ф. Якубовича>. СПб., 1907, с. 39–43). Однако обобщенно-романтизированный образ Крота нельзя связывать с отдельным лицом. Установлено, что на замысел поэмы о судьбе интеллигента на каторге повлияли также размышления Некрасова о положении ссыльного Достоевского. Именно в это время Достоевский напомнил о себе после долгих лет вынужденного молчания. Не исключено, что Некрасов читал сам или знал в изложении А. Н. Майкова письмо Достоевского к брату Михаилу от 22 февраля 1854 г. Достоевский сообщает в нем подробности отправки по этапу из Петербурга «ровно в рождество 1849 года». В набросках к поэме в Зап. тетр. № 3 у Некрасова уже появляется образ осужденного интеллигента, увозимого ранним утром из Петербурга, когда город подобен «опустелой зале, Где пировали вы вчера». В письме Достоевский рассказывает о «злобной радости», с которой каторжники из народа встретили дворян — политических преступников: «150 врагов не могли устать в преследовании, это было им любо…» (Письма Ф. М. Достоевского, т I. М.-Л., 1928, с. 136; ср. у Некрасова: «И было нам сначала любо Смотреть, как губы он кусал, Когда

с ним обходились грубо…») — Характеристика Достоевским русского народа («„Поверишь ли“ есть характеры глубокие, сильные, прекрасные, и как весело было под грубой корой отыскать золото» — там же, с. 139) перекликается с монологом Крота: «Так под корой Сибири льдистой Золотоносных много жил» (подробнее об этом см.: *Лебедев Ю. В.* Некрасов и Достоевский в 60-е годы. Эпизод из творческих взаимосвязей. — Некр. и его вр., вып. 1, с. 95–98). О связи образа Крота с личностью Достоевского писал О. Ф. Миллер в кн.: Публичные лекции. Русская литература после Гоголя. СПб., 1874. Интересно также в этом плане свидетельство самого Достоевского: «…Однажды, в шестьдесят третьем, кажется, году, отдавая мне томик своих стихов, он (Некрасов, — *Ред.)* указал мне на одно стихотворение, „Несчастные“, и внушительно сказал: „Я тут об вас думал, когда писал это“ (т. е. об моей жизни в Сибири), „это об вас написано…“» *(Достоевский Ф. М.* Полн. собр. худ. произв., т. XII. М.-Л., 1929, с. 348). Русское правительство впервые осуществило на петрашевцах изощренный «эксперимент», «…уравняв каторжанина-петрашевца с уголовным арестантом» (см.: *Гернет М. Н.* История царской тюрьмы, т. II, М., 1946, с. 215). Помещая Крота на одних нарах с

уголовными преступниками, Некрасов открыто указал на «родословную» своего героя.

Вплотную к работе над поэмой Некрасов приступил в ноябре-декабре 1856 г., будучи на лечении в Риме. В письме к Тургеневу от 25 ноября 1856 г. он сообщал: «Я не писал к тебе потому, что работал. 24 дни ни о чем не думал я, кроме того, что писал. Это случилось в первый раз в моей жизни <…> Что вышло, не знаю — мучительно желал бы показать тебе…». Вслед за этим письмом, как уже говорилось, Некрасов послал Тургеневу автограф второй части поэмы (ст. 457–914).

В разгаре работы, когда «до конца» поэмы было «недалеко», Некрасов получил от Тургенева известие о начавшейся в Петербурге цензурной буре, вызванной перепечаткой Чернышевским в «Современнике» «Поэта и гражданина» и некоторых других стихотворений поэта. Это известие отрицательно сказалось на работе над завершением «Несчастных» (см. признания Некрасова Тургеневу в том, что он «скомкал» поэму, «…не сделав и половины того, что думал»), хотя и не убило желания «кончить вещь» (см. письмо П. В. Анненкову от 26 декабря 1856 г.).

Поэма была завершена к концу ноября 1856 г. Посланный 26 декабря 1856 г. в редакцию «Со-

временника» через Тургенева и Анненкова (см. выше) автограф отрывка из первой части поэмы (ст. 244–375) встретил цензурные возражения. В письме от 7 февраля 1857 г. Некрасову об этом сообщил Чернышевский:

«В отрывке, Вами присланном, цензурный комитет зачеркнул следующие слова и стихи (то, что подчеркнуто):

Ни горя, ни отрад не жди,
Отдайся весь во власть господню…
Свинья увязла в подворотню
(по причине близости свиньи).
Молчи, фанатики они…
Но есть и там свои могилы,
Но там напрасно гибнут силы.

Подчеркнутое выброшено цензурой.

Вы написали: „если хоть одно слово выкинут, то не печатать“ — потому стихотворение и осталось не напечатано, что жаль — лучше бы напечатать» (Чернышевский, т. XIV, с. 335–336).

Согласившись с Чернышевским, Некрасов исключил из отрывка подчеркнутые в письме стихи, а вместо «Молчи, фанатики они» дал новый вариант «Молчи — упрямы ведь они», и

«Отрывок из поэмы» был опубликован в мартовской книжке «Современника» за 1857 г. Замена в автографе ст. 251 («Аптека, два, три кабака» вместо «Собор, четыре кабака») сделана без указания: «Для цензуры». В настоящем издании, как и в ПСС и ПССт 1967, восстановлено первоначальное чтение, так как замена является очевидным результатом автоцензуры (собор рядом с кабаком и тюрьмой).

По возвращении из-за границы Некрасов готовит к печати текст всей поэмы. Эта работа велась не ранее марта 1857 и не позднее февраля 1858 г. Наряду со значительными исправлениями стилистического и смыслового характера, улучшающими текст, в автографе ГБЛ (Зап. тетр. № 4) встречаются поправки, свидетельствующие о том, что, кончив поэму, Некрасов «начал ее портить»[9] (ср. намерение, высказанное в письме к Тургеневу от 6 декабря 1856 г.: «...может, и пройдет, если вставить несколько верноподданнических стихов»). Такие стихи были введены в конце поэмы (см.: Другие редакции и варианты, с. 320, вставка после ст. 868), правда не без колебаний (зачеркнутые в автографе, они вошли в печатный

[9] Примечания: 9

См.: *Лебедев Ю. В.* Текстологические заметки о поэме Н. А, Некрасова «Несчастные». — О Некр., вып. II, с. 313–328.

текст). Одновременно были исключены острые в цензурном отношении ст. 658–664 и 715–722. Последние (заключительное по автографам ИРЛИ Б и ГБЛ восьмистишие «Песни преступников») не были окончательно отшлифованы поэтом. Сохранилось два варианта подвергавшихся переработке стихов (717–718). Первый — в автографе ИРЛИ Б: «В ней пышны царские чертоги, Но жалки избы [бедняков]». Второй — в автографе ГБЛ (Зап. тетр. № 4): «В ней пышны барские чертоги, Но бедны избы мужиков». Казалось бы, первый вариант, создававшийся без оглядок на цензуру, предпочтительнее. Но он вступает в противоречие с последующими стихами: «И нечем выкупить народа Царю у палачей-дворян». Образ царского дворца в контексте заключительного восьмистишия оказывается двусмысленным. По-видимому, уже в Риме Некрасов колебался в оценке деятельности Александра II, хотя и не исключал возможности коренных преобразований «сверху» (ср. также апофеоз Петра в монологах Крота). По возвращении из-за границы надежды Некрасова на реформы «сверху» не пошатнулись. Поэтому он противопоставил добрую волю царя злой воле «палачей-дворян» во втором варианте восьмистишия, оставшемся, однако, стилисти-

чески доработанным (дважды в первом четверостишии употребляется слово «бедный»: «бедна по милости воров», «бедны избы мужиков»). Взгляд Некрасова на деятельность Александра II, вероятно остался не проясненным до конца. Лишь в 1858 г., после обнародования государственных рескриптов и начала деятельности губернских комитетов, поэт начинает сознавать иллюзорность своих надежд. Но вплоть до 19 февраля 1861 г. он не исключал возможности радикального решения крестьянского вопроса путем правительственных преобразований (см. об этом: *Лебедев Ю. В.* Чернышевский и Некрасов. — В кн.: Н. Г. Чернышевский. Эстетика литература, критика. Л., 1979, с. 116–136).

В настоящем издании восстановлен полный текст «Песни преступников» с порядком расположения частей по автографам ИРЛИ Б и ГБЛ (Зап. тетр. № 4). В прижизненных изданиях Некрасов, стремясь намекнуть читателю на то, что последнее восьмистишие исключено по цензурным причинам, нумеровал второе восьмистишие определенным образом: или «2,-3», или «3», оставляя над этой цифрой цифру «2», пробел и черту (см.: Другие редакции и варианты, с. 323–324). Третье восьмистишие цензура не пропустила даже

в 1905 г., когда А. Н. Пыпин хотел опубликовать его в книге «Н. А. Некрасов» (см. корректурную гранку книги А. Н. Пыпина — ИРЛИ, ф. 250, оп. 5, № 49).

Первоначально Некрасов хотел напечатать поэму в сборнике, посвященном памяти Белинского и издаваемом в пользу его дочери (см.: ПСС, т. X, с. 361, 370). Но издание это не осуществилось, и поэма была опубликована в № 2 «Современника» за 1858 г. По требованию цензуры Некрасов изменил заглавие (вместо «Несчастные» — «Эпилог ненаписанной поэмы»), а также внес ряд дополнительных изменений в текст: вместо «гордого дворца» — «гордых кораблей» (ст. 162), вместо «дворцами» — «домами» (ст. 242), вместо «недовольной нищеты» — «невеселой нищеты» (ст. 207) и др. Некоторые из этих искажений поэт исправил см. варианты авторизованной копии ИРЛИ, Ст 1861, Ст 1864 и др. — Другие редакции и варианты, с. 320–321, 323–324). Но наиболее существенные искажения и пропуски (ст. 251, 658–664, 715–722, 804) при жизни поэта не исправлялись и не восстанавливались.

Однако и в приспособленном к цензурным требованиям виде поэма вызвала неудовольствие властей. Чиновник особых поручений гр. Кома-

ровский сообщал министру народного просвещения, что герой «Эпилога ненаписанной поэмы» — «идеализированный колодник, по-видимому сосланный за политическое преступление, в что „панегирик безымянному колоднику“ в поэме имеет своей целью „общественный протест“». Предсмертное видение Крота Комаровский назвал «пророчески двусмысленным», усмотрев в нем изображение будущей революции. На основании донесения Кемеровского председателю Петербургского цензурного комитета было предложено сделать выговор цензору, пропустившему эти стихи (см.: *Евгеньев-Максимов В.* «Современник» при Чернышевском и Добролюбове. Л., 1936, с. 226–229).

Н. Г. Чернышевский в романе о новых людях «Алферьев» использовал в качестве эпиграфа стихи из «Песни преступников», глубоко ощущая революционный пафос поэмы Некрасова, хотя ореол жертвенности и аскетизма, которым окружена в «Несчастных» личность Крота, не вполне отвечал духу этики «разумного эгоизма». Культ героев, характерный для некрасовского подхода к изображению «народных заступников», был прямым следствием типичных для поэта сомнений в ближайших перспективах кресть-янской

революции.

Поэма, явившаяся первым произведением о политических ссыльных на каторге, имела шумный успех в среде прогрессивной русской интеллигенции. Некрасов читал ее на литературных вечерах. По воспоминаниям Е. И. Новиковой-Зариной, «...его голос, глубокий и надорванный, удивительно отвечал колориту поэмы. Не знаю, сколько времени безмолвствовал зал, но потом вдруг, как взрыв, раздались неистовые аплодисменты и бурные крики...» (Резец, 1938, № 3, с. 21). Д. И. Писарев в статье «Писемский, Тургенев, Гопчаров» назвал «Эпилог ненаписанной поэмы» в ряду стихотворений, автора которых «знает и любит живая Россия» (РСл, 1861, *К* 11, отд. II, с. 6). А. А. Григорьев, «исчисляя лучшие по вдохновению стихотворения поэта», отметил «среди наиболее действующих на публику» и на него лично поэму «Несчастные», хотя «апология Петра» в ней коренным образом противоречила его славянофильским убеждениям (В, 1862, № 7, отд. «Критическое обозрение», с. 46). К числу «лучших произведений» поэта отнес «Несчастных» А. Пятковский (см.: Книжный вестник, 1861, № 24, с. 436). «Горячо прочувствованное и глубоко созревшее произведение» увидел в поэме Е. Эдельсон

(БдЧ, 1864, № 9, отд. 3, с. 13). Обстоятельный анализ драматической судьбы лирического героя поэмы, «впервые увидевшего „божий свет“ под кровлей „старых хором“», дал критик журнала «Светоч» в статье «Стихотворения Н. Некрасова» (Св, 1862, № 1, отд. «Критическое обозрение», с. 1–106).

Уже в первых критических откликах современники обратили внимание на автобиографические мотивы в поэме: впечатления детства в крепостнической усадьбе, образ матери поэта, тема утраты иллюзий в столице. В описании провинциального городка знакомые Некрасова узнавали Спасск, Казанской губернии, «на болотистой площади которого Некрасову случалось стрелять дупелей» *(Успенский Н. В.* Из прошлого. М., 1889, с. 231–233).

Определенную часть критических отзывов объединяла тенденция считать поэму незаконченной, хаотичной и пестрой в стилистическом отношении. Так, Вс. Крестовский отнес «Несчастных» к числу вещей, которые не выстраданы, не прочувствованы поэтом и пишутся «ради одной только заключительной фразы». По Крестовскому, «Несчастные» — поэма «аффектированная и добродетельная, изображающая каторжников до того добродетельными, что они даже заслужива-

ют любовь и благоволение своих начальников, вещь ложная и ложная самим незнанием изображаемой жизни…» (РСл, 1861, № 12, отд. II, с. 70). «Не по замыслу поэма слаба, отнюдь нет, — замечал А. С. Суворин, — а по исполнению, по неудачной аффектации, по некоторой ходульности и мелодраматизму. Г. Некрасов знает, что человек-гражданин нужен, а не бесплотное существо, каким он представил своего героя» (Рус. речь, 1861, № 103–104, с. 809). О фальшивых нотках в изображении взаимоотношений политических ссыльных с уголовными преступниками писал О. Ф. Миллер в указанной выше книге «Публичные лекции. Русская литература после Гоголя». П. Ф. Якубович также увидел в поэме много мелодраматизма, «немыслимого в живой действительности» *(Мельшин Л. <Якубович П.* Ф.> Н. А. Некрасов, его жизнь и литературная деятельность, с. 68).

В работах советских исследователей выяснены истоки романтической условности в изображении революционера на каторге и его взаимоотношений с уголовными преступниками, изучены усвоенные Некрасовым в «Несчастных» литературные традиции (см.: *Жовтис А. Л.* К вопросу о традициях революционного романтизма

в творчестве Н. А. Некрасова (поэма «Несчастные»). — Вестник АН Казахской ССР, 1952, № 12, с. 75–86; *Опришко Е. Н.* К вопросу о реализме поэмы Н. А. Некрасова «Несчастные». — Науч. зап. Днепропетровского гос. ун-та, 1957, т. 71, с. 31–41; *Лучак А. А.* Время и герой. Душанбе, 1962; *Чуковский К. И.* Мастерство Некрасова. М., 1971, с. 47–53; *Лебедев Ю. В.* Н. А. Некрасов и русская поэма 1840-1850-х годов. Ярославль, 1971; *Гаркави А. М.* Пушкинская традиция в поэме Некрасова «Несчастные». — О Некр., вып. IV, с. 91–108).

Еще в XIX в. поэма «Несчастные» была включена в книгу избранных переводов сочинений Некрасова на французский язык: *Nekrasov N.* Poesies populaires. Traduites par E. Halperine-Kaminsky et Ch. Morice. Paris, 1886. Во вступительной статье «Poesies populaires» М. де Вопоэ отмечал совершенство композиционного построения поэмы и обращал внимание на полемический аспект в изображении Петербурга у Некрасова по отношению к пушкинскому Петербургу в «Евгении Онегине» и «Медном всаднике».

«Несчастные» — народное название заключенных и ссыльнокаторжных.

Переступить порог не смея ~ С рукой и сердцем принесет. — В этом фрагменте поэмы использо-

ваны образы и мотивы «Руслана и Людмилы» Пушкина.

С певцом твоих громад красивых ~ В движенье гордой суеты! — Имеется в виду изображение картин петербургского утра в «Евгении Онегине» и тема Петербурга в «Медном всаднике» Пушкина.

Вот идет солдат За фурой вроде погребальной... — Речь идет о закрытой тюремной карете, в которой перевозили арестантов.

Восторгом взор его сиял... — скрытая цитата из стихотворения Пушкина «Клеопатра» («Восторг в очах его сиял»). В автографе ИРЛИ В цитата была точной и сопровождалась примечанием (по-видимому, Некрасова): «Стих Пушкина».

Прощенья благовест достиг. — В день коронации Александра II, 26 августа 1856 г., была объявлена амнистия всем репрессированным по делу 14 декабря 1825 г.

Тишина[*]

Печатается по Ст 1879, т. I, с. 243–249.

Впервые опубликовано: С, 1857, № 9 (ценз. разр. — 31 авг. 1857 г.), с 115–122, с подписью: «Н. Некрасов», в составе пяти глав, без ст. 107–114, 149–152, с исправлениями в ст. 14–15, 40, 67, 69, 88, 116–118, 179, внесенными по цензурным и

автоцензурным соображениям.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1861, ч. 1, в составе четырех глав, с восстановлением ст. 107–114, с отточиями вместо ст. 115–118, 149–152 и с устранением исправлений, внесенных по цензурным соображениям, в ст. 14–15, 40, 67, 69, 88, 179 (перепечатано: 1-я часть всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений»; Ст 1879, т. I, по словам редактора этого издания С. И. Пономарева, «с немногими исправлениями, указанными самим автором» (Ст 1879, т. IV, с. XLIX): ст. 116–118, 147–152 даны в окончательной редакции, исправлен ст. 173).

Беловой автограф главы 3, с датой: «28 дек. 1856. Рим» — ГБЛ (Зап. тетр. № 4, л. 37–38). Авторизованная копия журнального текста — ИР ЛИ (Тетр. Панаевой, л. 2–8). В этой копии глава 4, напечатанная в «Современнике», вычеркнута рукой поэта (как известно, более в текст поэмы не включалась).

Датируется 1856–1857 гг. За исключением главы 3, поэма писалась летом 1857 г. после возвращения Некрасова из-за границы в июне 1857 г.

Глава 3 посвящена окончившейся Крымской войне, защите Севастополя, героизму русского народа, восхищавшему поэта. Недаром сам он хотел

ехать в Севастополь. «Хочется ехать в Севастополь, — сообщает он Тургеневу 30 июня — 1 июля 1855 г. — Ты над этим не смейся. Это желание во мне сильно и серьезно — боюсь, не поздно ли уже будет?». Тогда же в рецензии на брошюру «Осада Севастополя», напечатанной в «Современнике», Некрасов писал: «Несколько времени тому назад корреспондент газеты „Times“ сравнивал осаду Севастополя с осадою Трои. Он употребил это сравнение только в смысле продолжительности осады, но мы готовы допустить его в гораздо более обширном смысле, именно в смысле героизма, которым запечатлены деяния защитников Севастополя… Мы решительно утверждаем, что только одна книга в целом мире соответствует величию настоящих событий — и эта книга „Илиада“» (ПСС, т. IX, с. 263–264).

Глава 4 поэмы в первопечатном тексте (см.: Другие редакции и варианты, с. 325–326) включала ряд сочувственных строк о реформах Александра II. Видимо, это было тактическим ходом, а не результатом заблуждений или иллюзий, о чем можно судить по письму Некрасова к И. С. Тургеневу от 25 декабря 1857 г.: «Кстати расскажу тебе быль, из коей ты усмотришь, что благонамеренность всегда пожинает плоды свои. По

возвращении из-за границы тиснул я „Тишину“ (наполовину исправленную), а спустя месяц мне объявлено было, чтоб я представил свою книгу на 2-е издание».

Цензурное вмешательство привело к существенному искажению ряда строк: вместо «Тяжеле стонов не слыхали» в «Современнике» напечатано «Молитвы жарче не слыхали»; вместо «Проклятья стоны и молитвы» — «Прощанья, стоны и молитвы»; вместо «Ни божьих, ни ревижских душ» — «Безропотно покорных душ». После смерти поэта было найдено следующее написанное им объяснение, касающееся стихов, вызвавших возражения цензуры:

Пусть ропот укоризны
За мною по пятам бежал

Здесь автор разумел дошедшие до него за границу слухи, что многие обвиняли его в нелюбви к родине.

Христос снимет
С души оковы

Никакая мирская власть не может наложить оков на *душу,* равно как и снять их. Здесь разумеются *оковы греха, оковы страсти,* которые

налагает жизнь и человеческие слабости, а разрешить может только бог.

Прибитая к земле слезами
Рекрутских жен и матерей

Что война есть народное бедствие и что после нее остаются сироты, вдовы и матери, лишившиеся детей, — об этом я не считал неудобным упомянуть в стихах, тем более что это уже относится к прошедшему.

Проклятья, стоны и молитвы
Носились в воздухе...

Проклинали пленные враги, *стонали* раненые, *молились* все пораженные бедствием войны. Если зачеркнуть *проклятия* на том основании, что, может быть, проклинали и свои, то вслед за тем придется зачеркнуть и *стоны,* потому что, может быть, стонали не от одних ран, — а затем придется зачеркнуть и *молитвы,* потому что мало ли о чем можно молиться?

Военный поп

Известно, что после войска самые страдательные лица в войне врач и поп, едва успевающие лечить и отпевать. Потому, упомянув о враче, я

упомянул и о попе, служащем при войске, — в этом смысле употреблено прилагательное *«военный»* (ГБЛ, ф. 195, М5769. 2. 4).

Поэма выражает горячее чувство любви к родине, с особой силой охватившее поэта после возвращения в Россию из Рима, и тесно связана с другими его произведениями середины 1850-х гг., посвященными войне («Внимая ужасам войны…») и народу («Несчастные», «В столицах шум…») (см. об этом: *Лебедев Ю. В.* Н. А. Некрасов и русская поэма 1840-1850-х годов. Ярославль, 1971, с. 104–108, 112–115 и др.). Героем поэмы стал народ как целое. События войны, ожидание перемен привнесли в поэму живое ощущение истории народа и его силы. Л. Н. Толстой в письме Некрасову от И октября 1857 г. называл первую часть поэмы «чудесным самородком» *(Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. Сер. 3. Письма, т 60 М., 1949, с. 225).

«Тишина» была воспринята современниками как новое слово в поэзии Некрасова, но почти сразу же истолкована некоторыми критиками в примирительном духе: «Содержание его (стихотворения „Тишина“, — *Ред.),* — писал анонимный рецензент „Сына отечества“ (возможно, это был В. Р. Зотов), — резко противоречит духу его прежних произведений, и мы должны от-

метить эту перемену в направлении таланта г. Некрасова, конечно весьма приятную для всех, кто желает видеть в поэте истинное смирение, покорность воле провидения вместо тяжелой грусти, недовольства своею судьбою и других прежних свойств его поэзии. Как не порадоваться такой перемене! Г-н Некрасов был за границей и не нашел там ничего, он поехал назад, и вот перед ним:

Храм божий на горе мелькнул
И детски чистым чувством веры
Внезапно на душу пахнул…

Мы очень рады, что г. Некрасов вывез из-за границы такие похвальные чувства, что в нем

Сердце вещее ликует
И умиляется до дна —

и что он говорит в конце стихотворения:

Сломившийся под игом горя
За личным счастьем не гонись
И богу уступай не споря…

Последний стих нам кажется только неполон. Истинное смирение принуждает уступать и людям» (СО, 1857, № 43, с. 1052). Рецензент «Русской

речи» А. С. <А. С. Суворин> писал: «Г-на Некрасова действительно любят у нас, но любят не потому только, что он является грозным сатириком, что ему удается вызвать часто своими стихами чувство негодования в читателе, а потому особенно, что он чувствует жизнь, что он нашел в пей примиряющий элемент <…> Успокоение это вносится в душу поэта чувством любви к родине-матери и к народу <…> И нива просветлеет перед поэтом, станет пышней и красивей, и ласковей замашет лес своими вершинами, и слезы хлынут из глаз, и в умилении посылает он привет и рекам родным, и деревенской тишине, и широким нивам, и божий храм пахнет на него детски чистым чувством веры, и пропадет отрицанье и сомненье. „Войди с открытой головой“, — шепчет ему какой-то голос. И чудные упруго-металлические стихи вырываются у поэта, стихи скорби и любви льются из-под пера его, когда он входит в божий храм и вспоминает о народе, который он так любит, о пароде-герое, который в борьбе суровой не шатнулся до конца, которого венец терновый светлее победоносного венца» (Рус. речь, 1861, № 103–104, с. 805).

Откликаясь на Ст 1861, критика в целом теснее связывала «Тишину» с другими произведениями

Некрасова: «Когда мы геройствовали, собирали армии и ополчения, еще более собирали забытые воспоминания о бранной славе двенадцатого года и многие, даже очень многие, поэты и прозаики пустились в воинственные песни псевдонародного содержания, — г. Некрасов написал следующее маленькое стихотворение, которое нам нравится более всех воинственных стихов:

Внимая ужасам войны <…>

Наконец, еще больше приближаясь к нашему времени, когда после войны, всё, казалось, заговорило и зашевелилось, когда столица наша начала ораторствовать и появились надежды, — в это время, в 1856 году, г. Некрасов написал следующее превосходное стихотворение „В столицах шум…“» (ОЗ, 1861, № 11–12, отд. II, с. 90.

В том же духе оценивалась «Тишина» в анонимной рецензии на Ст 1861 в журнале «Светоч»: «При первом шаге за рубеж своей родины поэт отдается весь ее чарующему влиянию, он весь проникается разлитой повсюду родной по крови жизнью: полной грудью пьет он воздух беспредельно раскинутых перед ним полей и в этом воздухе находит источник обновляющих сил. Вся природа в глазах поэта принимает праздничный

вид, всё улыбается ему, всё манит в братские объятия, в святую минуту свидания с милой родиной он забывает, как еще недавно здесь же, полный „мучительных дум“, выносил он тяжелое страданье, обливался кровавыми слезами, как еще недавно из его наболевшей груди вырывались болезненные стоны; но всё прощено, всё исчезло… поэт помнит одно, что он на родине, что он видит то, перед чем привык благоговеть, может быть, в далекое, давно минувшее детство. Тот, кто умеет так чувствовать, может, положа руку на сердце, смело сказать, что он любил и любит свою родину!.. Ни в одном произведении своем Некрасов не являл нам таких образов, какие явил он в „Тишине“» (Св, 1862, кн. 1, отд. «Критическое обозрение», с. 104–105).

Тогда же, истолковывая «Тишину» в почвенническом духе, Ап. Григорьев в статье «Стихотворения Н. Некрасова» связывал ее с предшествующей традицией Пушкина и Лермонтова: «Поставьте в параллель с этою искренностью любви к почве первые, робкие, хотя затаенно страстные, признания великого Пушкина в любви к почве в „Онегине“ — и вы поймете… конечно не то, что „если б не обстоятельства, то Некрасов был бы выше Пушкина и Лермонтова“, а разницу двух эпох

литературы. Припомните тоже полусардоническое, язвительное, но тоже страстное признание почве в любви к ней Лермонтова („Люблю я родину“ и проч.) — и потом посмотрите, до какого высокого лиризма идет Некрасов, нимало не смущаясь» (В, 1862, № 7, отд. II,

Стремление рассматривать поэму как попытку примирения с жизнью имело место и в советском литературоведении (см.: *Евгеньев-Максимов В. Е.* Творческий путь Н. А. Некрасова. М.-Л., 1953, с. 102–103). Иная точка зрения представлена в указанной работе Ю. В. Лебедева (с. 109–111 и др.).

Тяжеле стонов не слыхали Ни римский Петр, ни Колизей! — Собор святого Петра в Риме, главный собор римской католической церкви, выдающийся памятник архитектуры XV–XVII вв. Упоминание всемирно известного римского Колизея, связанного с муками первых христиан, которых там бросали на растерзание диким зверям, и собора святого Петра как места паломничества должно было с особой силой подчеркнуть меру страданий русского народа, приходящего в свой сельский «убогий» храм.

Французов с красными ногами... — Во время Крымской войны в состав французских войск входили отряды зуавов, комплектовавшиеся в

основном из алжирских племен; особенностью их обмундирования были красные шаровары.

Молчит и он… — Слово «он» относится к Севастополю.

…ни ревижских душ… — Ревизская душа — единица учета мужского населения, подлежавшего обложению подушной податью. Существовала в России с 1718 по 1887 г. Лица, с которых взимались подати, включались в особые учетные списки — «ревизские сказки», и поэтому именовались «ревизскими душами».

Коробейники[*]

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 2, с. 187–223, с восстановлением доцензурной редакции ст. 149 по беловому автографу ГБЛ.

Впервые опубликовано: С, 1861, № 10 (ценз. разр. — 5 и 6 ноября 1881 г.), с. 599–620, с подписью: «Н. Некрасов» (перепечатано (без примечаний): Красные книжки. Книжка первая. Коробейники. Сочинил и издал Некрасов. СПб., 1862 (ценз. разр. — 7 ноября 1861 г.)).

В собрание сочинений впервые Бключено: Ст 1861 (перепечатано: 2-я часть всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений»).

Беловой автограф чернилами и карандашом, с датами — в начале текста в верхнем правом углу

(л. 45): «25 августа»; в конце текста: «21 авг. 1861» — и пометой: «Грешнево» (л. 59), — ГБЛ (Зап. тетр. № 4), л. 45–59. Представляет собой первоначальную редакцию поэмы: отсутствуют посвящение, отдельные строфы, авторские примечания к тексту. «Песня убогого странника» дописана, вероятно, позднее; в рукописи указано лишь место, где она должна быть помещена (см.: Другие редакции и варианты, с. 329).

Некоторые недостатки публикации поэмы в издании Ст 1879 были в свое время указаны Н. Г. Чернышевским, который в заметках, приложенных к письму А. Н. Пыпину (от 17 июня 1886 г.), сетовал на то, что редактор (С. И. Пономарев) «испортил текст своими поправками». «Обыкновенный повод к поправкам, — пишет Н. Г. Чернышевский, — подает ему „неправильность размера“; а на самом деле размер стиха, поправляемого им, правилен. Дело в том, что Некрасов иногда вставляет двухсложную стопу в стих пьесы, писанной трехсложными стопами; когда это делается так, как делает Некрасов, то не составляет неправильности. Приведу один пример. В „Песне странника“ (в „Коробейниках“) Некрасов написал:

„Уж я в третью: мужик! Что ты бабу

бьешь?“

В „Посмертном издании“ стих поправлен:

…что ты бабу-то бьешь?

Некрасов не по недосмотру, а преднамеренно сделал последнюю стопу стиха двусложною; это дает особенную силу выражению. Поправка портит стих» (Чернышевский, т. I, с. 751).

Поэма написана в августе 1861 г. Сюжет ее, по свидетельству А. А. Буткевич, Некрасов нашел во время своих охотничьих странствий, «…редкий раз пе привозил он, — вспоминает А. А. Буткевич, — из своего странствия какого-нибудь запаса для своих произведений. Так однажды при мне он вернулся и засел за „Коробейников“, которых потом при мне читал крестьянину Кузьме» (ЛН, т. 49–50, с. 177). «Крестьянин Кузьма» — Кузьма Ефимович Солнышков, вместе с Гаврилой Яковлевичем Захаровым был постоянным спутником Некрасова на охоте в Ярославской губернии. По словам сына Г. Я. Захарова, сюжет поэмы был подсказан самим Гаврилой Яковлевичем. Корреспондент «Костромского листка», беседовавший с И. Г. Захаровым, сообщал: «Однажды на охоте с Гаврилой Некрасов убил бекаса, а Гаврила в тот же момент — другого, так что Некрасов не

слыхал выстрела. Собака, к его удивлению, принесла ему обоих бекасов. „Как, — спрашивает оп Гаврилу, — стрелял я в одного, а убил двух?“ По этому поводу Гаврила рассказал ему о двух других бекасах, которые попали одному охотнику под заряд. Этот случай дал повод для рассказа об убийстве коробейников, которое произошло в Мисковской волости.

Два бекаса нынче славные
Мне попались под заряд!

Другие подробности, например о Катеринушке, которой приходилось

Парня ждать до Покрова,

основаны на рассказах Матрены, жены Гаврилы, теперь тоже умершей, которая так же сидела в одиночестве, как и Катеринушка» (Костромской листок, 1902, № 140).

Реальную историю убийства коробейников в Мисковской волости, ставшую своеобразным преданием, записал со слов И. Г. Захарова А. Попов уже в 1920-е гг.: «Охотник этот был Давыд Петров из деревни Сухоруковой. Он встретил в своей деревне коробейников, направлявшихся прямиком через болота в село Закобякино Яро-

славской губернии, „надумал“ их убить, чтобы забрать деньги, и проследил в лесу. Коробейники поняли, что не к добру оказался среди них как будто недавно виденный человек с ружьем, и просили оставить их. Когда Давыд убивал, то пастушок слышал выстрелы и крики. После убийства Давыд затащил одного убитого на дерево, другого спрятал под корни» *(Попов А.* Костромская основа сюжета «Коробейников» Н. А. Некрасова. — В кн.: Ярославский альманах. Ярославль, 1941, с. 195).

Поэму Некрасов посвятил Г. Я. Захарову; в издании 1861 г. посвящение нарочито оформлено как традиционное посвящение какому-либо высокопоставленному лицу. Этим подчеркивалось общественное значение факта посвящения народной поэмы простому русскому крестьянину.

Задумав целую серию книг для народа («Красные книжки»), Некрасов первой в этой серии издает поэму «Коробейники». Он сам позаботился о наиболее широком распространении ее среди народа. В марте 1882 г. по предварительной договоренности он посылает мстерскому книготорговцу И. А. Голышеву экземпляры «Красной книжки» и сопровождает посылку письмом: «Посылаю Вам 1500 экземпляров моих стихотворений, предназначающихся для народа. На

обороте каждой книжечки выставлена цена — 3 копейки за экземпляр, — потому я желал бы, чтобы книжечки не продавались дороже: чтобы из 3-х копеек одна поступала в Вашу пользу и две в пользу офеней (продавцов). - таким образом, книжка и выйдет в три копейки, не дороже. После Пасхи я пришлю к Вам еще другие, о которых мы тогда и поговорим» (письмо от 28 марта 1862 г.). Издание «Красных книжек» прекратилось в связи с цензурным запрещением в 1863 г. на второй книжке, в которую вошли «Бобыль Скородум», «Забытая деревня», «Огородник», «Школьник», «Городская кляча». Некрасовские книжки предполагал распространять среди крестьян и М. Е. Салтыков-Щедрин. Собираясь весной 1863 г. в свое имение Витинево под Москвой, в письме от 11 мая 1863 г. он спрашивал И. А. Панаева: «…нет ли у Вас „Красных книжек“ Некрасова 1-й и 2-й, если есть, то пришлите мне по 30 экземпляров каждой» (Салтыков-Щедрин, т. XVIII, кн. 1, с. 276).

Поэма была написана Некрасовым в то время, когда революционеры-демократы пытались найти наиболее действенные формы сближения с народом. Поэт стремился к созданию народной поэмы в «пропагандистском духе», доступной крестьянину. Агитационный характер поэмы

был хорошо понят современниками Некрасова. «Песню убогого странника», например, цитировал в феврале 1862 г. А. И. Герцен на страницах «Колокола» в своей статье «Мясо освобождения»: «…оказалось, что у народа именно мяса-то на костях мало, да до того мало, что он на все реформы, революции, объявления прав отвечал:»

Голодно, странничек, голодно!

Холодно, родименький, холодно!

(Герцен, т. XVI, с. 28).

Н. Г. Чернышевский, говоря о необходимости коренным образом изменить положение народа, также обращался к некрасовскому тексту. В статье «Не начало ли перемены?» по поводу «Песни убогого странника» он писал: «Жалкие ответы, слова нет, но глупые ответы. „Я живу холодно, холодно“. — А разве не можешь ты жить тепло? Разве нельзя быть избе теплою? — „Я живу голодно, голодно“. — Да разве нельзя жить тебе сытно, разве плоха земля, если ты живешь на черноземе, или мало земли вокруг тебя, если она не чернозем, чего же ты смотришь? — „Жену я бью потому, что рассержен холодом“. — Да разве жена в этом виновата? — „Я в кабак иду с голоду“. — Разве тебя накормят в кабаке? Ответы твои понятны

только тогда, когда тебя признать простофилею. Не так следует жить и не так следует отвечать, если ты не глуп» (Чернышевский, т. VII, с. 874). «Песню убогого странника» использовал и Д. И. Писарев в своих «Физиологических картинах» (1862), описывая невыносимое положение русского крестьянина: «Преждевременная дряхлость и частые болезни, безотрадная жизнь и ранняя смерть — вот что достается на долю голодного бедняка, работающего через силу <…>

Голодно, странничек, голодно,

Голодно, родименький, голодно! —

отвечают прохожему в „Коробейниках“ Некрасова луга, звери и мужики, у которых этот прохожий спрашивает причину их бедствий и горестей. Этот страшный по своей простоте ответ сменяется другим ответом, не менее выразительным:

Холодно, странничек, холодно,

Холодно, родименький, холодно.

И в этих двух ответах сказано столько, сколько не выскажешь десятью поэмами.

Голод и холод! Этими двумя простыми причинами объясняются все действительные страдания

человечества, все тревоги его исторической жизни, все преступления отдельных лиц, вся безнравственность общественных отношений» (*Писарев Д. И.* Полн. собр. соч. в 6-ти т., т. И. СПб., 1909, с. 364–365).

Тема преступления в народной среде, лежащая в основе поэмы, в 1860-е гг. приобретает особо острое звучание. Революционеры-демократы объясняли поступки людей их социальным положением, преступления в народе — условиями его быта. Вскрывая причины преступлений, Некрасов стоит на позициях революционных демократов (см. об этом: *Евгеньев-Максимов В.* Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова, т. III. М., 1952, с. 195–196; *Груздев А. И.* О фольклоризме и сюжете поэмы Н. А. Некрасова «Коробейники». — Некр. сб., III, с. 110–112).

Современная критика по-разному встретила появление поэмы. Раздавались упреки в художественной слабости произведения (РИ, 1861, № 289; Д. Аверкиев), в отсутствии «художнического таланта» и незнании народной жизни (ОЗ, 1861, № 12, с. 104; С. С. Дудышкин). Однако большинство отзывов о поэме содержало высокую оценку «Коробейников». «Песня убогого странника» привлекла особое внимание. «Дух захватывает

от этой страшной, громадной силы! — писал В. В. Крестовский. — А между тем что может быть безыскусственнее и проще этой песни. Но простотой-то она и сильна. Это великая и грозная своим величием простота. <…> она вылилась непосредственно из души как один вопль нашей всеобщей великой скорби!» (РСл, 1861, № 12, с. 66–67). «Одной этой поэмы, — писал в 1862 г. А. А. Григорьев, — было бы достаточно для того, чтобы убедить каждого, насколько Некрасов поэт почвы, поэт народный, т. е. насколько поэзия его органически связана с жизнью» (В, 1862, № 7, с. 42). На рассказ о крестьянине, по ошибке посаженном в острог, обратил внимание в своих публичных лекциях О. Ф. Миллер. Он также выделил «печальную песню странника», которая, по его словам, «и сама по себе должна быть отнесена к лучшим произведениям Некрасова» (Публичные лекции Ореста Миллера. Изд. 2-е. СПб., 1878, с. 328). «Лучшей народной поэмой Некрасова» считал «Коробейников» П. Ф. Якубович-Мельшин *(Мельшин Л. (Якубович П. Ф.).* Очерки русской поэзии. СПб., 1904, с. 171).

Поэма легла в основу либретто оперы Н. Н. Миронова «Коробейники» (первая постановка — Ташкент, 1901) и вдохновила многих ком-

позиторов на создание песен: «Хорошо было детинушке…» (Я. Ф. Пригожий, 1888), «Ой, полна, полна коробушка…» (Я. Ф. Пригожий, А. Н. Чернявский, 1898; А. Дагмаров, 1903; В. С. Ружицкий, 1905), «Песня убогого странника» (Н. А. Маныкин-Невструев, 1913).

Эпиграф к гл. I — стихи из распространенной плясовой песни «Во саду ли, в огороде» (см., например: Собрание русских народных песен с их голосами на музыку положил Иван Прач. М., 1790, № 32). *Кумач* — бумажная ткань алого, иногда синего цвета. *Китайка* — гладкая бумажная ткань, обычно желтая, первоначально вывозилась из Китая.

Дал ей ситцу штуку целую… — Имеется в виду определенной длины рулон фабричной ткани.

Полуштофик — половина штофа, четырехугольной с коротким горлом водочной бутылки объемом около 1 л.

Покров — осенний церковный праздник после уборки урожая (1 октября ст. ст.), к которому приурочивались свадьбы.

Эпиграф к гл. II — один из припевов офеней. Ср. знаписи аналогичных текстов (наст. изд., т. III, Другие редакции и варианты, с. 323).

Новины — небеленый холст ручного произ-

водства.

Вожеватые — здесь: обходительные, приветливые.

Миткаль — небеленый ситец; *плис* — хлопчатобумажный бархат.

Старый Тихоныч так божится... — Ср.: «Без божбы на продашь»; «Не побожившись и иглы не продать» (Пословицы рус ского народа. Сб. В. Даля. СПб., 1862, с. 572).

Исполать — хвала, слава.

Кутейники — народное прозвище церковников. Кутья — вареное зерно с медом или изюмом, приносимое в церковь на панихиду или подаваемое за столом на поминках.

Эпиграф к гл. III — своеобразная фольклорная формула, характерная для былины с сюжетом «Добрыня и Алеша Попович» (ср.: «Если хошь добра, так пей до дна, А не хошь добра, так не пей до дна!» — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, ч. 1. М., 1861, с. 169; «Буде хошь добра, так пей до дна, А не хошь добра, так не пей до дна» — там же, с. 145; «Буде пьешь до дна, так видаешь добра, А не пьешь до дна, так не видаешь добра» — там же, с. 137).

Ст. 130. *Не обманешь — не продать!* — Ср.: «Не солгать, так не продать» (Пословицы русского

народа, с. 572). Ст. 177, 179. *Подоконники, балахонники* — здесь: нищие. Эпиграф к гл. IV — строки из распространенной плясовой песни. Ср.:

Навалила ты на рыло
И румяна и белила,
Ай барыня, барыня,
Сударыня барыня!

(Колесницкая И. М. Художественные особенности поэмы Н. А. Некрасова «Коробейники». — Вестник Ленингр. гос. ун-та, 1954, № 3, с. 144).

Косуля — соха или легкий плуг с одним лемехом.

И в свиное ухо складывал Полы свиточки своей... — народная насмешка над мусульманами, которым Коран запрещает употреблять в и ищу свиное мясо.

Кашпирята — Кашпировы, ярославские помещики; *Зюзенята* — Зюзины, костромские помещики.

Борзители — борзятники, охотники с борзыми собаками.

Встрелось нам лицо духовное — Хуже не было б греха. — По народным приметам, встреча со священником сулит несчастье, неприятность. Ср.: «Поп, да девка, да порожние ведра — дурная

встреча» (Пословицы русского народа, с. 1049).

Эпиграф к гл. V — *Гогулино* — бывшая деревня отца Некрасова, находившаяся недалеко от Грешнева.

То кочажником, то бродами. — Кочаншик — болотистая, с кочками, местность.

Ноли три версты обходами, Прямиками будет шесть! — Ср.: «Около четыре, а прямо — шесть» (Пословицы русского народа, с. 602).

Бабы их клюкою меряли... — Ср.: «Меряла старуха клюкой, да махнула рукой (о проселочной дороге)» (Пословицы русского народа, с. 603).

Эпиграф к гл. VI — устойчивая фольклорная формула эпических песен с сюжетами «Добрый молодец неудачливый и речка Смородинка» и «Горе» (см.: Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, ч. 1, с. 468 и 471).

Труба — название села вымышленное.

Шунья — село около Костромы.

Прокурат — шутник, обманщик, притворщик.

Спиридово — село Красносельской волости Костромского уезда.

Давыдово — село Шунгенской волости Костромского Уезда.

Мороз, красный нос[*]

Печатается по Ст 1873, т. II, ч. 3, с. 15–75 (посвя-

щение, ст. 1-49, - по Ст 1873, т. II, ч. 4, с. 248–250).

Впервые опубликовано: первоначальная редакция — В, 1863, № 1 (ценз. разр. — 11 янв. 1863 г.), с. 302–305, под заглавием: «Смерть Прокла», с подписью: «Н. Некрасов»; окончательная редакция (без ст. 1-49) — С, 1864, № 1 (ценз. разр. — 18 янв. и 10 февр. 1864 г.), отд. I, с. 5–40, под заглавием: «Мороз, Красный нос!», с посвящением: «Посвящаю моей сестре Анне Алексеевне» и подписью: «Н. Некрасов»; ст. 1-49 — Ст, 1869, ч. 4, Прилож.: «Стихотворения 1860-63 годов, не вошедшие в предыдущие издания», с. 242–244, под заглавием: «Сестре (из посвящения к поэме „Мороз, Красный нос“)».

В собрание сочинений впервые включено (без ст. 1-49): Ст 1864, ч. 3, с датой: «1863» (перепечатано: Ст 1869, ч. 3 и Ст 1873, т. II, ч. 3, с той же датой; Р. б-ка, с датой: «1865»; как отдельная книга для народного чтения, СПб., 1870).

Набросок из двадцати стихов (соответствующих гл. I и II), чернилами, на одной стороне листа, с незначительными поправками, под заглавием: «По дороге зимой», без даты, непосредственно после текста «Коробейников», имеющего дату: «25 авг. 1861 г.», и перед стихотворением «Литература с трескучими фразами…», относящимся к

1862 г., - ГБЛ (Зап. тетр. № 4, л. 60).

Наборная рукопись — ГПВ, ф. 514, № 2, л. 1-32. Первоначальный вариант поэмы написан чернилами, позднейшие вставки — карандашом и чернилами на отдельных листах, помеченных буквами («А», «Б», «АА» и т. д.), с указанием страниц, к которым они относятся. Перед текстом дата: «21 августа 1863» и помета: «На пароходе от Нижнего». Впоследствии дата, помета и эпилог вычеркнуты карандашом. Рукопись подписана: «Н. Некрасов», имеет пометы Некрасова, предназначавшиеся для наборщика: «Оставь!» (л. 2), «Здесь набирать вставку АА» (л. 27) и др.

Набросок «Посвящения», карандашом, среди недатированных прозаических и стихотворных заметок, — ИРЛИ, ф. 203, № 42, л. 7. Поскольку отдельные строки этих заметок использованы в «Медвежьей охоте», возможно предположить, что набросок «Посвящения» написан не позднее 1867 г.

Посвящение перед текстом поэмы впервые было помещено в Ст 1879. Редактор этого издания С. И. Пономарев сделал примечание о том, что «Посвящение» «ныне помещается на своем месте по указанию поэта» (там же, т. IV, с. LXVI). Вероятно, С. И. Пономарев располагал экземпляром,

где Некрасовым были сделаны соответствующие указания. А. А. Буткевич напомнила С. И. Пономареву: «Не забудьте Посвящение мне поставить перед поэмой „Мороз“» (ЛН, т. 53–54, с. 176). Сам Некрасов, печатая «Посвящение» отдельно, оставлял его, однако, во всех изданиях в разделе «Приложений». Это дает нам некоторые основания думать, что место данного текста не было им определено окончательно, но что он предполагал поместить его перед поэмой, о чем, вероятно, и упоминает С. И. Пономарев. Отмечалось, что по своему настроению и поэтическому стилю «Посвящение» органически сочетается с финалом поэмы (см. об этом: *Гаркави А. М.* Структура повествования в поэме Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос». — В кн.: Вопросы сюжетосложения. 3. Рига, 1974, с. 81).

Первоначальная редакция (опубликованная в журнале «Время») состояла из гл. I, II, VI и VII основного текста; для нее характерны фрагментарность и незавершенность. Она легла в основу первой части окончательного варианта поэмы. Время работы над него определяется Ф. И. Евниным как декабрь 1862 г. (см.: Некр. сб., III, с. 59–61). Следует, однако, заметить, что, исходя из положения наброска «По дороге зимой» в Зап. тетр. № 4

(см. выше), замысел поэмы можно датировать периодом ранее декабря 1862 г. Осенью 1862 г. (с августа до начала октября) Некрасов жил в Карабихе, откуда выезжал в Ярославль к больному отцу. В конце ноября он снова был у отца, затем провел некоторое время в Новгородской губернии. Впечатления от зимней деревни, вероятно, и легли в основу картин, изображенных в первоначальной редакции поэмы. Окончательная редакция создавалась в конце августа 1863 — начале января 1864 г. Как отмечает Ф. И. Евнин, дата «21 августа 1863 г.», стоящая под «Эпилогом» в наборной рукописи, относится к более раннему варианту поэмы, а не к ее окончательной редакции. Начав работу над поэмой в 1862 г. (набросок и первоначальный вариант), Некрасов продолжал ее в течение 1863 г., создав к 21 августа второй вариант с «Эпилогом» и назвав его «Смерть крестьянина». В августе 1863 — начале января 1864 г. он завершает работу, внося во второй вариант существенные изменения и дополнения. В окончательную редакцию не вошел «Эпилог» (впервые опубликован: Некрасовский сборник. Ярославль, 1922, с. 82–83), для нее были написаны сны Дарьи, а также ст. 1021–1037, дописаны гл. III–IV, XX–XXVIII. Таким образом, в

дополнение к прежней теме (смерть крестьянина) органически вводится новая — мужество и духовная красота русской женщины из народа. Это придало окончательному варианту поэмы более глубокий смысл. В нем Некрасов делает и другие, более частные вставки и исправления; кроме того, он меняет название поэмы.

18 февраля 1864 г. Некрасов читал «Мороз, Красный нос» на вечере Литературного фонда. Поэт обратился к слушателям с небольшим вступлением, в котором, по словам писателя П. Д. Боборыкина, объявил, что «его новое произведение *не имеет никакой тенденции*, почему он и просит слушателей не подозревать в нем <…> никакого служения направлению. Мне хотелось, — сказал г. Некрасов, — написать несколько картинок русской сельской жизни; я попытался изобразить судьбу нашей русской женщины; я прошу внимания слушателей, ибо „если они не найдут в моей поэме того, что я задумал, они ничего в ней не найдут“» (Бдч, 1804, № 2, с. 68). В представлении ряда критиков того времени «тенденция» предполагала нарочитый показ лишь темных сторон народного быта, безысходного народного горя. Обращая внимание слушателей на отсутствие в поэме подобной тенденции, Не-

красов подчеркивал, что крестьянская жизнь изображена им такой, какой она является в действительности.

С точки зрения описания народной жизни интересно сопоставление поэмы Некрасова с очерком-фельетоном Салтыкова-Щедрина «Деревня зимою» (С, 1864, № 2, отд. II, с. 201–236), опубликованным в разделе «Наша общественная жизнь» и направленным против умиления крестьянской жизнью, которым, например, был проникнут очерк В. В. Селиванова «Год русского земледельца» (Рус. беседа, 1856, т. II, IV; 1857, т. III, IV), представлявший собой, по словам Салтыкова-Щедрина, «рассыченную на патоке идиллию». Опираясь на статистические данные, Салтыков-Щедрин показывает тяжесть труда крестьянина, вынужденного заниматься зимним извозом. Этнографические зарисовки писателя по существу совпадают с картинами из гл. XI и XII поэмы. Крестьянин в извозе, — пишет Салтыков-Щедрин, — «во время вьюги обязывается идти пешком за возом и вязнуть в снегу <…> и при этом плохо защищен от нападений ветра ветхим и малозащищающим полушубком <…> Путник этот на каждом шагу обязывается думать о том, как бы малосильная лошаденка его не стала в

тупик и не повалила бы воза, и о tow, что, когда повалится этот воз, ему надобно будет выжидать проезжих и с помощью их поднимать этот воз. Я даже полагаю, что этот путник совсем ни об чем не думает, а просто проклинает и вьюгу, и горькую долю, которая выслала его в эту стыть за ворота» (С, 1864, № 2, с. 207). Внутренняя полемика и самой поэмы с очерком Селиванова так же очевидна (см. об этом: *Колесницкая И. М.* Из творческой истории поэмы Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос». — Некр. сб., III, с. 328–332).

В то же время, как отмечал В. В. Гиппиус, в некрасовских картинах тяжелой деревенской страды «заложены те возможности, которые обещают не только веселую работу кольцовского пахаря, но и труд будущего человечества, о чем мечтал Чернышевский), когда писал свой четвертый сон Веры Павловны» (ЛН, т. 49–50, с 39). Эстетическая позиция Некрасова смыкается с принципами Чернышевского, сформулированными в работе «Эстетические отношения искусства к действительности». В центре поэмы характер, воплощающий понятие о прекрасном, как оно представляется самому народу. Красота, величие души, исключительное трудолюбие, терпение составляют главные черты этого харак-

тера. Отсюда оптимистическое звучание поэмы, несмотря на трагизм ситуации, в ней изображенной. Теплоту чувства, которое наполняет произведение, особо отмечал сын декабриста G. Г. Волконского — М. С. Волконский, связанный с поэт м долгими годами дружбы. «Сейчас я прочел Ваш „Мороз“. -писал М. С. Волконский 20 февраля 1864 г. — Он пробрал меня до костей, и не холодом — а до глубины души тем теплым чувств м, которым пропитано это прекрасное произведение. Ничто, до сих пор мною читанное, не потрясло меня так сильно и глубоко, как Ваш рассказ, в котором нет ни одного слова лишнего: каждое так и бьет вас по сердцу. Все это как нельзя более знакомо и близко мне, до 25-летнего возраста то и дело переезжавшему из деревни в деревню, от одного мужика к другому. Художественность we, с которой изложен Ваш рассказ, а главное теплота чувства, которым оп дышит, — просто перевернули меня. Дайте мне возможность поделиться им с моим отцом, доказавшим на деле, как он любит русского мужика» (цит. по: *Евгеньев-Максимов В.* Некрасов как человек, журналист и поэт. М.-Л., 1928, с. 309). К образу Дарьи, воплощающему жизнеутверждающие начала, мысленно возвращался сам поэт в предсмертные

дни: «Недуг меня одолел, но Муза явилась ко мне беззубой дряхлой старухой, не было и следа прежней красоты и молодости, того образа породистой русской крестьянки, в каком она всего чаще являлась мне и в каком обрисована в поэме моей „Мороз, Красный нос“» (ЛН, т. 49–50, с. 167). Широко используя фольклорную эстетику (поэма — одно из самых «фольклорных» произведений поэта), Некрасов подчеркивает трудовую фабулу, наименее ярко выраженную в фольклоре: изображение трудовых процессов, составляющих повседневную, обыденную жизнь крестьянина, не столь характерно для традиционного русского фольклора (некоторое исключение в этом смысле составляют отдельные хороводные, игровые и трудовые песни). Изображение крестьянского труда в поэме, глубоко народное по своей сущности, по-своему как бы обогащает и дополняет фольклорную эстетику. Самые различные фольклорные жанры, к которым обращается Некрасов, дают ему возможность глубоко и верно раскрыть народный характер. В большинстве случаев поэт идет от конкретных текстов, услышанных им или знакомых ому по фольклорным собраниям. Ср., например, причитание по покойнику в записи 1853 г. (Ярославская губерния, Моложский уезд)

со ст. 298–303, 312–315, 318–323 поэмы:

Осударь ты наш, сердечной друг!
С кем ты евту думушку одумал:
Одумал с матушкой — сырой землей,
Сорядзился ты на жицье вековешнёе,
Оставляешь ты нас сирот горькиев…
Уж воскинь-кё, восплесни рукам милыем.
Взгляни-кё ты оцам-це ясныеы,
Роспецатай-кё свое уста сахарные…
Уж умываемся мы не свежой водой,
Уж умываемся мы горюцыем слезам…
Посадили бы за дубовой стол,
Роскинули бы скацерци браные,
Уж наставили бы мы про цея яства сахарного,
Уж не могли бы на цея нагляецися…

(Этнографический сборник. Изд. Рус. геогр. обва, вып. 1. СПб., 1853, с. 160–161).[10]

Причитанию, вводимому в текст поэмы, Некра-

[10] Примечания: 10

См. также: *Прийма Ф. Я.* К характеристике фольклоризма Н. А. Некрасова. — РЛ, 1981, № 2, с, 82–83.

сов придает лишь необходимую «литературную» форму.

Диапазон фольклорных жанров, на которые опирался Некрасов в поэме, широк. Реальные источники поэмы составляют, в частности, народные обычаи, суеверия, заклинания. Так, весьма детально представлены все те способы лечения больного, которые имели место в повседневном крестьянском быту. «Из главнейших врачеваний русских от многих болезней издревле служит баня, по пословице, вторая мать наша. Простой народ наш лечит снегом ознобленные члены, обожженные места держит в горячей воде», — писал И. Снегирев. «К врачебным пословицам русского народа, — указывал тот же автор, — отнести можно заклинания, приговоры или заговаривания от болезней, при вспрыскивании водою с угля, с золы, с глины <…> и т. п.» (Русские в своих пословицах. Рассуждения и исследования о русских пословицах и поговорках И. Снегирева, кн. IV. М., 1834, с. 79, 92). Раскрывая душевное состояние Дарьи, бегущей ночью за целительной иконой, Некрасов использует многочисленные приметы, предвещающие, по народным представлениям, непременное несчастье. Все эти поверья и обычаи помогали воссоздать крестьянский быт

во всей его подлинности (см. об этом: Лит-ра в школе, 1966, № 4, с. 77–79).

Несколько ограниченным оказалось, однако, для поэмы значение сказки (см.: Лит. учеба, 1936, № 7, с. 68–69). Образ Мороза в поэме восходит не столько к самой сказке о Морозке, сколько к привычному для крестьянина образу, запечатлевшемуся в загадках, пословицах и поверьях: «Не велик мороз, да краснеет нос»; «Казанские морозы железа не рвут, птицу на лету не бьют, а за пос бабу хватают, мужика за уши щиплют»; «Мороз скачет по ельничкам, по березничкам, по сырым борам, по веретейкам» *(Ермолов А.* Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках, приметах, т. I. СПб., 1901, с. 510); «Кто мост мостил, золотой мостил, без ножа, без топора, без клиньев, без подклинков?»; «Мост мощу без клинья, без вязья, без березья» (Памятники русского фольклора. Загадки. Изд. подгот. В. В. Митрофанова. Л., 1968, № 346, 348). Исключительное по художественной силе проявление народной фантастики отмечал в образе Мороза А. В. Луначарский: «Достаточно только вспомнить взлет народной фантастики в появлении воеводы Мороза в великой, изумительной поэме Некрасова этого имени. Какая удаль, какая

ширь, какой демонизм!» (*Луначарский А. В.* Собр. соч., т. I. М., 1963, с. 218).

Появление поэмы вызвало многочисленные журнальные отклики. Современная критика, расходясь в оценке принципиальных сторон творчества Некрасова, признавала, однако, большие художественные достоинства поэмы. В журнальных обзорах отмечались глубокое знание поэтом народной жизни, верное ее изображение, любовь к народу, гражданственность звучания поэмы (РСл, 1864, № 10, В. А. Зайцев; Бдч, 1864, № 2, П. Д. Боборыкин; Сев. сияние, 1865, т. IV, В. Р. Зотов), художественность, умение проникнуть в мир русской природы (День, 1864, 28 ноября, № 48, Н. В.-Н. М. Павлов), страстность служения тем идеалам, которые разделялись лучшими людьми того времени (Бдч, 1864, № 9, Е. Эдельман). Критика указывала, что поэма принадлежит «к числу лучших произведений русской поэзии, которыми она всегда будет гордиться» (Сев. сияние, 1865, т. IV, вып. 2, с. 36, В. Р. Зотов). Вместе с тем по поводу нового произведения Некрасова в критике возникали и острые споры. Литературный обозреватель славянофильского «Дня» Н. М. Павлов, разбирая поэму, приходил к выводу: «В целой нашей литературе нельзя бы привести образчиков

еще более беспощадной иронии, еще злейшего отрицания, как те, какими наполнены заключительные строфы поэмы. <…> Не есть ли это буквальное, положителтнейшее nihil самого отчаянного скептицизма? Нет, как бы г-н Некрасов ни прикидывался народным поэтом, но свежей струи русской народности прежде всего и не слыхать в его поэзии, именно народных-то струн и недостает его лире» (День, 1864, 24 окт., № 43). Н. М. Павлов усмотрел в печали поэта о тяжкой доле русского народа эгоистическую тоску, ничего общего но имеющую с жизнью народа и исходящую из «мутных источников души человеческой». С острой публицистической заметкой в защиту Некрасова выступил в «Русском слове» В. А. Зайцев. Он высоко оценил новую поэму. Отстаивая право писателя на выражение протеста («Всякое отрицание есть вместе с тем положительное желание, чтобы прекратилось то положение, против которого я протестую»), Зайцев подчеркивает, что Некрасов не только протестует, но и воссоздает народный идеал. «Идеал этот построен на идеях любви и благосостояния и выражен в самой осуществимой форме» (РСл, 1864, № 10, с. 82). Процитировав отрывок из поэмы, рисующий второй сон Дарьи, критик отмечает, что эта «картина

есть самый полный идеал счастья, какой только могла создать фантазия крестьянки» (там же, с. 84). «Но кто не причастен филистерству и пошлости кружков, — говорит далее критик, — тот, прочитав предсмертный бред Дарьи, поймет, что, насколько силен протест, настолько же высок и идеал, помещенный рядом с портретом или, лучше, в нем же самом» (там же, с. 85). Идеал этот, считает Зайцев, безнадежно далек от существующей действительности: «…если бы в минуту смерти крестьянке грезилось ее действительное прошлое, то она увидела бы побои мужа, не радостный труд, не чистую бедность, а смрадную нищету. Только в розовом чаду опиума или смерти от замерзания могли предстать перед нею эти чудные, но никогда не бывалые картины…» (там же). Статья Зайцева дала повод «Эпохе» вступить в спор с «Русским словом». Некрасов «изобразил живущую в полном ладу чету мужа и жены, — писал Н. Н. Страхов. — „Как можно! — возражает ему критик, — ваш Прокл непременно бил свою жену“. Г-н Некрасов представил картину радостного труда, чистой бедности. „Как можно! — возражает критик: все это одна мечта, я знаю твердо, что они жили *в смрадной нищете*“. Г-н Некрасов изобразил счастливые минуты крестьянского

семейства, полного взаимной любви. „Как можно! — восклицает критик: я ведь знаю, что ни любви, ни счастливых минут у них вовсе нет“». «Очень может быть, — иронически замечает далее Н. Н. Страхов, — что критику кажется одной фантазией, одним идеалом даже то, как Савраска „В мягкие добрые губы Гришухино ухо берет“. Вот если бы Савраска откусил ухо у Гришухи, тогда это было бы ближе к действительности и не противоречило бы некрасовской манере ее изображать» (Эпоха, 1864, № 11, с. 4–5). Возникший спор по существу велся уже по проблемам более общим, нежели степень достоверности изображения действительности в поэме (отвечает ли жизненной правде сон Дарьи, или он выражает недостижимый идеал). Спор затрагивал основную проблему того времени, проблему народа и его судьбы. Современники хорошо понимали это обстоятельство. Так, В. Р. Зотов подчеркивал, что «в этих двух мнениях видны, конечно, тенденции обоих журналов» (Сев. сияние, 1865, т. IV, вып. 2, с. 36).

К поэме писали музыку: П. И. Бларамберг (1897), Н. И. Фи-лапповский (1900), В. И. Ребиков (1902), А. Т. Гречанинов (1908), Ц. А. Кюи (1912), А. Е. Лозовой (1913).

Две пары промерзлых лаптей… — По обычаю, покойника не только обували в новые лапти (ср. ст. 268–271: *Лежит ~ В широкой рубахе холщовой И в липовых новых лаптях),* но в клали в гроб «запасную» пару лаптей (см.: *Смирнов В.* Народные похороны и причитания в Костромском крае. — Тр. Костромск. научн. об-ва по изучению местного края, вып. 15. Кострома, 1920, с. 29). Указано Ю. В. Лебедевым в докладе «О подлинных и мнимых загадках в поэме „Мороз, Красный нос“» на XXI Некрасовской конференции в январе 1982 г. в Ленинграде.

Водой с девяти веретен… — По наблюдению И. П. Сахарова, в народе для лечения болезни сбрызгивают водой, «собранною из девяти колодцев, осыпают золою, собранною из семи печей…» (Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым, т. I, кн. 2. СПб., 1841, с. 53). Как отметил Ю. В. Лебедев в указанном выше докладе, «девять веретен» следует здесь понимать как девять колодцев, так как веретеном в Костромской губернии назывался и поперечный вал колодца, на который наматывалась цепь с прикрепленной к ней бадьей.

Ходебщик — имеется в виду либо торговец-разносчик, коробейник или офеня, либо вожатый

дрессированного медведя.

Из белой холстины платок. — Наряду с черными русские крестьянки в знак скорби покрывали голову и белыми платками (см.: *Лебедев Н.* Быт крестьян Тверской губернии. — Этнографический сб., вып. 1. СПб., 1853, с. 192). В христианской символике белый цвет — символ причастности it лику святых и блаженных (ср. ст. 808: *Только покойница в белом была...).* В русском же фольклоре и сама Смерть может быть одета в белый платок («Тяп-тяпком под белым платком» — Пословицы русского народа. Сб. В. Даля. СПб., 1862, с, 351).

Пени — укоры, упреки.

Ночью я косу клепала... — Клепать — отбивать (затачивать).

Спасов день — название трех церковных праздников в августе, связанных в народном сознании с уборкой урожая: первый Спас — медовый, второй Спас — яблочный, третий Спас — дожиночный.

Заяц спрыгнул из-под кочи ~ Перебежать мне дорогу! — Ср. народную примету: «Заяц дорогу перебежал — неудача» (Пословицы русского народа, с. 1049).

Залотошила — заговорила быстро, громко и бестолково.

К утру звезда золотая ~ Вдруг сорвалась и упала… — По народным представлениям, падающая звезда означает смерть какого-либо человека (см., например: Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым, т. II, кн. 7. СПб., 1849, с. 14).

Дунул господь на нее… — А. Н. Афанасьев говорит о существовании поверья, по которому «вечером всякий ангел зажигает свою звезду, как лампаду, а перед рассветом тушит ее. Ввезды простой народ называет *божьими огоньками…» (Афанасьев А.* Поэтические воззрения славян на природу, т. I. М., 1865, с. 177).

Ворон сидит на кресте волоченом… — Ср. народную примету: «Ворон каркает на церкви — к покойнику на селе…» (Пословицы русского народа, с. 1032).

К дымящейся риге своей… — Рига — крытый ток для сушки снопов с приспособлением для обогрева.

В ней дольнего счастья предел. — Дольний — здесь: земной, человеческий.

Дедушка[*]

Печатается по Ст 1873, т. III, ч. 5, с. 171–195, с исправлением опечатки в ст. 317 по черновому автографу и первой публикации я восстановлением ст. 346–349 по черновому автографу.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1870, № 9 (выход в свет — 15 сент. 1870 г.), с. 241–254, без даты, с подписью: «Н. Некрасов» (перепечатано: Ст 1873, ч. 5, с. 165–189, где в оглавлении названо: «Дедушка, поэма (1857 год),»).

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1873, т. III, ч. 5, с датой: «1870».

Черновой автограф, карандашом, с датой: «30 июля/8 авг<ус-та 1870>» — ГБЛ, ф. 195, оп. I, № 5748, л. 1–8. Обнаружен и впервые описан К. И, Чуковским (Известия, 1926, 8 ноября, № 276), Судя по этому автографу, произведение первоначально состояло из двух частей. Первая часть, обозначенная цифрой I, включала главки I–VIII (с нумерацией арабскими цифрами) и главку IX (без номера), продолжением которой служили наброски к главке X. Последовательность главок соответствовала окончательной. Во вторую часть, обозначенную цифрой «2», входили главки X–XIII (первые две не нумерованы, две последние под цифрами «3», «4») и XVI–XXII с нумерацией «5, 6, 7, 8, 9, 10», причем главки XIX и XX были объединены под номером «8». Главок XIV–XV в черновом автографе не было, в остальном последовательность главок в этой части соответствовала окончательной. Повторяюща-

яся нумерация главок двух частей и неверная позднейшая (архивная) нумерация листов автографа послужили причиной ошибочного толкования первоначальной композиции поэмы рядом исследователей — А. Я. Максимовичем, Л. А. Розановой, К. Ф. Бикбулатовой (см. об этом в комментарии С. А. Рейсера к поэме «Дедушка» — ПССт 1967, т. II, с. 652–653). Последовательность заполнения листов автографа установлена С. А. Рейсером в указание 2 работе. Некрасов заполнял листы таким образом (указывается архивная нумерация листов): 1, 1 об., 2, 2 об., 7, 5, 5 об., 6, 6 об., 3, 3 об., 4, 7 об., 8 об.; л. 4 об. остался чистым, на л. 8 находятся наброски к главкам IV, V, VIII (см.: Другие редакции и варианты, с. 338–344).

Как сообщает К. Ф. Бикбулатова, К. И. Чуковский рассказывал ей, что в конце 1920-х гг. видел, кроме указанного чернового автографа, еще два позднейших варианта поэмы, один из которых был, по его мнению, автографом Некрасова. Он был написан чернилами и не содержал отрывка «Взрослые люди не дети…» (см.: Вопросы изучения русской литературы XI–XX веков. М.-Л., 1958, с. 324). В настоящее время местонахождение этого автографа не установлено.

Известна корректура «Отечественных записок»

с пометами цензора и пояснениями В. М. Лазаревского — ЦГАЛИ, ф. 338, оп. 2, № 3.

Датируется периодом между 8 августа и 15 сентября (датой выхода в свет № 9 «Отечественных записок») 1870 г.

Посвящена поэма З-н-ч-е, т. е. Зинаиде Николаевне Некрасовой (Ф. А. Викторовой), гражданской жене Некрасова (подробно о ней см.: *Ломан О. В.* Зинаида Николаевна Некрасова — жена и друг поэта. — Некр. сб., VI, с. 60–84). В посмертном издании (Ст 1879, т. II) сестра поэта А. А. Буткевич вопреки воле автора сняла посвящение (ЛН, т. 53–54, с. 177, 179).

«Дедушка» — одно из первых в русской литературе больших произведений о декабристах, открывающее цикл декабристских поэм Некрасова.

Интерес к декабризму у Некрасова впервые нашел отражение в стихотворении «Поэт и гражданин» (1856) и в поэме «Несчастные» (начата в 1856 г.). Декабристская тема в «Дедушке» непосредственно связана с проблемами, стоявшими перед демократическим движением на рубеже 1870-х гг. (итоги реформы 1861 г., пути и средства революционной борьбы, роль народа в пстории, тип революционного руководителя), с зарож-

дением народничества. Идея преемственности революционной борьбы — ведущая в «Дедушке». Вопросы, поставленные в поэме, Некрасов в какой-то мере пытался решить еще в «Притче» (июнь 1870 г.). Герой «Дедушки» — декабрист, вернувшийся в числе немногих уцелевших из сибирской ссылки в 1856 г. Прототипом его, как принято считать, послужил князь С. Г. Волконский (1788–1865). По мнению Ю. В. Лебедева, «непосредственным творческим импульсом» к созданию поэмы послужила книга С. В. Максимова «Ссылка и тюрьма» (СПб., 1862), где впервые описан быт декабристов в Сибири (см.: *Лебедев Ю. В.* С. В. Максимов и Н. А. Некрасов. — РЛ, 1982, № 2, с. 134–135). В работе над поэмой Некрасов использовал воспоминания декабристов и их современников, в частности «Записки декабриста» барона А. Е. Розена, Лейпциг, 1870 (в главках о Тарбагатае), некрологи С. Г. Волконского в газете «День» от 11 декабря 1865 г. и в «Колоколе» от 3 (15) января 1866 г., л. 212 (автор П. Долгоруков, вступительная заметка А. И. Герцена), устные рассказы сына декабриста М. С. Волконского, а также знакомую ему еще до ее выхода книгу С. В. Максимова «Сибирь и каторга», т. I, СПб., 1871 (см.: РЛ, 1982, № 2, с. 137). Как показыва-

ют новейшие исследования, образ «дедушки» носит собирательный характер, в нем объединены индивидуальные черты разных деятелей декабристского движения. «Присвоив „дедушке“ ряд черт Волконского — вид „патриарха“, генеральский чин, мягкость в незлобивость характера, любовь к общению с мужиками, ребятишками, звавшими его дедушкой, — пишет Р. Б. Заборова, — Некрасов придал своему герою мастерское знание ремесел и хлебопашества, дар песнопения, а главное, страстность и горячность обличений и революционную непримиримость, отличавшие Михаила Бестужева» (РЛ, 1973, № 4, с. 129). Запоздалое прибытие в Петербург летом 1869 г. М. А. Бестужева, сохранившего свой революционный темперамент, знакомство Некрасова (через М. И. Семевского) с содержанием его «Записок» стимулировало, по обоснованному предположению Р. Б. Заборовой, реализацию замысла поэмы «Дедушка» (там же, с. 130).

В работе Некрасова над образом старого декабриста ощущается тенденция возвысить его, придать «дедушке» черты библейского героя-мученика, близкого в то же время идеалам зарождающегося народничества (подробнее об этом см.: *Бикбулатова К. Ф.* Поэма Н. А. Некрасова «Де-

душка» (1870). — В кн.: Историко-литературный сборник. М.-Л., 1957, с. 103–104). Вынужденный исключить из окончательного варианта наиболее острые ст. 346–349, автор в то же время усилил политическое звучание поэмы главками XIV–XV. Посылая 9-10 апреля 1872 г. «Княгиню Трубецкую» В. М. Лазаревскому и предвидя цензурные препятствия, Некрасов сопоставлял ее с «Дедушкой»: «…этот дед в сущности резче, ибо является одним из *действительных* деятелей <…> и притом выведен нераскаявшимся, т. е. таким же, как был».

Поэма проходила цензуру не без трудностей. Как вспоминал Некрасов в том же письме, председатель Петербургского цензурного комитета А. Г. Петров «предубедил» цензурное управление против поэмы. В корректуре ЦГАЛИ отчеркнуты красным карандашом ст. 246–265, 282–285, 302–309, 317–325 и вся главка XVIII (ст. 326–345). Здесь же помета В. М. Лазаревского: «Места, отмеченные красным, цензурн<ое> управление (Похвиснев) требовало исключить, Некрасов отказался». Автору удалось отстоять поэму, она была опубликована без купюр.

Поэма была неприязненно встречена реакционной критикой. В. П. Буренин упрекал автора

за то, что его герой «не стесняется повествовать младенцу о том, как в старые годы помещики пользовались своими крепостными», «говорит о стоне рабов, о свисте бичей и т. п.» (СПбВ, 1870, 8 сент., № 277). С еще более резкими нападками выступил В. Г. Авсеенко. Критик возмущался тем, что поэт решился «эксплуатировать старый исторический факт», искупая тем самым «бедность поэтического творчества» и «прозаичность» (РВ, 1873, № 6, с. 916–917).

В советском некрасоведении поэма «Дедушка» порождала немало споров. Сочувствие автора зажиточному мужику, восхищение физической и духовной красотой тарбагатайцев в 1920-е гг. расценивалось как идеализация кулачества, «помесь толстовской утопии со столыпинской практикой» (см.: *Горбачев Г. Е.* Капитализм и русская литература. М.-Л., 1928, с. 67; *Войтоловский Л.* Очерки истории русской литературы XIX и XX веков. М.-Л., 1928, с. 208–209; *Чуковский К. И.* Рассказы о Некрасове. М., 1930, с. 178–179). Однако благополучие тарбагатайцев создано «волей и трудом» этих людей, тогда как в книге Розена в основе этого благополучия — деньги и эксплуатация беглых каторжан. Несостоятельность обвинения Некрасова в апологии кулачества

доказана А. М. Еголиным (Лит. критик, 1934, № 3, с. 40–41). Расходились мнения и в оценке героя поэмы. Вслед за А. В. Амфитеатровым (Литературный альбом. Пгр., 1906), обвинявшим Некрасом в искажении образа старого декабриста библейскими характеристиками, А. Е. Ефремин писал о вынужденном выпячивании автором идеи примирения *(Ефремин А.* Поэт и массы. М., 1932, с. 60). Принимая этот тезис, Н. М. Гайденков предлагал исключить отрывок «Днесь я со всем примирился…» как автоцензурный вариант (Сов. книга, 1953, № 3, с. 101). С. А. Червяковский, а за ним и другие исследователи показали необоснованность этих утверждений. «Дедушка» «примирился» не с врагами, а с перенесенными им лишениями (см.: Учен. зап. Горьковского гос. под. ин-та, 1955 т. XVI, с. 36).

Сложной остается до настоящего времени проблема канонического текста «Дедушки». В Собр. соч. 1965–1967 ст. 163 напечатан впервые по черновому автографу («Землю да волю им дали»), печатный вариант («Волю да землю им дали») рассматривался здесь как цензурный, принятый автором, чтобы «заглушить лозунг „Земли и воли“» (т. III, с. 12, 408). Та же точка зрения высказана А. М. Гаркави (см.: *Гаркави А. М.* Н. А.

Некрасов в борьбе с царской цензурой. Калининград, 1966, с. 266). Одяако вариант «Землю да волю им дали» был зачеркнут автором уже в чертовом автографе, само же словосочетание «Земля и воля» в конце 1860-х гг. не преследовалось цензурой (см., например, книгу П. Л<илиенфольда> «Земля и воля» (СПб., 1868) и рецензию на нее в № 9 «Отечественных записок» за 1868 г., (с. 78–82)). Много споров вызвали ст. 346–349 («Взрослые люди не дети...»). Признавая исключительное значение этих стихов, изъятых автором из окончательного текста в порядке автоцензуры, К. И. Чуковский долгое время не решался включить их в основной текст (см.: *Чуковский Корней.* От дилетантизма к науке. Заметки текстолога. — Нов. мир, 1954, № 2, с. 243, 250–251). В ПСС эти стихи были введены в качестве замеченного пропуска в раздел «Дополнения и поправки» (т. XII, с. 521), В ближайшем после ПСС издании *(Некрасов Н. А.* Соч. в 3-х т., т. II. М., 1954, с. 57) они наконец вошли в основной текст, однако в издании «Библиотеки поэта» (малая серия — *Некрасов Н. А.* Стихотворения, т. II. Л., 1956) были снова исключены.

Ст. 465, последний («Саша печальную быль...»), в черненом автографе и «Отечественных записках» имел вариант: «Саша великую быль...». В

двух экземплярах Ст 1873, ч. 5, принадлежавших П. А. Ефремову и хранящихся в библиотеке ИРЛИ (шифры: 48.5.3 и 18.1.2), этот первоначальный вариант восстановлен рукой владельца. Н. М. Гайденков (Сов. книга, 1953, № 3, с. 101) выражал сомнения в справедливости принятия варианта Ст 1873, а К. Ф. Бикбулатова предлагала вернуться к первоначальному варианту этого стиха как более удачному (см.: Вопросы изучения русской литературы XI–XX веков, с. 331). Автор изменил последний стих «Дедушки» из соображений художественного порядка, поэтому в настоящем издании печатается вариант, принятый в Ст 1873.

15 апреля 1929 г. в руки Д. Бедного попала старая записная тетрадь, содержащая список расширенного варианта «Дедушки» под названием «Светочи» (дополнения, рассеянные в разных местах, составляют 214 стихов). Под текстом указано имя автора: «Н. Н-въ». Известие о «радостной находке» было опубликовано в «Правде» 17 апреля, а 18 и 19 апреля там же напечатан текст «Светочей», атрибутированный Некрасову. В том же году произведение было издано отдельно (*Некрасов Н. А.* Светочи. Поэма с добавлением неизвестных строф. М.-Л., 1929) с предисловием Д.

Бедного и послесловием А. Ефремина. А. Ефремин доказывал, что Некрасов написал «Светочи» в 1869 г., и отечал близость общественных воззрений автора «Светочей» идеологии С. Г. Нечаева.

Тетрадь, содержащая кроме «Светочей» известные и неизвестные стихи современников Некрасова, различные фольклорные, бытовые, дневниковые задней, принадлежала, но мнению Ефремина, иваново-вознесенцу Федору Самыгину (это имя стоит на лицевой стороне передней обложки тетради). Через П. Е. Щеголева записная тетрадь была передана ленинградскому судебному эксперту А. А. Салькову для научно-технического исследования давности бумаги и чернильных текстов рукописи. После двухнедельного изучения записной тетради в октябре-ноябре 1929 г. д. Д. Сальков представил заключение о том, что тетрадь изготовлена из бумаги 1870-1880-х гг., записи сделаны кампешевыми чернилами либо в 1924–1927 гг., либо, «в самом крайнем случае, после Февральской революции». Текст заключения был передан П. Е. Щеголеву, машинописная копия его сейчас находится у С. А. Рейсера. Тщательный текстологический анализ тетради был произведен С. А. Рейсером. Исследователь установил, что

Некрасов не мог быть автором 214 стихов, дополняющих «Дедушку» в «Светочах». Вместе с тем он указал, что «невозможно, чтобы кто-либо, даже и с заранее обдуманным намерением, мог настолько тонко и ловко подобрать значительное количество мелких бытовых деталей и фактов 1870-х годов прошлого столетия, нуждающихся для своего вскрытия и дешифровки в сложной и кропотливой работе» *(Рейсер С. А.* Новооткрытые строки Некрасова. — Лит-ра и марксизм, 1929, № 6, с. 147). По мнению С. А. Рейсера, «Светочи» и другие стихи в записной тетради относятся к середине или второй половине 1870-х гг. Автором «Светочей», указыввл исследователь, мог быть революционный поэт 1870-х гг. — эпигон Некрасова.

По словам К. И. Чуковского в письме к С. А. Рейсеру от 28–29 июня 1960 г., в начале 1930-х гг. писатель А. Каменский сообщил ему, что он с неким Швецовым или Шевцовым (К. И. Чуковский точно не помнил) написали в течение двух дней «Светочи» и продали в букинистический магазин, где часто бывал Д. Бедный (содержание заключения А. А. Салькова и текст письма К. И. Чуковского опубликованы С. А. Рейсером в ПССт 1967, т. II, с. 654–655, и в его книге «Палео-

графия и текстология нового времени», М., 1970, с. 243–245). Каменский в начале 1930 г., отрицая свою причастность к появлению «Светочей», обвинял в подделке писателя и художника Е. И. Вашкова и его отца. В это же время в защиту принадлежности «Светочей» Некрасову выступил А. Е. Ефремин (Известия ЦИК, 1930, 13 янв., № 13; Лит-ра и марксизм, 1930, № 2). «Светочи» были включены К. И. Чуковским в ПССт 1931.

«Загадка „Светочей“, — писал Д. Бедный известному ивановскому краеведу И. И. Власову в 1934 г., - крайне любопытна даже при самом скептическом отношении к тому, что их писал Некрасов. Уже один тот факт, что „Светочи“ территориально связаны с Некрасовым, говорит о чем-то. Странная „подделка по соседству“» (цпт. по: *Розанова Л. А.* Н. А. Некрасов и русская рабочая поэзия. Ярославль, 1973, с. 27). В мае 1937 г. Д. Бедный передал записную тетрадь *со* «Светочами» И. И. Власову. В настоящее время тетрадь хранится в ЦГАЛИ, ф. 1884, оп. 1, № 72. Вопрос о происхождении «Светочей» остается спорным до настоящего времени. С. А. Рейсер в последних работах рассматривает «Светочи» как фальшивку, сфабрикованную не ранее 1917 г., Л. А. Розанова — как подражательное произведение, возник-

шее в среде иваново-вознесенскнх почитателей Некрасова (см. указ. выше работы, а также: РЛ, 1981, № 1, с. 251).

Встретили старого вдруг... — Последнее слово в архаическом значении «все вместе».

Горсточку русских сослали В страшную глушь, за раскол. — В 1733 г. Анна Иоанновна, а потом в 1767 г. Екатерина II сослали на сибирскую речку Тарбагатай раскольников из Дорогобужа и Гомеля с разрешением выбрать место в лесу по течению Тарбагатая и поселиться деревней (см.: *Розен А. Е.* Записки декабриста, с. 248). Ныне Тарбагатай — село Улан-Удинского района Бурятской АССР. Перечень текстуальных совпадений в «тарбагатайских» главках «Дедушки» с соответствующими местами у Розена и С. В. Максимова см.: ПССт 1967, т. II, с. 655; РЛ, 1982, № 2, с. 137.

Волю да землю им дали... — Намек на лозунг тайного революционного общества первой половины 1860-х гг. «Земля и воля», к которому близко стояли Чернышевский, Герцен и Огарев. Возможно, здесь скрытая полемика с автором книги «Земля и воля» (см. выше, с. 566), который утверждал, что, получив после реформы землю и волю, но лишившись господской опеки, крестьяне оказались в еще более тяжелом положении, чем

до реформы.

Пел он о славном походе И о великой борьбе… — Т. е. об Отечественной войне 1812 г., в которой участвовал С. Г. Волконский, и о восстании декабристов.

О Трубецкой и Волконской… — Е. И. Трубецкая (урожд. Лаваль, 1801–1854) и М. Н. Волконская (урожд. Раевская, 1805–1863) последовали за сосланными мужьями в Сибирь. Некрасов посвятил им поэму «Русские женщины».

Княгиня Трубецкая[*]

Печатается по Ст 1873, т. III, *ч.* 5, с. 233–278, с восстановлением фамилии «Трубецкая» в заглавии и ст. 55–59, 271–286, 333–335, 365–366, 369, 649–651, 669–680, 689–692, а также с устранением автоцензурных вариантов в ст. 40, 201, 321, 326, 332, 336–338, 837 по наборной рукописи ИРЛИ и восстановлением ст. 370 по ПСС (т. III, с. 33) на основании свидетельства К. И. Чуковского, располагавшего автографом, ныне утраченным (см. неопубликованное письмо К. И. Чуковского к С. А. Рейсеру от 16 марта 1966 г., хранящееся у С. А. Рейсера).

Впервые опубликовано: ОЗ, 1872, № 4 (выход в свет — 13 апр. 1872 г.), с. 577–600, под заглавием: «Русские женщины. Княгиня Т***. Поэма», с под-

писью: «Н. Некрасов», с цензурными купюрами в ст. 55–59, 333–335, 365–366, 369, 370, 649–651, 669–680, 689–692 и вариантами в ст. 40, 201, 321, 326, 332, 336–338, 837, без ст. 147–190, впервые напечатанных под заглавием: «Из поэмы русские женщины». Строфы, не вошедшие в поэму «Кн. Т-кая», «Искра», 1873, 7 февр., № 1, с. 2–3 (перепечатано: Ст 1873, ч. 5, с. 229–270, под заглавием: «Княгиня Т-ая. Поэма (1826)», с датой на шмуцтитуле: «(Писано в 1871 г.)»).

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1873, т. III, ч. 5, с теми же заглавием и датой, что и в Ст 1873, ч. 5.

Черновой автограф — ГБЛ, ф. 195, М. 5744, л. 1-16, 38; набросок стихов об Италии на оборотной стороне прозаического плана ненаписанной главы «Чиновник» из «Кому на Руси жить хорошо» — ИРЛИ, Р. I, оп. 20, № 38, л. 2 об.; наборная рукопись, с датами: «16 июля», «23 июля 1871 г.» и заглавием: «Декабристки. I. Кн. Т<рубецкая>», — ИРЛИ, ф. 203, № 179, л. 1-17 об.; гранки ОЗ (ст. 1-374), с заглавием: «Декабристки. I. Княгиня Т***», — ИРЛИ, ф. 203, № 177.

Готовя поэму к публикации, Некрасов был вынужден приспособить ее к цензурным требованиям; сделать в ней ряд изъятий, заменив

пропущенные слова и строки многоточиями; внести в нее ряд изменений. Отправив поэму в «Отечественные записки», поэт писал А. А. Краевскому в середине марта 1872 г.: «Думаю, что в том испакощенном виде, в каком она (поэма, — *Ред.) была* у Бас, цензура к ней придраться не могла бы». А. А. Краевский, по всей вероятности также имея в виду цензуру, высказал еще несколько пожеланий. В письме, датируемом временем до апреля 1872 г., Некрасов сообщал ему: «Заметками воспользуюсь. Особенно

Прощенье царь дарует вам.

Без *царя* лучше. Примечание написал. Сделал еще две прибавки к поэме — совершенно *невинные».* Все вынужденные искажения текста были постепенно устранены в советских изданиях.

Замысел поэмы о героях первого этапа освободительной борьбы возник у Некрасова в 1860-1870-е гг., в период широкого роста революционного движения в рядах русской демократической интеллигенции. Основной причиной обращения Некрасова к истории было стремление в прошлом найти ответы на вопросы, поставленные настоящим. Завет декабристов, а также подвиг их жен, разделивших участь политических изгнанников

и поддержавших их веру в правоту начатого ими дела, были близки самоотверженным революционерам и революционеркам 1860-1870-х гг. Поэт ставит перед собой задачу создать исторически правдивые образы декабристов и декабристок и в то же время акцентировать в них качества, продолжающие жить во втором поколении революционеров.

В критической литературе о Некрасове раздавались голоса о необходимости восстановления первоначального заглавия «Декабристки». Так, в 1931 г. К. И. Чуковский, вводя это название в основной текст редактируемого им собрания сочинений Некрасова, писал о том, что, во-первых, заглавие «Декабристки» «гораздо точнее, чем „Русские женщины“, так как среди декабристок было три француженки и одна полька», а во-вторых, что «Русские женщины» — шовинистическое и патриотическое заглавие, «так сказать, взятка цензуре» (ПССт 1931, с. 558). В 1936 г. С. А. Рейсер в статье «Некрасов в работе над „Русскими женщинами“ („Декабристками“)» убедительно опроверг эти доводы Чуковского. Прежде всего, уточняет он, речь должна идти о семи русских и двух иностранках, а кроме того, заглавие «Русские женщины» не заключает в

себе шовинистического и сусально-патриотического смысла, являясь формулой, «наполненной вполне реальным и большим содержанием» (см.: Звенья. VI. М.-Л., 1936, с. 732). В ПСС (т. III) восстановлено название «Русские женщины», причем в комментариях к поэме Чуковский отказался от старой своей аргументации.

Известно также, что в примечаниях к поэме Некрасов хотел процитировать строки из пятой части романа И. А. Гончарова «Обрыв»: «С такою же силою скорби шли в заточение с нашими титанами, колебавшими небо, их жены, боярыни и княгини, сложившие свой сан, титул, но унесшие с собой силу женской души и великой красоты, которой до сих пор не знали за собой они сами, не знали за ними и другие к которую они, как золото в огне, закаляли в огне и в дыму *?убой работы, служа своим мужьям-князьям и неся и их, и свою „беду“. И мужья, преклоняя колена перед этой новой для них красотой, мужественнее несли кару. Обожженные, изможденные трудом и горем, они хранили величие духа и сияли, среди испытания, нетленной красотой, как великие статуи, пролежавшие тысячелетия в земле, выходили с язвами времени на теле, но сияющие вечной красотой великого мастера» *(Гончаров И. А.* Собр. соч., т.

VI. М., 1954, с. 325). Этот отрывок, от цитирования которого Некрасов отказался по просьбе Гончарова, свидетельствует о том, что поэт стремился подчеркнуть в образах декабристок духовную красоту национального характера русской женщины. О том же свидетельствует и примечание к поэме, которым Некрасов сопроводил текст «Княгини Трубецкой» в «Отечественных записках» (см.: Другие редакции и варианты. с. 365).

К собиранию материала для поэмы Некрасов вплотную приступил в конце 1860-начале 1870-х гг. Общим идеологическим источником могли послужить поэту работы Герцена (статьи «О развитии революционных идей в России», «Русский заговор 1825 г.» и др.) и Огарева (предисловия к «Думам» К. Ф. Рылеева и к сборнику «Русская потаенная литература XIX века», статья «Кавказские воды» и др.), в которых давалась многосторонняя оценка восстания декабристов с точки зрения революционной демократии, соответствовавшая взглядам Некрасова. Из художественных произведений и мемуаров самих декабристов Некрасов получал конкретные представления об их жизни и мировоззрении. Поэту были доступны сочинения декабристов, издаваемые Вольной русской типографией в Лондоне, а также архив-

ные материалы, публиковавшиеся в журналах «Русская старина» и «Русский архив». Известны были Некрасову и официальные материалы: правительственные сообщения 1825–1826 гг., напечатанные в «Русском инвалиде» и «С.-Петербургских ведомостях», книга барона М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I» (изд. 3-е. СПб. 1857), а также, по всей вероятности, и негласное предписание сибирского генерал-губернатора Лавинского иркутскому губернатору Цейдлеру. Некрасов использовал фактическую основу этих документов. Работая над «Княгиней Трубецкой» летом 1871 г. в Карабахе (как известно, к 1 июля 1871 г. Некрасов окончил поэму «Недавнее время» и тотчас начал напряженно и интенсивно писать «Княгиню Трубецкую»), поэт обобщал данные многих источников, в том числе таких, как «Записки декабриста» барона А. Е. Розена (Лейпциг, 1870) и работа С. В. Максимова «Сибирь и каторга», впервые напечатанная в 1889 г. в «Отечественных записках» (№ 1–5, 8-10). И мемуары Розена, и комплект журнала за этот год хранились в библиотеке Некрасова в Карабихе (см.: Библиотека Некрасова. Предисл. и публ. Н. Ашукина. — ЛН, т. 53–54, с. 410, 431). Собирание материалов для поэмы Некра-

сов продолжал и в период непосредственной работы над пей. Друзья и знакомые присылали ему в Карабиху вновь выходившие материалы о декабристах, декабристках и, в частности, о княгине Трубецкой. Так, в архиве села Карабихи найдено письмо неизвестного, в котором приводятся отзыв одного из французских историков о декабристках и биографические сведения о княгине Трубецкой. Автор письма обещает: «Что попадется интересного, буду сообщать Вам в деревню» (Архив села Карабихи. М., 1916, с. 235). О Е. И. Трубецкой (урожд. графине Лаваль, род. в 1801 г., ум. в 1854 г. в Сибири), последовавшей за мужем, князем С. П. Трубецким (1790–1860), полковником лейб-гвардии Преображенского полка, приговоренным за участие в заговоре к бессрочным каторжным работай, Некрасов мог прочесть в воспоминаниях ее мужа как о мужественной и сильной духом женщине. «Я благодарил бога от глубины души за то, что он милостью своею так поддержал ее и в чувствах внутренних и в наружном виде. Ничего отчаянного, убитого не было ни в лице, ни в одежде; во всем соблюдено пристойное достоинство», — писал С. П. Трубецкой, вспоминая свою встречу с женой в тюрьме (Записки декабристов, вып. 2 и

3. Лондон, 1863, с. 50).[11] В наибольшей степени для «Княгини Трубецкой» Некрасов использовал «Записки декабриста» барона Розена. На фактической основе этих записок он рисует картину восстания на Сенатской площади в первой части поэмы и столкновение княгини Трубецкой с иркутским губернатором во второй ее части. Этот источник дал поэту общее представление о характерах княгини Трубецкой и губернатора Цейдлера. Художественно преображая события, он делает их драматически напряженными и динамичными, обогащает речь Трубецкой страстным гражданским пафосом, вносит идейные коррективы, соответствующие его революционно-демократическому мировоззрению и в то же время исторически оправданные. Так, например, он подчеркивает активную роль царя в расстреле восставших («Сам царь скомандовал: „Па-ли“»). Сопоставление поэмы с ее источниками см. в работах: *Щеголев П. Е.* О «Русских женщинах» Некрасова в связи с вопросом о юридических правах жен декабристов. — В кн.: К свету. СПб., 1904; *Горнфельд А. Г.* «Русские женщины» Некрасова в

[11] Примечания: 11

Некоторые сведения о Трубецкой мог сообщить Некрасову ее сын И. С. Трубецкой (об их знакомстве свидетельствует письмо Некрасова к Трубецкому от 16 марта 1873 г. — см. об этом ниже, с 578).

новом освещении. — В кн.: О русских писателях, т. I. СПб., 1912, с. 174–228. *Евгеньев-Максимов В. Е.* Некрасов как человек, журналист и поэт. М.-Л., 1928, с. 315–321; *Розанова Л. А.* Из истории работы Н. А. Некрасова над поэмой «Русские женщины». — Учен. зап. Ивановск. гос. пед. ин-та, 1957, т. 12, вып. 3, с. 12–15.

Сличение вариантов рукописей ГБЛ, ИРЛИ и окончательного текста приводит к выводу, что, работая над поэмой, Некрасов добивался усиления ее политического звучания, наиболее яркой обрисовки революционных и героических черт центральных персонажей, логической простоты и идейной целеустремленности композиционного построения, стилистической выдержанности повествования в лирико-драматизированных тонах, художественной насыщенности и энергии языка и стиха поэмы.[12]

«Княгиня Трубецкая» была завершена 23 июля 1871 г. (в конце наборной рукописи стоит дата:

---

[12] Примечания: 12

Укажем, в частности, что ни в наборную рукопись, ни в окончательную редакцию поэмы не вошли стихи «Мазурку танцевать с царем Всё счастье этих дур» (ср.: Другие редакции и варианты, с. 361, вариант «после 676»), отмеченные К. И. Чуковским в одной из копий Ефремова, в настоящее время неизвестной; отказаться от них Некрасова побудили, по-видимому, их «грубоватость» и «бытовая интонация», сильно снижающая патетическую речь героини (см.: *Чуковский К.* Мастерство Некрасова. М., 1971. с. 248).

«16 июля», но в начале рукописи, вероятно в пору завершения или по окончании поэмы, проставлена дата: «23 июля 1871 г.»). Посылая поэму на просмотр члену Совета Главного управления по делам печати В. М. Лазаревскому, Некрасов как бы подсказывал аргументы в ее защиту. «Если у Вас завтра будет заседание, — писал он 9-10 апреля 1872 г., - то не возникнут ли толки? Я побаиваюсь за сцену на площади; но прошло 50 лет! да и всё это есть у Корфа, которого книги во многих тысячах экз<empляров> в руках у публики, — картинка чисто внешняя, не гнущая мысль читателя ни в которую сторону… ну да Вы найдете, что сказать в защиту». На официальные документы, появившиеся «с издания манифеста Александра II от 26-го августа 1856 года», и на то, что «автор счел за лучшее вовсе не касаться его <события> политической стороны», сослался Некрасов по требованию Краевского в подстрочном примечании к поэме в «Отечественных записках». Это примечание заменило стихотворный эпилог, от которого поэт отказался в корректуре (см.: Другие редакции и варианты, с. 355, 363). В корректуре же он заново написал эпизод посещения тюрьмы княгиней Трубецкой и сделал, как он сообщал Краевскому, «две прибавки к

поэме — совершенно невинные». Обе прибавки состояли из картин путешествия княгини с мужем по Италии, контрастно противостоящих дальнейшим трагическим событиям. Вторая из них по неизвестным причинам не вошла в текст «Отечественных записок» и была опубликована первоначально в «Искре» (см. выше, с. 569). Об оценке «Княгини Трубецкой» в русской критике см. ниже, с. 579–585, комментарий к «Княгине М. Н. Волконской».

И эту площадь перед ней С героем на коне… — Имеется в виду Сенатская площадь и памятник Э. Фальконе Петру I.

А ты будь проклят, мрачный дом… — Речь идет о Зимнем дворце в Петербурге, резиденции русских царей.

Богатство, блеск! Высокий дом со *Перед подъездом львы…* — Дом графа И. С. Лаваля на Английской набережной в Петербурге (ныне набережная Красного флота, д. 4).

Плюмажи — украшения из птичьих перьев на мужских головных уборах.

По Ватикану бродишь ты… — Ватикан — папский дворец в Риме, построенный в V в. на Ватиканском холме и окруженный обширными парками; в нем насчитывается до 11 тысяч ком-

нат и 22 двора.

Зонтообразных пинн… — Пиния — итальянская сосна.

Зато посмеивался в ус ~ Столичный куафер… — Куафер (от франц. coiffeur) — парикмахер, представитель среднего сословия, который усмехается, вспоминая, очевидно, о революционных событиях 1789–1793 гг. во Франции.

Какой-то бравый генерал ~ Убили и того. — Во время восстания 14 декабря 1825 г. были убиты генерал М. А. Милорадович (1771–1825), уговаривавший солдат «не бунтовать», вернуться в казармы и обещавший им прощение от «государя», и командир лейб-гвардии Гренадерского полка полковник Н. К. Стюрлер.

Явился сам митрополит… — Петербургский митрополит Серафим также обратился к восставшим с призывом смириться (см.: *Корф М. А.* Восшествие на престол императора Николая I, с. 179–184).

Почтенный бригадир… — В России в XVIII-начале XIX в. бригадир — офицерский чин, промежуточный между полковником и генерал-майором.

На воле рыскают кругом Там только варнаки… — Варнаки — разбойники из среды беглых или отбывших наказание каторжников.

Княгиня М.Н. Волконская[*]

Печатается по Ст 1873, т. III, ч. 5, с. 279–354, с восстановлением фамилии «Волконская» в заглавии, ст. 261–264, 341–345, 869–872, 1171, 1405–1408 и устранением автоцензурных вариантов в ст. 223, 948 по наборной рукописи ИРЛИ.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1873, № 1 (выход в свет — 22 янв. 1873 г.), с. 213–250, под заглавием: «Русские женщины. II. Княгиня Вол-ская (Бабушкины записки)», с подписью: «Н. Некрасов», с цензурными пропусками в ст. 261–264, 341–345, 869–872, 1171, 1359–1360, 1405–1408 и искажениями в ст. 223, 948 (перепечатано:. Ст 1873, ч. 5, с. 273–354, под заглавием: «Княгиня М. П. Вол-ская (Бабушкины записки) (1826-27 гг.)»).

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1873, т. III, ч, 5 с тем же заглавием.

Рукописный фонд поэмы обширен.

Конспект воспоминаний М. Н. Волконской, составленный Некрасовым со слов М. С. Волконского весной 1872 г., - ЦГАЛИ ф. 338, он. I, № 23, л. 1-10, 21–23; Музей Н., № 379, л. 1–2; Набросан на отдельных листах писчей бумаги (листы заполнены с обеих сторон), бегло, карандашом, на полях позднейшие вставки, пометы, стихотворные наброски. Архивная нумерация листов

ЦГАЛИ произвольная, порядок заполнения листов конспекта следующий: ЦГАЛИ, л. 1–4, 10, 9, 22, 23, 21, 7, 8, далее следуют два листа Музея Н., затем ЦГАЛИ, л. 5, 6. Последние два-три листа рукописи не найдены. Восемь страниц конспекта, имеющих прямое отношение к поэме, напечатаны В. Е. Чешихиным-Ветринским в «Некрасовском сборнике» (Ярославль, 1922, с. 71–76); четыре страницы, с записями более поздних событий, — С. Великановой в кн.: Н. А. Некрасов и Ярославский край. Ярославль, 1953, с. 191–193; полный текст дошедшей до нас части конспекта — Б. В. Мельгуновым: Некр. сб., VII, с. 182–191. Набросок «Северная Коринна» — ГБЛ, ф. 195, оп. I, к. 1, *No* 10 (впервые опубликован: Некр. сб., VII, с. 191–192); черновой автограф — ГБЛ, ф. 195, М 5744, л. 17–37 об.; черновой автограф — ИРЛИ, ф. 203, № 180, л. 1-32 об., с датами: «июля 8-12», «17 июля 1872 г.». «21 июля»; наборная рукопись (авторизованная копия А. А. Буткевич), с датой: «17 июля 1872 г.», — ИРЛИ, ф. 203, № 181, л. 1-25 об.; набросок ст. 293–320, карандашом, — ЦГАЛИ, ф. 338, оп. I, № 23, на отдельном ненумерованном листке почтовой бумаги (над текстом помета: «К 6-му», указывающая, что это вставка на л. 6 наборной рукописи ИРЛИ); копия главы IV неизвестной

рукой, с замечаниями А. С. Суворина, — ИРЛИ, ф. 134, оп. 11, № 5; гранки и листы ОЗ с пометами Некрасова — ИРЛИ, ф. 203, № 177. Сохранились некоторые материалы, относящиеся к не написанной Некрасовым третьей части «Русских женщин» (о Муравьевой) и другим замыслам о декабристах: 1) «О Бечасном анекдоты» — отрывочные заметки карандашом — ГБЛ, ф. 195, оп. I, к. 1, № 12, л. 3 (впервые частично опубликованы: *Чуковский К.* Некрасов. Статьи и материалы. Л., 1926, с. 372–374); 2) конспективные записи карандашом — ИРЛИ, Р. 1, оп. 20, № 51; 3) план третьей части поэмы — ГБЛ, ф. 195, оп. I, к. 1, No И (впервые опубликован в указанной выше книге К. Чуковского, с. 371); 4) запись неосуществленного замысла произведения о декабристе — ИРЛИ, ф. 203, оп. 1, № 42 (впервые опубликована: ПСС, т. XII, с. 103).

Чтобы обеспечить поэме прохождение через цензуру, Некрасов заменил острые в политическом отношении стихи многоточиями и смягчил ст. 223 и 948. Стих «Готовя войска к низверженью властей…» он исправил таким образом: «Готовя несчастье отчизне своей», а стиху «Попы у харчевни дерутся» нашел замену: «Продрогшие куры дерутся». Посылая 22 января 1873 г. книжку

«Отечественных записок» с поэмой на отзыв А. Н. Пыпину. Некрасов, по его словам, «вставил почти всё, что побоялся напечатать» (ПСС, т. XI, с. 236); этот экземпляр журнала со вставками Некрасова не сохранился.

В начале августа 1871 г. Некрасов вернулся из Карабихи в Петербург. Осень и зиму 1871–1872 гг. он продолжал собирать материалы о декабристах для второй части поэмы «Русские женщины». Замысел «Княгини М. Н. Волконской» созрел уже в конце марта-начале апреля 1872 г. Об этом свидетельствует письмо к Н. А. Некрасову В. П. Буренина (начало апреля 1872 г.), в котором подробно говорится о теме и стиле будущей поэмы: «Я вчера все думал о Вашей поэме. На меня большое впечатление произвела тема: это Вам необыкновенно счастливая мысль задалась. По моему мнению, над этим стоит поработать и поработать „горячо“. Если бы даже в общем поэма и не вышла, все-таки у Вас наверно выдадутся превосходные чисто лирические в Вашем духе места…» (ЛН, т. 51–52, с. 169–170). В этом письме Буренин указывает Некрасову на ряд источников, которыми поэт может воспользоваться. «Кстати, — пишет он, — декабрист, записка которого есть у Семевского, — Горбачевский. Познако-

мились ли Вы также с последним выпуском „XIX века“ Бартенева? Там любопытные записки Басаргина». И. И. Горбачевский был носителем самой передовой декабристской идеологии, и его записки могли помочь поэту при обрисовке героев 14 декабря. «Записки» Н. В. Басаргина были изданы Бартеневым в 1872 г., Некрасов тотчас приобрел их и увез с собою в Карабиху. Они сохранились в библиотеке карабихского дома (см.: ЛН, т. 53–54, с. 368). Помимо подробных описаний действий тульчинской управы Союза благоденствия, а затем Южного общества, Басаргин приводит сведения о своей жене, которые Некрасов, по-видимому, мог воспринять как еще одно доказательство правильности своего замысла нарисовать декабристок как женщин, сознательно разделивших участь мужей — политических изгнанников. «Перед женитьбою моею, — пишет Н. В. Басаргин, — я открыл будущей жене своей, что принадлежу к тайному обществу и что хотя значение мое в нем неважное, но что не менее того может и со мной последовать такое бедствия, которое ей трудно будет переносить. Она отвечала мне, что идет не за дворянина, адъютанта или будущего генерала, а за человека, избранного ее сердцем, и что в каком бы положении человек

этот ни находился, в палатах или в Петербурге, при дворе или в Сибири, судьба ее будет совершенно одинакова. Этот ответ успокоил совершенно мою совесть» (Записки Н. В. Басаргина. М., 1872, с. 26–27). Основным источником поэмы «Княгиня М. Н. Волконская» были «Записки» княгини М. Н. Волконской (1805–1863), Дочери генерала Н. Н. Раевского (1771–1829), прославленного героя Отечественной войны 1812 г., жены декабриста С. Г. Волконского (1788–1865). Познакомился с ними Некрасов (см. письмо его от 9 июня 1872 г. к М. С. Волконскому) незадолго до своего отъезда в Карабиху — в апреле-мае 1872 г. М. С. Волконский в предисловии к «Запискам» своей матери рассказывает о тем, как Некрасов упросил его если не дать, то хотя бы прочесть ему «Записки», чтобы избежать в поэме искажения фактов. «Некрасив по-французски не знал, — рассказывает далее М. С. Волконский, — по крайней мере настолько, чтобы понимать текст при чтении, и я должен был читать, переводя по-русски, причем он делал заметки карандашом в принесенной им тетради. В три вечера чтение было закончено. Вспоминаю, как при этом Николай Алексеевич по несколько раз в вечер вскакивал и со словами: „Довольно, не могу“ — бежал к камину, садился к нему и,

схватись руками за голову, плакал, как ребенок. Тут я видел, насколько наш поэтжил нервами и какое место они должны были занимать в его творчестве» (Записки Волконской, с. XV, XVII). В конспекте заметны следы значительной творческой работы Некрасова: уточнения по ходу записи, комментирующие пометы, стихотворные наброски. Судя по записи на полях л. 21 об. конспекта (см.: Другие редакции и варианты, с. 377), Некрасов, кроме указанных выше, был знаком с содержанием записок еще целого ряда декабристов — И. И. Горбачевского (его воспоминания под заглавием «Записки неизвестного» появились в печати лишь много лет спустя — РА, 1882, № 2); Е. П. Оболенского (Будущность, 1861, № 9-12); М. А. Фонвизина (его воспоминания были изданы в 1859 г. в Лейпциге); М. А. Бестужева (Полярная звезда на 1862 г., кн. 7, вып. 2); И. Д. Якушкина (Полярная звезда на 1862 г., кн. 7, вып. 1). Здесь же кратко записано название многотомного издания под редакцией А. И. Михайловского-Данилевского «Император Александр I и его сподвижники» (СПб., 1845–1849).

Работая над поэмой, Некрасов стремился сохранить наибольшую близость к ее основному источнику, придав повествованию форму воспо-

минаний. Он даже обратился к М. С. Волконскому с просьбой дать ему воспоминания повторно, на два месяца: «…в записках, — писал поэт 9 июня 1872 г., - есть столько безыскусственной прелести, что ничего подобного не придумаешь. Но именно этой стороною их я не могу воспользоваться, потому что я записывал для себя только *факты,* и теперь, перечитывая мои наброски, вижу, что колорит пропал; кое-что затем припоминаю, а многое забыл. Чтоб удержать тон и манеру, мне нужно бы просто *изучить* записки…». Просьба Некрасова не была удовлетворена, но поэт сумел воссоздать «колорит», удержать «тон и манеру» «Записок». Они дали ему достоверный материал для социальной, бытовой и психологической характеристики эпохи. Внесенные в поэму изменения и дополнения идейно-художественного порядка имели своей целью политически емкое изображение декабрьских событий, установление преемственной связи между историей и современностью (особенно значительны дополнения о России и народе — см. ст. 1083–1084, 1249–1262, 1279–1284, 1352–1355 и др.). Если сравнить варианты автографа ГБЛ, черновой рукописи ИРЛИ и наборной рукописи ИРЛИ, можно заключить, что поэт стремился наиболее четко

определить цели восстания, подчеркнуть при обрисовке как внешнего, так и внутреннего облика декабристов их самоотверженность, более ярко показать враждебное отношение к ним Николая I и народное сочувствие «несчастным» и их женам после поражения восстания, изображая, в частности, удручающую обстановку конвоирования декабристов в Сибирь и оттеняя бедность храма, в котором княгиня Волконская молилась вместе с простым народом и т. д. (подробнее об этом см.: *Битюгова И. А.* Творческая история поэмы Н. А. Некрасова «Русские женщины». — Тр. Сталинирского гос. пед. ин-та, 1958, вып. VI, с. 140–201).

В первоначальные намерения Некрасова входило, вероятно, более подробное описание салона З. А. Волконской, которая летом 1826 г. принимала у себя Е. И. Трубецкую, едущую в Сибирь, а об декабря 1826 г. устроила прощальный вечер в честь М. Н. Волконской. В этот же дом прибыл из Сибири сопровождавший Трубецкую до Иркутска секретарь ее отца К. Воше, который привез первую почту от декабристов. По просьбе З. А. Волконской и В. Веневитинов сопровождал затем Воше до Петербурга *(Веневитинов М.* К биографии поэта Д. В. Веневитинова. — РА, 1885, кн. 1, с. 120; *Колюпанов Н.* Биография А. И. Кошелева, т. 1, кн. 2.

с. 112, 1889, с. 112; *Гаррис М. А.* Зинаида Волконская и ее время. М., 1916, с. 84). Об этих обстоятельствах Некрасов вполне мог знать, так же, например, как и о том, что Д. В. Веневитинов присутствовал на вечере 26 декабря 1826 г., хотя публикация, содержащая сведения об этом, появилась тремя годами позднее (РС, 1875, № 4, с. 822–824).

«Княгиня М. Н. Волконская» была написана в Карабихе летом 1872 г. 10 июля 1872 г. Некрасов в письме к А. Н. Еракову выражал надежду закончить новое произведение, сюжет которого «вертятся всё там же — около Сибири», недели в две, но фактически работа над поэмой была в основном завершена им к 21 июля 1872 г. (см. помету на черновой рукописи ИРЛИ). По возвращении в Петербург поэт давал поэму на прочтение М. С. Волконскому и А. С. Суворину (отдельную, четвертую главу — см. замечания А. С. Суворина: Другие редакции и варианты, с. 427). По их совету он устраняет ряд натуралистических подробностей. 30 октября 1872 г. М. С. Волконский писал Некрасову: «Возьмем, например, рассказ о родах. Он представлял бы еще интерес, случись всё это в Сибири, среди лишений, но здесь, среди богатства и удобств, — это только игра случая, от которого поэма ничего не выиграет; между тем рассказ о

том семейном событии, подробности которого я, самый близкий ему человек, не решусь передать другому близкому мне человеку, — переходит в публику! Сделайте одолжение, выпустите его совсем, т. е. присутствие отца, разговор с матерью, появление деревенской бабки» *(Евгеньев-Максимов В. Е.* Некрасов как человек, журналист и поэт. М.-Л., 1928, с. 328). В другом письме он давал поэту такой совет: «С благодарностью возвращаю IV главу — я позволил себе отметить несколько мест. Обратите внимание на последнюю пометку: мне кажется, что после главы, полной такого сильного поэтического настроения, — посылка в наем людей действует неприятно и охладительно. Сама же по себе подробность не интересна» (там же, с. 327). Аналогичную заметку на полях рукописи главы IV сделал А. С. Суворин рядом со строками о посылках родных: «Подробность малоинтересная и, кажется, вредящая общей нити этой главы» (см.: Другие редакции и варианты, с. 427). Некрасов учел эти замечания, так как они, по всей вероятности, совпали с его мнением. Он не включил в окончательный текст поэмы (первопечатный) стихов о родах, о посылках, об отправленном Зинаидой Волконской рояле и т. д. Все же существенное и дорогое для него

Некрасов сохранил несмотря на замечания. Он не исключил, как ему советовал М. С. Волконский, строк в «Княгине Трубецкой», бичующих высший свет. Отказался он и внести изменения в эпизод встречи княгини Волконской с мужем, которая в поэме происходит не в тюрьме, как изложено в «Записках», а в шахте, заметив при этом: «Не всё ли вам равно, с кем встретилась там Княгиня: с мужем ли или с дядею Давыдовым; они оба работали под землею, а эта встреча у меня так красиво выходит!» (Записка Волконской, с. XVII).

В 1872 г. у Некрасова созрел замысел и третьей, завершающей части поэмы о декабристках. Повествование о героической поездке Трубецкой и Волконской могло послужить прологом к ней. Тема ее — страдальческая и мужественная жизнь декабристов и их жен в изгнании. Кроме Екатерины Ивановны Трубецкой и Марии Николаевны Волконской, выехали в Сибирь, чтобы разделить участь изгнанников, Александра Григорьевна Муравьева (урожд. Чернышева), Елизавета Петровна Нарышкина (урожд. Коновницына), Александра Васильевна Ентальцева (урожд. Лисовская), Наталия Дмитриевна Фонвизина (урожд. Апухтина), Александра Ивановна Давыдова (урожд. Потапова), Прасковья Егоровна

Анненкова (урожд. Жанетта Поль или Полина Гебль), Анна Васильевна Розен (урожд. Малиновская), Мария Казимировна Юшневская (урожд. Круликовская), Камилла Петровна Ивашева (урожд. Ле-Дантю), Варвара Михайловна Шаховская, последовавшая за Петром Мухановым, с которым ей так и не было разрешено встретиться (почти все они упомянуты в некрасовском конспекте «Записок» М. Н. Волконской, см. подробно о каждой из них: *Сергеев М. Д.* Несчастью верная сестра. Иркутск, 1978). Центральной героиней будущей поэмы Некрасов хотел сделать А. Г. Муравьеву, умершую в Сибири. Поэт глубоко раздумывал над художественной формой, наиболее соответствующей его замыслу. 5 марта 1873 г. он писал А. Н. Островскому: «Скажите при случае, что Вы думаете о моей последней поэме. Следующая вещь из этого мира у меня укладывается… в драму! Боюсь и, может быть, обойду эту форму».

Март 1873 г. был, по-видимому, временем особенно активной работы Некрасова по сбору материалов для нового произведения. Через А. Н. Пыпина (см.: Звенья. V. М.-Л., 1935, с. 505; ПСС, т. XI, с. 244) он познакомился с декабристом М. А. Назимовым и несколько раз встречался с ним в узком кругу. Как сообщает биограф Назимова,

декабрист передал Некрасову через А. Н. Яхонтова свои записки, охватывающие период с 1825 по 1840 г. (см.: *Иеропольский К.* М. А. Ничимов. (Биографическая справка). — В кн.: Сборник Псковского общества краеведения, вып. 1. Псков, 1924, с. 41). О содержании этих записок и их судьбе сведений не сохранилось. 17 марта 1873 г. Некрасов у себя на квартире должен был встретиться с Назимовым, бывшим псковским губернатором М. С. Кахановьтм и сыном декабриста И. С. Трубецким. На эту встречу, цель которой пока остается неизвестной, были приглашены также А. Н. Пыпин и М. Е. Салтыков-Щедрин, о чем свидетельствуют письма Некрасова к Пыпину (ПСС, т. XI, с. 244) и Трубецкому от 16 марта 1873 г. (см. публикацию последнего письма, а также более детальное освещение указанного этапа работы поэта над этой темой в статье: *Мельгунов Б. В.* «Декабристские» замыслы Некрасова после «Княгини Волконской». — РЛ, 1981, № 3, с. 147–150).

Набрасывая план продолжения поэмы (см.: Другие редакция и варианты, с. 429–430), Некрасов опирался главным образом в «Записки» М. Н. Волконской в той их части, которая не была использована в поэме (последовательность событий и фактов — конфликт с Риком, сюжет о

разбойнике Орлове, стычка с пьяным офицером и т. д. — соответствует «Запискам»). Судя по плану, Некрасов предполагал дать описание «самой жизни» декабристок в Сибири с ее постепенно оформившимися «условными рамами» и описание их переживаний, «мук нравственных»; в этом последнем смысле особенно существенным представлялся ему эпизод увоза А. О. Корниловича (1800–1834) «в Петербург для новых допросов» (см.: Другие редакции и варианты, с. 430; ср. также с. 377–378). В то же время поэма о Муравьевой не должна была стать простым стихотворным переложением «Записок» М. Н. Волконской. Первая и последняя главы, в которых должно было рассказываться о смерти Муравьевой, были задуманы кат; композиционное обрамление поэтического повествования. Три сюжета в плане (см.: РЛ, 1981, № 3, с. 148) взяты Некрасовым не из «Записок» М. Н. Волконской. Сохранились и отдельные записи поэта, связанные с продолжением поэмы (см.: Другие редакции и варианты, с. 428–429). Заметки эти довольно широкого содержания, начиная с характеристик, отмечающих оригинальность личностей декабристов и разнообразие видов их новой деятельности, и кончая сценами соприкосновения их с уголов-

ным миром и забавными историями (анекдоты о В. А. Бечасном). Знаменательна для Некрасова мысль изобразить встречу «возвращающегося декабриста» с «новым ссыльным» (см. там же, с. 431). Поэта продолжала волновать проблема преемственности поколений революционеров — возвращенных декабристов и деятелей освободительного движения 1870-х гг., затронутая им еще в «Дедушке» (1870). Интересен аналогичный замысел М. Е. Салтыкова-Щедрина, который в письме к П. В. Анненкову от 2 декабря 1875 г. сообщал: «Хочу написать рассказ „Паршивый“. Чернышевский или Петрашевский, все равно. Сидит в мурье среди снегов, а мимо него примиренные декабристы и петрашевцы проезжают на родину и насвистывают „Боже, царя храни“, вроде того как Бабурин пел. И все ему говорят: „Стыдно, сударь! У нас царь такой добрый — а вы что!“ Вопрос: проклял ли жизнь этот человек или остался равнодушен ко всем надругательствам и все в нем старая работа, еще давно, давно, до ссылки начатая, продолжается? Я склоняюсь к последнему мнению» (Салтыков-Щедрин, т. XVIII, кн. 2, с. 233).

Все эти материалы остались в архиве поэта. Замысел его не был осуществлен. Частично в этом

виноваты, как писал Некрасов П. В. Анненкову 29 марта 1873 г., «1) цензурное пугало, повелевающее касаться предмета только сторонкой, 2) крайняя неподатливость русских аристократов на сообщение фактов, хотя бы и для такой цели, как моя, т. е. для прославления». Некоторую роль сыграло и то, что Некрасов был отвлечен работой над своим итоговым произведением «Кому на Руси жить хорошо».

Первая поэма Некрасова о декабристках «Княгиня Трубецкая», появившаяся в апреле 1872 г., привлекла к себе широкое общественное внимание; вокруг нее сразу же возникла борьба мнений. В связи с выходом в свет в январе 1873 г. «Княгини М. Н. Волконской» позиции критиков окончательно определились. Через Месяц, 26 февраля 1873 г., Некрасов писал брату Федору Алексеевичу, имея в виду публикацию поэмы в первом издании пятой части своих «Стихотворений»: «Моя поэма „Кн. Волконская“, которую я написал летом в Карабихе, имеет такой успех, какого не имело ни одно из моих прежних писаний <…> Литературные шавки меня щиплют, а публика читает и раскупает». «Русские женщины» вызвали недовольство в аристократических кругах. Сестра М. Н. Волконской С. Н. Раевская

собиралась писать резко враждебную статью для газеты Краевского «Голос». Статья эта не была написана, но о характере возражений С. Н. Раевской можно судить по одному из ее частных писем. «Рассказ, который он (Некрасов, — *Ред.)* вкладывает в уста моей сестры, — писала С. Н. Раевская, — был бы вполне уместен в устах какой-нибудь мужички. В нем нет ни благородства, ни знания той роли, которую он заставляет ее играть» (Архив декабристов. Пгр., 1918, с. 15). С С. Н. Раевской в какой-то мере перекликался П. В. Анненков, который писал Некрасову 20 марта н. ст. 1873 г.: «Этой картине недостает только одного мотива, чтобы сделать ее также и несомненно верной исторической картиной, — именно благородно аристократического мотива, который двигал сердца этих женщин. Вы благоговеете перед ними и перед великостью их подвига — и это хорошо, справедливо и честно, но ничто не возбраняет поэту показать и знание основных причин их доблести и поведения — гордости своим именем и обязанности быть оптиматами, высшей людской породой во всяком случае...» (ЛН, т. 51–52, с. 98). Некрасов в силу его революционно-демократического понимания истории не мог принять эти возражения и сделать второ-

степенный аристократический мотив главным стимулом поведения жен декабристов. Как и их мужья, декабристки пошли на разрыв со своим прошлым, и главной целью поэта было воспроизвести их героическую поездку и дальнейшую подвижническую жизнь в Сибири, способствовавшие их сближению с народом. Французский аристократ виконт М. де Вогюэ в своей книге «Взгляды исторические и литературные» («Regards historiques et litteraires», Paris 1892) пытался дискредитировать историко-революционные поэмы Некрасова, подвергнув сомнению их фактическую достоверность. Он писал: *«Липранди, приставленный царем к декабрьским сосланным, получил приказание ничего не жалеть для смягчения их участи. Их жены не могли сойтись с ними в подземной шахте по той простой причине, что они сами никогда туда не спускались. Эти дамы нашли вновь на берегах Лены роскошь элегантной жизни и светских удовольствий, к которым они были приучены.* Сосланные вернулись из этого испытания без дурных воспоминаний; некоторые из них дожили до глубокой старости, и, кому случалось встретиться с ними, слышали *рассказы об их изгнании, которые вовсе не согласовались с эпизодами, измышленными*

Некрасовым») (цит. по: Записки Волконской, с. XIX). Эти ложные сведения возмутили М. С. Волконского, сына декабристки, который в свою очередь сам протестовал против изображения «высокодобродетельной и кроткой» княгини Трубецкой бунтаркой и называл монолог ее в поэме, обличающий светское общество, «куском грязи» (там же, с. XIII). Он писал по поводу процитированного отрывка из книги М. де Вогюэ: «Нас не касаются воззрения виконта де Вогюэ на поэзию Некрасова, а касаются лишь приводимые им факты. Мы не знаем, от каких именно лиц, „переживших эту эпоху“, он мог почерпнуть все вышеприведенное, но не подлежит сомнению, что в четырех подчеркнутых нами кратких периодах заключается пять извращений имен и событий». Разъясняя искажения, допущенные М. де Вогюэ, он подчеркивал: «Прежде всего вымысла в поэме Некрасова нет, что доказывается самими „Записками“ княгини Волконской. Доказывается и многочисленными „Записками“ декабристов (Розена, Трубецкого, Якушкина, Басаргина, Оболенского, Горбачевского и других)» (там же, с. XIX–XXI). Немногочисленные похвальные отзывы, исходившие из аристократической среды, шли вразрез с конечной революцион-

ной идеей Некрасова. Так, граф П. И. Капнист в картинах, рисующих сближение декабристов и их жен с народом на каторге, увидел идею примирения высшего я низшего сословий. «Чудная вещь! Высокая поэзия и высокий подвиг современного русского поэта! — пишет Капнист Н. А. Некрасову 26 января 1873 г. — В теперешнее время прискорбной междоусобной розни нашей Вы нашли благородное примирение, изобразив, как великая скорбь вызывает великое чувство, свойственное русской душе, заглушённой мелочными условиями света, и как в этой скорби и этом чувстве высшие и низшие слои общества сливаются в бесконечной и божественной любви...» (ЛН, т. 61–52, с. 310).

Затушевать революционный смысл некрасовских поэм стремилась и реакционная критика. Так, В. Г. Авсеенко, объяснявший популярность поэзии Некрасова отсутствием глубины мысли и угождением толпе, враждебно откликнулся на появление «Княгини Трубецкой». «Если бы мы вздумали выловить из этой поэмы основную идею и формулировать краткою фразой ее мораль (известно, что у г. Некрасова всегда есть мораль, и в этом отношении он приближается к баснописцам), — писал Авсеенко, — мы, без сомнения,

были бы до крайности поражены крохотностью и ветхостью этой идеи и этой морали. Действительно, г. Некрасов желает только сказать, что декабрист князь Т. был человек образованный и развитый, что жена его, решившаяся следовать за ним в Сибирь, поступила великодушно и что положение их обоих тяжелое. Против этого трудно спорить, но еще труднее не усомниться, чтобы во всем этом было что-либо новое или глубокое» (РМ, 1872, 13 мая, № 122; псевдоним — А. О.). Свое суждение Авсеенко пытается подкрепить замечаниями об антихудожественности поэмы, о вялости ее стиха, которые основаны на непонимании новаторского характера поэзии Некрасова. Как на недостаток он указывает на обильные подражания Рылееву, не учитывая того, что продолжение поэтической традиции декабристов было сознательной установкой Некрасова. В критическом отзыве о «Княгине М. Н. Волконской» Авсеенко утверждает: «Гражданские мотивы, некогда зажигавшие сердца поклонников этого самого петербургского из всех петербургских поэтов, отзвучали и не производят больше впечатления» (РМ, 1873, 21 февр., № 46; псевдоним — А. О.). Он пытается доказать антихудожественность и этой поэмы Некрасова,

называя ее деревянным переложением «Записок» и подвергая сомнению ряд эпизодов (например, падение княгини с высокой вершины Алтая), взятых поэтом из мемуаров Волконской. В своей статье о Некрасове «Поэзия журнальных мотивов», появившейся в № 6 катковского «Русского вестника» за 1873 г., Авсеенко обвиняет поэта в приспособлении исторического сюжета к журнальным идеям своего времени. Он сомневается в достоверности подписания княгиней Трубецкой отречения от своих дворянских прав и столкновения княгини Волконской с обозным офицером, говоря, что Некрасов изобразил нереального «монстра» (все эти факты также соответствовали мемуарам). В. Г. Авсеенко вторит В. П. Буренин, который в 1860-начале 1870-х гг. ходил в радикалах и сотрудничал вместе с Некрасовым в «Искре» и возобновленных «Отечественных записках». Со статьи о «Русских женщинах» начинается поправение Буренина. Он, так же как и Авсеенко, заявляет, что после правительственной реформы 1861 г. «гражданская скорбь, имевшая когда-то значение могучего жизненного стимула, утратила свой прежний смысл, потому что обратилась в неискреннее, изученное „плохое фиглярство“…» (СПбВ. 1873, 27 янв., № 27; псевдоним — Z). В новой

поэме Некрасова он видит свидетельство падения художественного таланта поэта. Зная о существовании реальных источников некрасовских поэм, Буренин не оспаривает их фактическую достоверность, а обвиняет Некрасова в натурализме, слепом следовании мемуарам. Его вкусу противоречат и картина падения Волконской с вершины Алтая, и езда ее в конце пути в простой телеге, и подробности бедного быта бурят, и упоминание о сибирских пельменях и бане. По поводу встречи Волконской с мужем в рудниках и целования ею оков Буренин упрекает Некрасова в «мелодраматизме» и «фальшивом гражданском эффекте».

К этому упреку Буренина присоединяется и Достоевский, который в общем относился к Некрасову положительно, видя в нем «сильный талант», «поэта страдания». Но революционный пафос поэмы был чужд Достоевскому. Он обвиняет поэта в «мундирности мысли, слога, натуральности» (Гр, 1873, 26 марта, № 13, с. 425). Эпизод с целованием оков он считал психологически невозможным. Однако психологические посылки Достоевского и Буренина оказались ошибочными, Некрасов проявил большую глубину в понимании психологии декабристов и декабристок, их приподнятого романтического

энтузиазма, который вдохновлял одних на революционную борьбу, других на самоотверженный подвиг. Воспроизведенный им эпизод с оковами находит соответствие в мемуарах Волконской. Близок к Достоевскому в оценке поэмы «Русские женщины» славянофильски настроенный О. Ф. Миллер. Хваля Некрасова за умелый переход «от простой русской женщины, удрученной горем <…> к русским женщинам из высшего класса, которых сблизило с народом внезапно постигшее их несчастье», Миллер, однако, тоже находит в поэме черты «преувеличения» и «аффектации», ссылаясь на сцену, в которой старик Волконский угрожает дочери проклятием, и на сцену целования оков (см.: *Миллер О.* Публичные лекции… СПб., 1878, с. 337–338). Необходимо отметить также письмо И. А. Гончарова, в котором он, высказывая свое положительное отношение к поэме, советовал все же усилить цензуру над нею М. С. Волконского и больше сообразоваться с его взглядами на лица и события (см.: *Гончаров И. А.* Собр. соч., т. VIII. М., 1955, с. 448).

Но в противовес враждебным голосам звучат, хотя и сдерживаемые цензурой, голоса прогрессивно настроенных читателей и критиков, протестующих против ложного толкования

поэмы, умаления ее исторического и литературного значения. Так, И. А. Кущевский в статье, посвященной «Княгине М. Н. Волконской» и подписанной псевдонимом «Новый критик», опровергает мнение о том, что успех Некрасова держится на тенденциозности. «Кто ныне из наших стихотворцев не тенденциозен? — спрашивает Кущевский. — Минаев тенденциозен, Буренин тенденциозен, Омулевский тенденциозен, Плещеев тенденциозен… Они даже, пожалуй, будут тенденциознее г. Некрасова, так как за недостатком поэтических образов им постоянно приходится перекладывать в стихи передовые статьи либеральных газет…». Успех Некрасова критик объясняет «могучей силой» поэтического дарования. Отмечая некоторые фактические неточности (он ошибочно, как видно из «Записок», считает, что Волконская не могла проезжать Алтай, что «серебрянка» шла из Барнаула, а не из Нерчинска), автор статьи дает в общем восторженный отзыв о поэме «Княгиня М. Н. Волконская»: «В первой книжке „Отечественных записок“ напечатана поэма г. Некрасова „Русские женщины“, уже вовсе не имеющая никакой претензии на тенденциозность. Это превосходный поэтический и простой рассказ бабушки внукам

о великих подвигах своей жизни» (Новости, 1873, 7 февр., № 38). С положительным отзывом о поэме выступает А. С. Суворин, начинавший свою журнальную деятельность в конце 1860-начале 1870-х гг. как более или менее прогрессивный критик. Он возражает против статьи Буренина в «С.-Петербургских ведомостях», объясняя причину преднамеренной враждебности автора его личными счетами с «Отечественными записками», в которых была напечатана поэма Некрасова. Суворин находит в поэме слабые стороны — некоторую растянутость, порой вялый стих, но считает, что они «исчезают совершенно в стройной гармоничности целого». Княгиню Волконскую он характеризует как «сильную женщину», которой «нужен был высокий идеал, и вот она нашла его в этом мученике и борце». Образ ее, нарисованный Некрасовым, он называет «грандиозным образом созревшей под ударами судьбы женщины». Особо отмечает критик глубоко лирические строки о народе. «За эти строки, — пишет он, — поэту отпустятся все его ошибки и заблуждения, — кто умеет так глубоко чувствовать, тот никогда не умрет в благодарной памяти потомства» (НВ, 1873, 6 февр., № 37; псевдоним — А. С). Наиболее обстоятельную и серьезную ста-

тью посвятил декабристским поэмам Некрасова А. М. Скабичевский, сторонник народнической идеологии, отстаивавший в критике принципы реализма, система исторических воззрений которого отличалась, однако, эклектизмом. Статья Скабичевского о «Русских женщинах» является одной из лучших его статей. В ней нашли отражение взгляды на поэму передовых революционных кругов, к которым в эти годы был близок Скабичевский. За последние десять лет, по мнению Скабичевского, не было ни одного произведения, которое бы произвело на публику более сильное впечатление, чем «Русские женщины» Некрасова. Критик отмечает классически строгую художественность поэм. Причину успеха Некрасова он видит в том, что предмет его произведения «оказался столь близким и дорогим душе художника, что всецело завладел им, возбудил его творчество до высшего напряжения и заставил ого забыть все остальное, побочное...». И далее, объясняя художественное своеобразие и органичность поэм Некрасова, критик пишет: «Цель поэм г. Некрасова заключается в том, чтобы выставить в наиболее ярком свете героизм тех наших доблестных соотечественниц 20-х годов, которые, покидая весь комфорт роскошной

жизни, все прелести и приманки большого света, отправлялись за своими мужьями разделять их суровую каторжную казематную жизнь в далеких и глубоких снегах Сибири. И поэмы с такой исключительностью направлены к этой цели, что не найдете вы в них ни одной черты, ни одного стиха, которые <...:> отвлекали бы от главной цели поэм куда-нибудь совсем в сторону». Но правильно характеризуя «Княгиню Трубецкую» и «Княгиню М. Н. Волконскую» как поэмы героического жанра, Скабичевский допускает ошибку, не замечая в их стиле бытовых элементов. Особенно ценным является замечание критика об установлении в поэмах Некрасова преемственной связи между двумя революционными поколениями, выраженное, однако, таким образом, что оставляло возможность его ложного истолкования как обвинения Некрасова в антиисторизме: «...героини его мыслят, говорят и действуют совершенно подобно тому, как бы стали мыслить, говорить и действовать лучшие и образованнейшие женщины того же круга в наше время». Он высказывает затем верное соображение о том, что причина такой актуальности образов некрасовских героинь кроется в том, что поэт старался отобразить основные, лучшие черты декабристок, оставляя

в тени второстепенные и слабые; «...было бы величайшею художественной ошибкою, — пишет критик, — и чистейшим абсурдом в виде сентиментально-экзальтированных, безумно-расточительных и детски-непрактичных барынь изобразить вдруг доблестных жен декабристов» *(Скабичевский А.* Беседы о русской словесности. — ОЗ, 1877, № 3, с. 9–13).

Передовая революционная молодежь, которой Некрасов адресовал свою поэму, восторженно встретила новое произведение своего учителя. Об этом свидетельствует ряд воспоминаний семидесятников и семидесятниц. Одна из революционно настроенных современниц Некрасова А. Г. Степанова-Бородина рассказывает в своих воспоминаниях о том, как под влиянием нападок враждебной критики поэт стал недооценивать свою поэму. «Лучше всех я понимаю, — говорил он своей собеседнице, — что не совладал с таким чудным сюжетом, как „Русские женщины“, и что я хотел сказать многое, но у меня не вышло». Бородина горячо возразила поэту: «Не говорите никогда так при мне о „Русских женщинах“, Николай Алексеевич, мне больно слышать, как вы клевещете на себя. Нет, по-моему, тот истинный поэт, у кого вылились такие дивные строки!..». И

она продекламировала отрывок из поэмы, в котором изображается встреча княгини Волконской с мужем в руднике. «Я кончила, захлебываясь от слез…», — пишет Бородина. Некрасов протянул к ней обе руки и воскликнул: «Нет, вы правы, пока мои стихи будут вызывать такие чувства у людей, они будут истинной поэзией» (ЛН, т. 49–50, с. 587–588).

Л. Дейч, известный участник революционного движения 1870- 1880-х гг., впоследствии член группы «Освобождение труда», в своей статье «Н. А. Некрасов и семидесятники», написанной в 1921 г., рассказывает о влиянии Некрасова на молодое поколение 1870-х гг., заронившем в них первые семена сознания необходимости активной борьбы, подготовившем их к восприятию Чернышевского, Добролюбова, Лаврова, Лассаля, Маркса. Особо выделяя проблему «Некрасов и женский вопрос», Дейч подчеркивал, что поэт не ограничился изображением страданий женщины; он указал, как ей выйти из несчастного положения. «Среди поэтов, — пишет Дейч, — Некрасов в этом вопросе занимает одно из первых, если не самое видное место: его изображение „русских женщин“ местами доходит до настоящего апофеоза. Достаточно указать на

его поэму, посвященную женам декабристов или осужденным по процессу 50-ти (в 1877 г.). <…> Некрасову поэтому в особенности многим обязано современное поколение; его муза немало поспособствовала развитию того движения, благодаря которому наши женщины в умственном и политическом отношении почти сравнялись с мужчинами». Горячо возражает Дейч против умаления художественного значения поэмы «Русские женщины»: «Никто, конечно, не станет отрицать, что в стихах Некрасова нередко попадаются шероховатости. Так, Всеволод Гаршин высмеивал начало поэмы „Русские женщины“:

„Покоен, прочен и легок
На диво слаженный возок…“,

потому что „легок“ плохо рифмуется со словом „возок“. Но положительно нужно быть совершенно лишенным художественного чутья, чтобы на подобном основании утверждать, что эта поэма не художественна. Достаточно прочитать только несколько строф дальше, чтобы убедиться, до чего восхитительно это стихотворение <…> Чего же еще можно требовать от литературного произведения для признания его художественным, раз оно производят такое сильное впечатление

на читателя, потрясает его, вызывает в нем самые чистые, благороднейшие ощущения и стремления?» (Пролетарская революция, 1921, № 3, с. 11, 15).

Современница поэта, деятельная сторонница активного народничества, В. Фигнер писала об историческом значении поэмы Некрасова о декабристках: «А потом прошло еще почти три десятилетия, прежде чем стала появляться литература об этих далеких наших предшественниках. Так долгие годы, можно сказать, не было почти ничего, что питало бы благодарную память о них и на чем можно было бы учиться опыту. <…> Поэма Некрасова „Русские женщины“, воскресившая образы кн. Трубецкой и кн. Волконской, появилась в эпоху, когда русская женщина ушла далеко вперед» *(Фигнер В.* Жены декабристов. — Каторга и ссылка, 1925, № 8 (21), с. 228).

…и цветы С могилы сестры — Муравьевой… — Александра Григорьевна Муравьева (1804–1832), урожд. Чернышева, последовала за мужем Н. М. Муравьевым в Сибирь. Пушкин передал через нее «Послание в Сибирь» и стихотворение, посвященное И. И. Пущину («Мой первый друг, мой друг бесценный!..»). А. Г. Муравьева быстро завоевала уважение и горячие симпатии всех

близко ее знавших; смерть ее была воспринята как общая тяжелая утрата. Как предсказание ее судьбы звучат в поэме слова из прощальной речи Пушкина, обращенной к Волконской: «Пленителен образ отважной жены / Сокрывшейся рано в могилу!» (см. ст. 857–860).

…флору Читы… — До осени 1830 г. декабристы содержались в читинской тюрьме, а жены их жили в ближайшем поселке.

Сергей — и бесчестное дело! — С. Г. Волконский был ложно обвинен в подделке печати. Как объясняет в своих мемуарах М. Н. Волконская, в 1822 г. ее муж, предупрежденный генералом П. Д. Киселевым об ожидающемся официальном запросе по поводу агитационной деятельности декабристов в дивизии М. Ф. Орлова, вскрыл адресованное Киселеву письмо, пришедшее в отсутствие последнего, и сообщил его содержание своему родственнику Орлову, дав, таким образом, ему возможность «приготовить свои ответы» (Записки Волконской, с. 28).

Сестра моя, Катя Орлова. — Екатерина Николаевна Орлова (1797–1885) — старшая дочь генерала Раевского, жена декабриста М. Ф. Орлова.

К сестре Зинаиде. — Княгиня Зинаида Александров-Ні Волконская (1792–1862), урожд.

Белосельская-Белозерская, родственница М. Н. Волконской по мужу; блестяще образованная, была поэтессой, беллетристкой, композитором и певицей. В ее литературно-музыкальном салоне собирались лучшие представители интеллигенции того времени. Ей посвятили свои стихи не только Пушкин и Веневитинов, но и Баратынский, И. В. Киреевский и др.

И северной звали Коринной… — Коринна — лирическая поэтесса древней Греции (ок. V в. до н. э.). Именем Коринны назвала свой роман о талантливой поэтессе французская писательница А. Л. Ж. де Сталь (1766–1817). Некрасов мог знать, о том, что З. А. Волконскую называли северной Коринной как из устных, так и из печатных источников (см., например: *Пятковский А. П.* О жизни и сочинениях Веневитинова. СПб., 1859, с. 18).

Одна ростопчинская шутка… — Ф. В. Ростопчин (1763–1826) — видный сановник, реакционер и демагог. По свидетельству П. А. Вяземского, узнав о восстании декабристов, он сказал: «В эпоху Французской революции сапожники и тряпичники (chiffonniers) хотели сделаться графами и князьями; у нас графы и князья хотели сделаться тряпичниками и сапожниками» *(Вяземский П. А.*

Полн. собр. соч., т. VII. СПб., 1882, с. 510). Некрасов мог слышать этот анекдот от самого Вяземского, с которым был хорошо знаком. См. также: *Лернер П. О.* «Ростопчинская шутка» о декабристах. — В кн.: Бунт декабристов. Л., 1926, с. 398–399.

Потемкину ровня по летам… — Г. А. Потемкин (1739–1791), светлейший князь Таврический, генерал-фельдмаршал, временщик при Екатерине II.

Всё вечером съехалось к Зине моей… — Вечер в честь уезжавшей в Сибирь М. Н. Волконской состоялся у З. А. Волконской, в ее большом доме на Тверской, 26 декабря 1826 г.

Тут были Одоевский, Вяземский… — В. Ф. Одоевский (1803–1869) — писатель и музыкальный критик; П. А. Вяземский (1792–1878) — поэт и критик.

…был Поэт вдохновенный и милый… — Речь идет о Д. В. Веневитинове (1805–1827). Ср. строки воспоминаний о Веневитинове в салоне З. А. Волконской: «…был один юный даровитый поэт <…> которого влекло к ней не одно лишь блистательное общество; горящий чистою, но страстною любовью, ей посвящал он звучные меланхолические свои стихи и безвременно сошел

в могилу...»[13].

...вдали Аюдаг... — Аюдаг — гора на южном берегу Крыма.

...Пушкина след В туземной легенде остался... — Как отмечает Некрасов в примечании 7 к поэме, сведения о татарской легенде, посвященной Пушкину, были взяты из статьи Бартенева (см. выше, с. 186). В этом примечании ошибочно укачана дата публикации пятого «крымского письма» Е. Тур (нужно: СПбВ, 1853, 29 сент., № 214 — см.: *Розанова Л. А.* К истории создания образа Пушкина в поэме Некрасова «Русские женщины». - учен. зап. Ивановск. гос. пед. ин-та, 1954, т. VI, филолог. науки, с. 106–120, а также: *Бертье-Делагард А. Л.* Память о Пушкине я Гурзуфе. — В кн.: Пушкин и его современники, вып. 17–18. СПб., 1913, с. 154–155).

Но мир Долгорукой еще не забыл, А Бирона нет и в помине. — Наталья Борисовна Долгорукая (1714–1771), дочь фельдмаршала Б. П. Шереметьева, в 1730 г. отправилась в ссылку вслед за мужем И. А. Долгоруким, обвинявшимся в участии в дворцовом заговоре и в 1739 г. казненным. После его смерти Н. Б. Долгорукая воспитывала

---

[13] Примечания: 13

Муравьев А. Н. Знакомство с русскими поэтами. Киев, 1871, с. 12–13

малолетних сыновей, в 1758 г. постриглась в монахини, оставила «Записки», впервые полностью изданные в 1867 г. Эрнст Иогапн Бирон (1690–1772) — фаворит императрицы Анны Иоанновны, с 1730 г. пользовался правами неограниченного правителя империи. Гибель И. А. Долгорукого и трагическая судьба его жены и детей — результат подозрительности и жестокости Бирона. В параллели между Н. Б. Долгорукой и Бироном есть намек на М. Н. Волконскую и Николая I.

Мне царь «Пугачева» писать поручил… — «История Пугачева» была написана Пушкиным по собственному побуждению, а не по поручению Николая I. Как свидетельствуют «Записки» М. Н. Волконской, поэт действительно говорил с ней при прощальной встрече об этом своем замысле, который осуществить ему удалось лишь в 1833 г., после поездки в Поволжье и Приуралье.

(Отец Иоанн, что молебен служил… — Имеется в виду священник иркутской церкви Петр Громов, переведенный йотом на Петровский Завод.

Сергей Трубецкой, Артамон Муравьев, Борисовы, князь Оболенской… — С. П. Трубецкой. А. З. Муравьев (1794–1846), А. И. Борисов (1798–1854), П. И. Борисов (1800–1854) Е. П. Оболенский (1796–1865) входили в первую партию декабристов,

отправленных в Сибирь; среди них был и С. Г. Волконский.

Примеч. 8. Некрасов цитирует не совсем точно. У Пушкина:

Я помню море пред грозою,
Как я завидовал волнам,
Бежавшим бурной чередою
С любовью лечь к ее ногам…

(«Евгений Онегин», гл. I, строфа XXXIII)

Современники[*]

Печатается по тексту первой публикации, с восстановлением ст. 81-112, 462–493 (залы № 2 и 14) части 1, ст. 277–280, 699–710 части 2, фамилий «Милютин», «Аничков», «Мордвинов», «Давыдов», «Лобанов» в ст. 208, 210 части 1 и в ст. 639 части 2 по сводной рукописи ЦГАЛИ, а также с конъектурой в ст. 41 части 1 («Дюссо» вместо «***») по Ст 1879. Ряд поправок в тексте поэмы сделан по ПП и наборной рукописи (см. об этом ниже, с. 593).

Впервые опубликовано: часть 1 («Юбиляры и триумфаторы») — ОЗ, 1875, № 8 (выход в свет — 20 авг. 1875 г.), с. 325–340 (подпись: «***»); часть 2 («Герои времени») — ОЗ, 1876, № 1 (выход в свет

— 21 янв. 1876 г.), с. 5–52 (подпись: «Н. Некрасов»), с изъятием по цензурным соображениям указанных выше стихов, замененных строками точек, и со следующим обозначением упомянутых фамилий: «А***», «Б***», «В***», «Д-дов», «Л-нов» (перепечатано: ПП, с изъятием по цензурным соображениям ст. 206–225, 284–303, 419–427 (залы № 6, 9, 12) части 1 и ст. 647–738 части 2).

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1879, т. IV.

Автограф поэмы (черновой, сводная и наборная рукопись), на листах большого формата, — ЦГАЛИ, ф. 338, оп. 1, № 24, л. 1- 30, 31–76, 77-126. Наборная рукопись является копией с правкой и добавлениями Некрасова.

В сводной рукописи, набросав перечень эпизодов части 1 поэмы (л. 33), Некрасов указывает две даты: «5-го мая» и «14 июня» 1875 г., фиксирующие начало работы над поэмой и первый этап работы над частью 1. Кроме того, в этой рукописи имеются и другие даты: «19 июня» (л. 51 об.) и «9 июля 1875 г. Карабиха» (л. 76 сб.). Первая позволяет определить время написания сцен с участием Шкурина, вторая указывает момент завершения рукописи. В наборной рукописи под частью 1 поэмы стоит дата: «Май 1875» и подпись:

«***» (л. 95); под частью 2 — подпись карандашом: «Н. Некрасов» (л. 127); рукой Некрасова сделана помета для типографии против ст. 17–28 части 2: «Подвинуть назад» (л. 96).

К черновой рукописи ЦГАЛИ примыкают шестнадцать листов, хранящихся в ГБЛ (ф. 195, п. 5753). Дата: «19-го мая» (л. 10) помогает установить время работы над «Песней об орошении».

Наброски, заметки, перечни эпизодов частей 1 и 2 из рукописей ЦГАЛИ и ГБЛ выделены особо, так же как и стихотворные фрагменты из сводной и черновой рукописей ЦГАЛИ. В этих рукописных материалах находятся несколько важных эпизодов, которые поэт предполагал включить в поэму, а также упомянут ряд лиц, послуживших прототипами для отдельных ее персонажей см. об этом подробнее ниже).

В отличие от большинства предыдущих собраний сочинений Некрасова (включая и ПСС) в настоящем издании «Современники» печатаются по тексту «Отечественных записок», а не «Последних песен», где, как уже отмечалось, поэма была опубликована со значительными исключениями.

По свидетельству А. А. Буткевич, Некрасов, издавая «Последние песни», «выпустил из них

все, что хотя сколько-нибудь могло быть поводом к столкновению с цензурой, относившейся к нему во время болезни крайне придирчиво. Он поместил только самые по его мнению, невинные, боясь, чтобы книга не подверглась аресту» (ЛН, т. 49–50, с. 174). Об этом же А. А. Буткевич писала С. И. Пономареву: «…брат, желая увидеть в печати свои „Последние песни“, избегал всего, к чему могла бы придраться цензура» (ЛН, т. 53–54, с. 175).

Особые заботы Некрасова о «цензурности» «Современников» вполне объяснимы. Сразу же после появления части 1 поэмы в «Отечественных записках» цензор Н. Лебедев заявил: «…стихотворения <…> под общим заглавием „Современники“ <…> кажутся мне предосудительными в том отношении, что в них осмеиваются юбиляры, признанные правительством заслуживающими такого чествования, так как оно удостоило их арендами и другими наградами» *(Гаркави А. М.* Разыскания о Некрасове. — Учен. зап. Калинингр. гос. пед. ин-та, 1961, вып. 9, с. 58).

Сцены из поэмы, опубликованные в «Отечественных записках», но исключенные из «Последних песен», были помещены в Ст 1879 (т. IV) в отделе «Приложения». А. А. Буткевич не

была удовлетворена таким решением, считая его ошибочным. Она писала: «В следующем издании их следует восстановить в тексте (теперь они в примечаниях, это моя вина)» (ЛН, т. 49–50, с. 174). Действительно, в издании стихотворений Некрасова 1881 г. эта задача в какой-то мере была решена. Однако в последующих изданиях «Современники» снова печатались по тексту «Последних песен».

Приведенные суждения сестры поэта А. А. Буткевич не оставляют сомнений в вынужденном характере тех изъятий, которые были сделаны Некрасовым при публикации поэмы в «Последних песнях». Правда, К. И. Чуковский и некоторые другие исследователи отстаивали авторитетность текста «Последних песен» по сравнению с журнальными публикациями. Так, Г. В. Краснов утверждал, что исключения, сделанные Некрасовым в тексте «Современников» еще при их публикации в «Отечественных записках», вызваны были заботой о «композиционном единстве» (*Некрасов Н. А.* Последние песни. М., 1974, с. 297). Известно, однако, что Некрасов специально отметил в журнале выпущенные сцены точками; как бы предупреждая читателей о вынужденном характере купюр. Это прекрасно понял М. Е. Сал-

тыков-Щедрин, который писал Некрасову после прочтения части 1 поэмы: «Стихи отличные, только выпущенного жалко» *(Салтыков-Щедрин,* т. XVIII, кн. 2, с. 204).

Г. В. Краснов полагал также, что дальнейшее сокращение текста «Современников» в «Последних песнях» было вызвано «в первую очередь творческими соображениями» *(Некрасов Н. А.* Последние песни, с. 297). Анализ текста не дает возможности принять эту точку зрения (восходящую к суждениям К. И. Чуковского): из «Последних песен» Некрасов исключил не относительно безобидные фрагменты, в которых речь шла о чествовании французской певицы в Петербурге или о гастрономических обедах, а именно те эпизоды («залы» № 6, 9, 12), где говорилось о неимоверно тяжелой жизни народа в пореформенный период или содержались намеки на кровавое подавление крестьянских восстаний (см. ниже комментарии к соответствующим сценам).

Таким образом, прямые указания А. А. Буткевич и самый характер исключенных эпизодов позволяют сделать вывод о том, что поэму следует печатать по тексту «Отечественных записок», а не «Последних песен».

Текст «залы № 5» (часть 1), обозначенный в

«Отечественных записках» № 5 и строкой точек, Некрасов, завершая публикацию «Современников», ввел в часть 2. И в настоящем издании соответствующие стихи (455–498) оставлены в части 2, а в части 1 указано лишь место «залы № 5» — точно таким же образом, как в «Отечественных записках».

В ряде случаев, однако, источником поправок в тексте поэмы являются в настоящем издании «Последние песни». Так, учтена стилистическая правка в ст. 137, 607–618, 971 части 2 и ст. 355 Эпилога, осуществленная в этой последней публикации и частично восходящая к наборной рукописи. По тексту «Последних песен,» восстановлены ст. 389–390 части 2. Примечание к ст. 249 части 2 дано по «Последним песням», а не по «Отечественным запискам», так как более обширный текст примечания в журнале был вызван четырехмесячным перерывом в публикации первой и второй частей «Современников». По этой же причине не воспроизводится указание Некрасова в «Отечественных записках» на место действия «Героев времени» (в «Последних песнях» оно отсутствует).

План расположения «зал» в части 1 поэмы («Юбиляры и триумфаторы») из сводной руко-

писи ЦГАЛИ (см.: Другие редакции и варианты, с. 437–438) включает шестнадцать сцен:

1. Администратор
2. Литератор
3. Гонитель литературы
4. «Жюдисты»
5. Новый губернатор
6. Жид-процентщик — редактор
7. Военный спор
8. Сенаторы
9. Агрономы
10. Председатель Казенной палаты
11. Заводчики
12. Литераторы-гробовскрыватели
13. Воины
14. Полицейский сыщик
15. Благотворители
16. Гастрономы.

Именно в таком порядке все эти эпизоды вошли в наборную рукопись. Незадолго до публикации части 1 в «Отечественных записках» Некрасов решил включить в окончательный текст еще одну сцену, сохранившуюся в сводной рукописи: речь идет *об* отрывке, начинающемся словами «Были вы вчера студенты…» (в черновом плане он не упомянут, поэтому особого названия у него

нет). Этот эпизод Некрасов пометил № 15, он должен был идти за сценой «Полицейский сыщик». Таким образом, общее количество «зал» теперь равнялось семнадцати.

Однако в процессе подготовки части 1 к печати Некрасов исключил «залу № 5» («Новый губернатор») и заново перенумеровал все остальные эпизоды, уменьшая последовательно их номера на единицу. Сцена «Были вы вчера студенты…» получила № 14 (см.: Другие редакции и варианты, с. 477). Но так как этот «зал» не был скопирован в наборной рукописи (см. там же, с. 500), а все время оставался в сводной, то исследователи долгое время немогли решить, какой именно текст стоит за № 14 (как уже было сказано выше, при публикации части 1 поэмы в «Отечественных записках» текст после № 2, 5, 14 был заменен строками точек) В связи с этим возникло даже предположение об ошибке переписчика, который по оплошности просто пропустил № 14 в наборной рукописи, а Некрасов этой ошибки не заметил (ПССт 1967 т. III, с. 462). На самом же деле за № 14 стоит вполне определенный текст, сохранившийся, правда, не в наборной, а в сводной рукописи. Номера, поставленные Некрасовым перед этим отрывком ([15] 14), не оставляют

сомнений в том, что именно он должен быть помещен в соответствующем месте «Юбиляров и триумфаторов».[14]

Таким образом, изучение рукописей дает четкое представление о композиции части 1. По замыслу Некрасова «Юбиляры в триумфаторы» в окончательном варианте должны были состоять из следующих «зал»:

1. Администратор
2. Литератор
3. Гонитель литературы
4. «Жюдисты»
5. Жид-процентщик — редактор
6. Военный спор
7. Сенаторы
8. Агрономы
9. Председатель Казенной палаты
10. Заводчики
11. Литераторы-гробовскрыватели
12. Воины

---

[14] Примечания: 14

С 1954 г. К. И. Чуковский включал сцену «Были вы вчера студенты…» в основной текст поэмы *(Некрасов Н. А.* Соч., т. II. М., 1954, с. 192–193 (Б-ка «Огонек»); Собр. соч. 1965–1967, т. III, с. 98–99). Хотя это решение не было им должным образом аргументировано, а место сцены было избрано произвольно, все же в принципе К. И. Чуковский был прав; критика же по этому поводу в его адрес была неосновательной (см.: *Теплинский М. В.* Творческая история поэмы Некрасова «Современники». — Некр. сб., II, с. 340–341).

13. Полицейский сыщик
14. «Были вы вчера студенты…»
15. Благотворители
16. Гастрономы.

По этому плану часть 1 поэмы печаталась в августовской книжке «Отечественных записок» за 1875 г., причем сцена, названная Некрасовым «Жид-процентщик — редактор» («Неразлучной бродят парой…»), как уже указывалось, вошла в часть 2 поэмы. За одним этим исключением «Юбиляров и триумфаторов» необходимо печатать по плану Некрасова, включая и те «залы», которые в журнальной публикации были заменены точками. Это и сделано впервые в настоящем издании.[15]

Замысел поэмы возник у Некрасова в середине 1860-х гг. в связи с его работой над циклом так называемых «клубных» сатир. Последняя сатира этого цикла и новая поэма перекликаются даже названиями: «Недавнее время» — «Современ-

[15] Примечания: 15

В последнее время только в ПССт 1967 «Современники» были напечатаны по тексту «Отечественных записок», а не «Последних песен». Однако «залы», выпущенные Некрасовым в журнале, не были восстановлены по рукописи и даже не были обозначены точками, как в «Отечественных записках». Эпизоды части 1 поэмы даны со сплошной нумерацией (№ 1-13) по образцу «Последних песен», где тоже была сплошная нумерация (№ 1-10). Решение это недостаточно последовательно и обоснованно.

ники».

В конце 1860-начале 1870-х гг. Некрасов собирал материал для своей поэмы. Этот материал составили личные наблюдения поэта над современной ему русской действительностью, многочисленные публикации в «Отечественных записках» и других органах русской прессы, книги, сведения, которые сообщали Некрасову его знакомые, близко знавшие мир «юбиляров и триумфаторов»: член Совета Министерства путей сообщения, главный инспектор частных железных дорог в России А. И. Дельвиг (см. письмо Некрасова к А. А. Буткевич от 17 сентября 1869 г.), инженер А. Н. Браков, известный судебный деятель А. Ф. Кони, журналист А. С. Суворин и другие (см.: *Теплинский М. В.* Творческая история поэмы Некрасова «Современники», с. 302–309; *Краснов Г. В.* К истории создания поэмы «Современники». — О Некр., вып. IV, с. 116–120). Вполне вероятно, что для творческой истории поэмы Некрасова имела значение полемика, которую Н. К. Михайловский вел на страницах «Отечественных записок» с Ф. М. Достоевским. Резко возражая против реакционных тенденций, про явившихся в романе «Весы», Н. К. Михайловский писал, обращаясь к автору романа: «Как! Россия, этот бесноватый больной, вами

изображаемый, перепоясывается железными дорогами, усыпается фабриками и банками, — и в вашем романе нет ни одной черты из этого мира! <…> В вашем романе нет беса национального обогащения, беса самого распространенного и менее всякого другого знающего границы добра и зла. <…> Вы не за тех бесов ухватились» (ОЗ, 1873, № 2, отд. II, с. 340). Поэма Некрасова была посвящена художественному отображению этих актуальных проблем, важность которых была подчеркнута «Отечественными записками».

Непосредственно к работе над «Современниками» Некрасов приступил 5 мая 1875 г., как об этом свидетельствует помета в сводной рукописи ЦГАЛИ (см.: Другие редакции и варианты, с. 438). Сначала, по замыслу поэта, часть 1 поэмы должна была состоять из «12 фигур», работу над которыми он закончил 14 июня 1875 г. (см. там же). Затем к «12 фигурам» прибавились новые эпизоды, наиболее острые в общественно-политическом отношении: «Сенаторы», «Новый губернатор», «Военный спор», «Председатель Казенной палаты». Произошло это, очевидно, после 14 июня 1875 г., так как в черновой рукописи нет даже набросков к этим сценам (см.: *Прокшин В. Г.* К творческой истории поэмы Н. А. Некрасова

«Современники». — Учен. зап. Башкирок, гос. пед. ин-та, 1955, вып. V, сер. филолог., № 1, с. 30). Установив порядок Расположения всех шестнадцати «зал», Некрасов затем изменяет их последовательность.

Первоначально не существовало деления поэмы на две части. После «12 фигур» в плане намечались и такие эпизоды (впоследствии вычеркнутые), как «Подрядчики», «Сам автор», «Герои времени». Судя по рукописям, чествование Шкурина (часть 2, ст. 13–95)и являлось главным содержанием сцены «Подрядчики»; далее должны были идти размышления автора («Сам автор»), а «Герои времени» начинались со ст. 221, перед которым в рукописи была поставлена цифра II. В сводной рукописи после шестнадцатой (последней) «залы» части 1 («Гастрономы») было написано очередное заглавие «Зала No», а затем текст «Производитель работ Акционерной компании...». Лишь впоследствии Некрасов в самом верху страницы вписывает «Часть вторая. Герои времени» и добавляет новый текст.

Часть 2 поэмы композиционно отличается от части 1. Если в части 1 дан ряд сцен, связанных между собою лишь образом автора-наблюдателя, то в части 2 различные эпизоды образуют в

общей сложности связное повествование, даже с намеченным сюжетом (история Зацепина). Это композиционное отличие объясняется тем, что в части 1 изображены представители различных социальных групп (сенаторы, заводчики и т. д.), а в части 2 действующие лица принадлежат в основном к одному и тому же плутократическому миру.

Изучение рукописей показывает, что Некрасов сначала набрасывал ряд сцен, реплик, разговоров и т. п., а затем располагал их таким образом, чтобы получилась цельная картина, в достаточной степени характеризующая русское пореформенное общество 1870-х гг. Не случайна забота Некрасова о наиболее целесообразном расположении отдельных эпизодов поэмы.

Напряженная работа над текстом «Современников» не прекращалась и после того, как была изготовлена наборная рукопись. В частности, пристальное внимание Некрасова привлекала бурлацкая песня. Лишь в наборной рукописи поэт вписывает ее название — «В гору!», создавая, таким образом, резкий контраст с карточной игрой «в горку», с помощью которой Савва Антихристов в самом конце «Современников» «утешил» Зацепина (эпизод с карточной игрой

был намечен Некрасовым с самого начала его работы над поэмой).

Принципиально важным явилось также решение Некрасова включить в основной текст сцену «Были вы вчера студенты…». Благодаря этой сцене в поэме острее зазвучала проблема молодого поколения. Попытки реакционных кругов отвлечь молодежь от актуальных вопросов современности разоблачались уже в «зале № 4» («Жюдисты»). Теперь эта тема раскрывалась на злободневном политическом материале: Некрасов высмеивает «заигрывание» с молодежью царского самодержавия, тщетно стремившегося не допустить ее непосредственного участия в революционном движении. Можно также отметить определенную перекличку с этой сценой в «Эпилоге» поэмы (история сына Зацепина).

«Современники» создавались Некрасовым в основном в мае-июле 1875 г. (последняя дата на сводной рукописи, как указывалось выше, — 9 июля 1875 г.). Однако работа над поэмой продолжалась и в последующие месяцы — в связи с ее подготовкой к печати. Так, например, в журнальном тексте части 2 «Современников» есть строки, отсутствующие в наборной рукописи, что свидетельствует о правке в корректуре (корректура

поэмы не сохранилась). Так как № 1 «Отечественных записок» за 1876 г. вышел в свет 22 января (см.: *Боград В. Э.* Журнал «Отечественные записки». 1868–1884. Указатель содержания. М., 1971, с. 199), можно сделать вывод, что корректуру Некрасов правил в январе 1876 г.

Работа по подготовке текста для публикации в «Последних песнях» сводилась, как уже было сказано, к значительным сокращениям в результате автоцензуры.

Поэма «Современники» является крупнейшим сатирическим произведением Некрасова, образуя вместе с двумя другими его поэмами, созданными в 1860-1870-х гг. («Русские женщины» и «Кому на Руси жить хорошо»), своеобразную трилогию, которая как бы подводит итог всему его поэтическому творчеству.

«Современники» посвящены прежде всего разоблачению антинародной, разбойничьей сущности капитализма, несущего с собой новые формы угнетения и эксплуатации: «...старая патриархальная Россия, — писал В. И. Ленин, — после 1861 года стала быстро разрушаться под влиянием мирового капитализма. Крестьяне голодали, вымирали, разорялись, как никогда прежде, и бежали в города, забрасывая землю.

Усиленно строились железные дороги, фабрики и заводы, благодаря „дешевому труду“ разоренных крестьян. В России развивался крупный финансовый капитал, крупная торговля и промышленность» *(Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20. Изд 5-е. М., 1961, с. 39).

В основе части 1 поэмы («Юбиляры и триумфаторы») лежит описание серии юбилейных торжеств, которые были тогда чрезвычайно распространены в России и происходили часто по самым незначительным поводам (см.: *Теплинский М. В.* Об идейной направленности сатиры Н. А. Некрасова 1870-х годов. — Учен. зап. Южно-Сахалинского гос. пед. ин-та, 1957, т. 1, с. 184–185). В том же номере «Отечественных записок», где появились «Юбиляры и триумфаторы», был опубликован рассказ М. Е. Салтыкова-Щедрина «Сон в летнюю ночь», дополняющий до известной степени поэму Некрасова. В критике тех лет высказывалось мнение, что Щедрин и Некрасов выступали только против юбилейной мании (БВ, 1875, 29 авг., № 237; СПбВ, 1875, 29 авг., № 229). 16 сентября 1875 г. Салтыков-Щедрин писал Некрасову об одном из критиков (А. М. Скабичевском): «Он очень серьезно думает, что я против страсти к юбилеям протестую — каков дурачина! <…> Точ-

но так же Буренин, яко подлец, и вашим стихам придает ту же нелепую цель» (Салтыков-Щедрин, т. XVIII, кн. 2, с. 204).

Разумеется, истинный смысл произведений Некрасова и Щедрина был иным. Некрасов, иронизируя по поводу бесчисленных юбилеев, резко разоблачал всевозможных «триумфаторов», грабящих и эксплуатирующих народ, время, «подлее которого не было». Высмеивал Некрасов и тех, кто стремился уйти от действительности в библиографию, гастрономию и т. п.

В части 2 поэмы («Герои времени») в центре внимания автора — члены одной могущественной корпорации, объединившейся для походов «на карманы благодушных россиян», — подрядчики, капиталисты, дельцы, банкиры, сановники, отличавшиеся повальным взяточничеством, интеллигенты, продавшиеся буржуазии. С гневным сарказмом пишет Некрасов о попытках дельцов грабить массы, маскируя свои подлинные стремления лживыми словами о «любви к народу» (образы Шкурина и Саввы Антихристова).

Тема народа, внешне оставаясь в сатирической поэме на заднем плане, на самом деле определяет идейную направленность «Современников». Некрасов полностью разделял точку зрения

Салтыкова-Щедрина, который писал в 1868 г.: «...единственно плодотворная почва для сатиры есть почва народная...» (Салтыков-Щедрин, т. IX, с. 246). Какие бы стороны русской жизни ни затрагивал Некрасов, мысль о народе не оставляет его ни на минуту; постоянные упоминания о жестоких наказаниях солдат («зала» № 6), о голодном пахаре («зала» № 8), о кровавом подавлении крестьянского восстания в с. Бездна («зала» № 12) образуют рельефную картину, на фоне которой особенно омерзительны слова и дела «юбиляров и триумфаторов».

В части 2 поэмы теме народа уделяется еще больше места и внимания. Автор судит «героев времени» с революционно-демократических позиций, резко противопоставляя якобы «гуманные» идеи буржуазных дельцов подлинным народным интересам: «И сказались барыши Лишней гривною в налоге С податной души». Идейным центром части 2 является бурлацкая песня «В гору!». Поэт разоблачает космополитическую сущность русских капиталистов. В поэме раскрыта идейная и деловая связь русского капитализма с западноевропейским и американским.

Работая над «Современниками», Некрасов широко использовал конкретные факты, характе-

ризующие русскую действительность середины 1870-х гг. В черновых рукописях встречаются имена фон Дервиза, Мекка, Овсянникова, Кокорева, Полякова. Кроме того, в поэме отразились некоторые факты деятельности Губонина, Варгунина, Варшавского и др. Все это были типичные представители русского капиталистического общества пореформенного периода, и именно поэтому Некрасов использует отдельные черты их биографий при создании образов главных действующих лиц своего произведения (хотя применительно к последним трудно говорить о наличии какого-либо одного определенного прототипа). Иначе обстоит дело с второстепенными персонажами. Здесь Некрасов порою сам подсказывает ту или иную параллель, используя созвучие фамилий, сходство биографий и т. д. П. А. Ефремов вспоминал, что у Некрасова он «видел экземпляр Стихотворений, в котором поэт собственноручно разметил, кого он имел в виду в „юбилярах“ и „героях“, выведенных в его сатире» (Докл. РБО, с. 11). Кроме того, в поэме, созданной на материале живой современности, есть прямые упоминания тех или ипых реально существовавших личностей.

Поэма Некрасова «Современники» была

встречена резко отрицательными отзывами либеральной и реакционной печати. Критики отвергали право поэта обращаться к сатирическому воспроизведению современной русской жизни. «Сама эта действительность, — писал П. И. Вейнберг, — не та, которая имеет право на внимание поэта...» (Пчела, 1876, № 4, с. 67). В. Г. Авсеенко назвал поэму «опереточным либретто», «подделкой под вкусы толкучего рынка» (РВ, 1876, № 2, с. 684–686). Стремясь принизить общественное и литературное значение сатиры Некрасова, многие критики утверждали, что в «Современниках» отражены лишь «частные случаи, фотографические портреты, выхваченные из обыденной общественной хроники и почти вовсе не переваренные в горниле искусства», и что «поэма построена на частных явлениях, не достигающих в изображении автора интересной для всех типичности» (В. М. Литературная летопись. — СПбВ, 1876, 31 янв., № 31). Об этом же писали С. С. Окрейц (Петербургский листок, № 76, 12 февр., № 31) и К. К. Арсеньев (ВЕ, 1878, № 12, с. 501). Среди неблагоприятных отзывов критики отметим и выступление до, А. Антоновича в газете «Тифлисский вестник» (1876, 29 февр., № 47; см. также: Новые материалы к истории русской

литературы и журналистики второй половины XIX в., т. II. Тбилиси, 1977, с. 94–105).

Лишь в нескольких выступлениях была дана в определенной степени положительная оценка «Современников». А. М. Скабичевский, например, находил в поэме «краски мрачнее ювеналовских» (БВ, 1876, 30 янв., № 29). «Первое появление в свет „Современников“ было целым событием, громадною литературного новостью», — отмечал А. Голубев (см.: *Голубев А.* Некрасов. СПб., 1878, с. 105).

Наиболее глубокий и проницательный отзыв о поэме принадлежал Салтыкову-Щедрину, который в письме к Некрасову от 12 февраля 1876 г. писал: «…я могу, по первому впечатлению, сказать, что поэма поразила меня своею силою и правдою; например, картина Кокоревых <…> с искренним трагизмом поющих бурлацкую песню (превосходную), производит поразительное действие. Описание оргии, спичи и лежащая на всем фоне угрюмость — все это отлично задумано и отлично выполнено» (Салтыков-Щедрин, т. XVIII, кн. 2, с. 255).

В идейно-художественном отношении «Современники» примыкают к антикапиталистическим сатирам Салтыкова-Щедрина, созданным

в 1870-е гг. («Благонамеренные речи», «Дневник провинциала в Петербурге» и др.). Некоторые мотивы поэмы отразились в его рассказе «Больное место» (1879).

Сатирическая поэма Некрасова оказалась произведением, во многом поучительным и для советских поэтов. Известно, что Маяковский, прочитав «Современников», «не переставал удивляться своему сходству с Некрасовым» (Знамя, 1940, № 3, с. 166). В дни некрасовского юбилея в 1971 г. советский поэт Б. Слуцкий писал: «И сейчас, через сто лет после некрасовских „Современников“, у нас нет таких ярких образов капиталистов. Губонин, Кокорев, Поляков, Путилов написаны конкретнее, убедительнее, чем у кого бы то ни было, злоба дня соединена с обстоятельным знанием» (ВЛ, 1971, № 11, с. 137).

Часть первая

«Бывали хуже времена, Но не было подлей» — неточная цитата из рассказа Н. Д. Хвощинской-Зайончковской (псевдоним — В. Крестовский) «Счастливые люди»: «…бывали времена хуже — подлее не бывало» (ОЗ, 1874, № 4, с. 363). Ср. листок с двумя эпиграммами Некрасова — на И. И. Кауфмана (5 января 1875 г.) и И. К. Бабста (20 мая 1875 г.), на котором сверху рукою Некрасова

карандашом вписано:

«Бывали времена и хуже,
Но не было подлей».

Листок вклеен в экземпляр Ст 1874, т. III, ч. 6, хранящийся в ИРЛИ б (шифр: 18.1.2); воспроизведен в изд.: ЛН, т. 51–52, с. 523.

Дюссо — владелец известного ресторана в Петербурге.

Зала № 1. — Судя по тексту, речь здесь идет о чествовании генерал-губернатора. Возможно, Некрасов имел в виду И. И. Фундуклея (1804–1880), бывшего долгое время киевским губернатором, а затем назначенного членом Государственного совета. В сводной рукописи ЦГАЛИ указывалось, что юбиляр из «залы № 1» был награжден орденом Андрея Первозванного (см.: Другие редакции и варианты, с. 472). В первой половине 1875 г. этой награды был удостоен только И. И. Фундуклей — в связи с шестидесятилетием со времени производства в первый классный чип (Г, 1875, 2 янв., № 2).

Аргус — в греческой мифологии стоокий великан, которому Гера приказала стеречь возлюбленную Зевса Ио, превращенную в корову.

№ 2. — По свидетельству П. А. Ефремова, Некрасов имел здесь в виду И. А. Гончарова (Докл.

РБО, с. 11). Ироническое отношение Некрасова к Гончарову связано, по-видимому, с резко отрицательной оценкой на страницах № 9 «Отечественных записок» за 1869 г. романа «Обрыв» (см. статью М. Е. Салтыкова-Щедрина «Уличная философия» — Салтыков-Щедрин, т. IX, с. 61–95). Полемика, возникшая вокруг романа, очень болезненно переживалась Гончаровым, «...переживания и волнения автора „Обрыва“ продолжались еще долгое время, что видно из статей и писем 70-х годов. Оп неоднократно, при всяком удобном случае, при обстоятельствах, мало-мальски идущих к делу, стремился объяснить свои творческие цели и намерения в романе», — пишет А. П. Рыбасов, автор примечаний в кн.: *Гончаров И. А.* Литературно-критические статьи и письма. Л., 1938, с. 364. В период создания поэмы «Современники» в газетах промелькнуло известие о готовящемся юбилее Гончарова; впрочем, это известие вскоре было опровергнуто (Г, 1875, 6 мая, № 124 и 13 мая, № 131).

№ 3. — В плане Некрасова юбиляр, которого чествуют в этом зале, назван «гонителем литературы» (см.: Другие редакции и варианты, с. 437). Это название, а также упоминание имени М. Л. Магницкого (1778–1855), известного мракобеса,

одного из самых реакционных деятелей эпохи Александра I в области народного образования, помогают понять намек Некрасова на реакционеров 1870-х гг. во главе с тогдашним министром народного просвещения Д. А. Толстым (1823–1889). Именно Д. А. Толстой был одним из наиболее злобных «гонителей литературы» тех лет, что не раз отражалось на истории «Отечественных записок» (см.: *Теплинский М. В.* «Отечественные записки» (1868–1884). Южно-Сахалинск, 1966, с. 90). В связи с реакционными реформами Д. А. Толстого в области народного просвещения в прессе 1870-х гг. неоднократно вспоминалось имя Магницкого. Так, например, Н. А. Демерт, анализируя отчет инспектора одной из классических гимназий, писал, что «подробности этого отчета напоминают времена давно минувшие, времена Магницкого, как видно не совсем еще сделавшегося достоянием истории» (ОЗ, 1870, № 3, с. 119). Некрасов писал 30 июля 1872 г., что Д. А. Толстой «принадлежит к тем людям, которые, наделав мерзостей и глупостей всенародных, тем упорнее стоят за них и тем глубже в них погрязают, чем яснее обнаруживаются эти гадости на деле; нетерпимость его всё будет возрастать по мере того, как сознанию его будет уясняться

непроходимая трущоба, в которую он зашел и завел воспитательное дело в России». В апреле 1875 г. (незадолго до начала работы Некрасова над поэмой «Современники») Д. А. Толстой был награжден алмазными знаками ордена Александра Невского, причем особо отмечались «стойкость и последовательность», которые он обнаружил, проводя учебную реформу (Гр, 1875, 27 апр., № 17, с. 394).

«Крамольники лукавы, Рази — и не жалей!». — Намек на циркуляр, с которым министр народного просвещения 24 мая 1875 г. обратился к попечителям учебных округов и в котором предписывалось усилить борьбу с революционными настроениями в русском обществе (Г, 1875, 17 июня, № 166). См. ниже, с. 603–604, комментарий к «зале № 14».

№ 4. — В 1870-х гг. особой популярностью в Петербурге пользовалась Опера-Буфф, среди постоянных посетителей которой современники отмечали прежде всего «выживших из ума стариков» и представителей «хлыщеватой, тоже бедной мозгами, юности». Их целью было «поклонение красивым артисткам, в особенности ваезжим, и поднесение им подарков и букетов» (Незнакомец, с. 121). На сцене Оперы-Буфф с на-

чала 1875 г. выступала парижская опереточная певица А. Жюдик (1850–1911). Прощальные концерты Жюдик состоялись в конце апреля 1875 г. Выла организована подписка для покупки ей драгоценных подарков. Певице преподнесли «стрелу с крупными брильянтами и сапфиром, пять брильянтовых звезд и великолепный брильянтовый браслет» (Г, 1875, 20 апр., № 108).

Кадеты — воспитанники кадетских корпусов, средних военно-учебных заведений.

№ 6. — Упоминаемые в этой сцене *В. М. Аничков* (1830–1877), генерал-майор, состоявший при военном министре, и *Д. С. Мордвинов* (1830–1894), генерал-адъютант, начальник канцелярии военного министерства, были изобличены в систематическом получении взяток от мукомола-миллионера С. Т. Овсянникова, преданного в 1875 г. суду (см.: Дельвиг, с. 527, а также ниже, комментарий к ст. 133 Эпилога). *Д. А. Милютин* (1816–1912) — военный министр, чья деятельность по преобразованию русской армии вызывала резкую критику со стороны крайне реакционных кругов, уповавших прежде всего на палочную дисциплину.

№ 7. — Среди черновых записей Некрасова есть сценка, рассказывающая об одном из сенаторов, неспособном понять суть тех дел, с которыми

ему приходилось сталкиваться. Возможно, эта запись, относящаяся к 1874 г., являлась черновым наброском к «Современникам»:

«Сенатор из дивиз<ионных> генерал<ов>.

— Ну, что, сенатор, как новая служба?

— Ничего, одно плохо. Ничего не понимаю, что секретарь читает.

— А знаешь что? ты сам читай.

Через четыре года.

— Ну что?

— Еще хуже»

(ИРЛИ, ф. 203, № 42; Некр. сб., И, с. 305).

№ 8. — В специальной литературе 1860-1870-х гг. высказывались мнения о целесообразности такой меры, как выписывание скота из-за границы (см.: *Бабин И. А.* Сборник статей о скотоводстве. СПб., 1869). По убеждению других, «туземная порода наша одарена отнюдь не меньшей молочностью, как и все знаменитейшие европейские породы» *(Кузанов М. А.* О скотоводстве в России. СПб., 1864, с. 24). Споры о скотоводстве, сатирически воспроизводимые в поэме Некрасова, велись в то время, когда положение крестьянского хозяйства было катастрофическим: «Цены на скот предлагаются крестьянами самые ничтожные, лишь бы только сбыть животных с рук, но никто

не решается покупать их, потому что кормить нечем. <…> Говорят, что если еще с неделю не сойдет с полей снег и не появится трава, то весь скот пропадет» (ОЗ, 1875, № 5, с. 155).

Председатель Казенной палаты ~ И директор. — Казенная палата — учреждение, находившееся в губернском городе и состоявшее в ведении Министерства финансов. В обязанности Казенной палаты входило наблюдение за поступлением государственных доходов, взыскание крестьянских «недоимок» и т. п. Собеседник председателя Казенной палаты — директор одного из департаментов Министерства финансов.

№ 10. — Вполне вероятно, что при создании данной сцены Некрасов воспользовался некоторыми фактами из биографии Н. И. Путилова, владельца больших заводов в Петербурге, в частности Путиловского завода (ныне — завод им. С. М. Кирова). Во время Крымской войны Путилов занимался строительством военных судов (Г, 1870, 16 июня, № 165). В дальнейшей деятельности он также был связан с морским министерством, изготовляя орудия для кораблей. Кроме того, на его заводах производились гранаты, снаряды, а также рельсы для железных дорог (см.: Заводы Н. И. Путилова. 1807–1870. СПб., 1870). Путилов

послужил Некрасову прототипом образа Ладьина в части 2 поэмы (см. ниже, с. 612, комментарии к ст. 1171–1200). Путилов упомянут в черновых автографах ЦГАЛИ и ГБЛ (см.: Другие редакции и варианты, с. 436, 439).

№ 11. — П. А. Ефремов утверждал, что Зосим Ветхозаветный — это М. И. Семевский (Докл. РБО, с. 11). Действительно, в черновом автографе ЦГАЛИ вместо имени Ветхозаветного названа фамилия Семевского (см.: Другие редакции и варианты, с. 447). М. И. Семевский (1873–1892) — журналист, редактор «Русской старины», исторического и историко-литературного журнала, далекого от живых интересов современности. В «Отечественных записках» отмечалось, что «Русская старина» «по специальности своего назначения предпочитает говорить о мертвых» (1874, *No* 4, с. 389).

Отозвался и Тяпушкин… — В черновом автографе и сводной рукописи ЦГАЛИ вместо «Тяпушкин» написано «Слепушкин» (см.: Другие редакции и варианты, с. 447, 476). Ф. Н. Слепушкин (1783–1848) — поэт-самоучка, творчество которого отрицательно оценивалось Белинским, осуждавшим псевдонародность многих его стихотворений (Белинский, т. IV, с. 156–161).

Отыскал товарищ наш! — Из сводной рукопи-

си ЦГАЛИ (см.: Другие редакции и варианты, с. 476) становится ясно, что речь идет о Г. Н. Геннади (о нем см.: наст. изд., т. II, с. 372–375, комментарий к стихотворению «Литературная травля, или Раздраженный библиограф»).

Миша — М. Н. Лонгинов (о нем см.: наст. изд., т. I, с. 690–693, комментарий к стихотворению «Послание к Лонгинову»). В 1860-х гг. М. Н. Лонгинов перешел на ультрареакционные позиции, что особенно проявилось, когда он стал начальником Главного управления по делам печати (о его враждебном отношении к «Отечественным запискам» см.: *Теплинский М. В.* «Отечественные записки» (1861–1884), с. 88).

Позавидует Бартенев И Ефремов зашипит… — П. И. Бартенев (1829–1912) — библиограф и историк литературы, издатель журнала «Русский архив». П. А. Ефремов (1830–1907) — библиограф и историк литературы, сблизившийся с Некрасовым в середине 1870-х гг. Переписку Некрасова и Ефремова см.: ЛН, т. 51–52, с. 262–273. В «Последних песнях» Некрасов вместо Ефремова упомянул Семевского, считая, что тогда у Семевского не будет повода отожествлять себя с Ветхозаветным (Докл. РБО, с. 11).

Но заметку сам Тургенев… — В первой по-

ловине 1870-х гг. И. С. Тургенев неоднократно помещал в газете «С.-Петербургские ведомости» письма в редакцию и заметки, направленные в ряде случаев против «Отечественных записок» и Некрасова.

Ты не дрогнул перед бездной… — Намек на подавление крестьянского восстания в с. Бездна Казанской губернии в 1861 г. Руководил подавлением граф А. С. Апраксин (1817–1899). Н. А. Демерт на страницах «Отечественных записок» вспоминал: «Факт почти невероятный, но, однако же, верный: после безднинского „увечья“, в ознаменование радости по этому случаю, крупные и именитые губернские землевладельцы устроили торжественный обед, говорили торжественные приличные случаю спичи, запивая их шампанским» (1869, № 9, с. 48).

Татарин — официант.

№ 13. — В период работы Некрасова над поэмой газеты сообщали о нескольких случаях колоссальных краж и прославляли ловкость, сметливость и энергию полиции, проявленные при поимке преступников. Так, 30 апреля 1875 г. в Московском купеческом банке по подложному чеку была получена крупная сумма; при посредстве агентов петербургской и московской

полиции один из похитителей был задержан в Киеве. Для поимки другого похитителя были разосланы телеграммы с указанием его примет чуть ли не по всей Европе; русское посольство обратилось с просьбой о содействии к прусскому правительству; в заграничных газетах появились фотографии преступника и т. д. (Г, 1875, 18 мая, № 136).

№ 14. — Текст этой главки представляет собой пародию на циркуляр министра народного просвещения Д. А. Толстого попечителям учебных округов от 24 мая 1875 г., в котором говорилось: «…революционеры избрали оружием своей гнусной пропаганды то, что для каждого честного и просвещенного человека составляет предмет особой заботливости и охраны — юношество и школу. <…> Но, к сожалению <…> дети и юноши, вместо того чтобы найти в окружающей их среде и в своих семействах отпор преступным увлечениям и политическим фантазиям, встречают иногда, напротив того, ободрение и поддержку; только этим и можно объяснить распространение социалистических теорий, давно осужденных здравою наукой: в 37 губерниях, как обнаружило судебное исследование, некоторые отцы и матери подбивали к ним своих детей.

<…> Пусть же наставники заменят в этом случае родителей — это их прямое призвание» (Г, 1875, 17 июня № 166).

№ 15. — *В* прессе 1870-х гг. неоднократно говорилось о том что благотворительные лотереи, часто устраиваемые в то время, были одним из способов эксплуатации народа: «Действуя на скопляющуюся при этих случаях огромную массу народа по преимуществу из низших классов, материально не обеспеченных и живущих трудом, — рабочих, ремесленников, поденщиков, прислуге, завлекая их вывеской выигрышей и особенно дешевизною билетов, которых выпускается громадное количество, без соображении с числом выигрышей, подобные лотереи-аллегри, устраиваемые, например, в Летнем саду в праздничные дни, разжигают страсти, выманивают у бедного люда последнюю трудовую копейку» (Г, 1875, 26 ноября, № 327). О некоторых излюбленных приемах организаторов подобных лотерей рассказывал А. С. Суворин: «…госпожи благотворительницы получили вкус к коровам, доить которые они не умеют, но доить посредством коров народ выучились. Нетрудная наука!» (Незнакомец, с. 283).

№ 16. — «В начале 1870-х гг. в Петербурге суще-

ствовало какое-то гастрономическое общество. <...> Ставились даже баллы за кушанья и обеды» *(Михайловский Н. К.* Литературные воспоминания и современная смута, т. 1. СПб., 1900, с. 78–79).

Часть вторая

В группе директоров Шкурин сидит... — При создании этого образа Некрасов использовал некоторые факты из жизни и деятельности П. И. Губонина (1826? - 1894), сына крепостного крестьянина, ставшего впоследствии одним из крупнейших железнодорожных воротил (НВ, 1894, 2 окт., № 6679). Подобно Кокореву (см. ниже, комментарий к ст. 20), он демонстрировал свою «близость к народу» тем, что не расставался с купеческой длиннополой поддевкой и предпочитал «народную пищу». Внешнее народолюбие Губонина неоднократно разоблачалось в «Отечественных записках» (1873, № 1, с. 147–148; 1874, № 11, с. 224). В начале 1875 г. в газетах промелькнуло сообщение о том, что «государь император удостоил принять в Зимнем дворце статского советника Губонина, имевшего счастье преподнести его величеству альбом с фотографическими видами Севастопольской железной дороги». «Благодарю тебя за исполнение столь трудного предприятия», — сказал ему царь (БВ, 1875, 24

янв., № 22). О том, насколько неудовлетворительно была построена Севастопольская железная дорога, в том же году писали «Отечественные записки» (1875, № 4. с. 318).

Савва Антихристов — спич говорит. — В этом образе отразились некоторые факты биографии и деятельности В. А. Кокорева. О нем см.: наст. изд., т. II, с. 357, комментарий к стихотворению «Дружеская переписка Москвы с Петербургом». Негативная оценка Кокорева содержится также в стихотворениях «Что поделывает наша внутренняя гласность», «Литературная травля, или Раздраженный библиограф» (см. там же, с. 365, 374).

В «Медвежьей охоте» Некрасов назвал его «откупщиком, кабачным гением». «Отечественные записки» с негодованием писали о лицемерии Кокорева (1870, № 8, с. 257). Салтыков-Щедрин обратил внимание на типичность образа Саввы Антихристова, назвав эпизод из части 2 поэмы, специально посвященный истории этого персонажа (ст. 1237–1272), картиной «Кокоревых» (Салтыков-Щедрин, т. XVIII, кн. 2, с. 255). Кокорев упомянут и в черновом автографе ЦГАЛИ (см.: Другие редакции и варианты, с. 432).

Алтын — старинная трехкопеечная серебряная

монета.

Сняли мы линию… — Снять линию — получить подряд на постройку железнодорожной линии.

…графа дивиденда Красноречивее слов говорит!.. — «Отечественные записки» неоднократно помещали статьи, в которых рассказывалось о бедственном положении рабочих на строительстве железных дорог. «Главная выгода железнодорожных строителей, — писал Н. А. Демерт, — заключается в том, что они за постройку каждой версты выговаривают себе тысяч по 80–60, а с рабочими и даже подрядчиками расплачиваются грошами, употребляя в дело негодный, дешезый материал, который при соблюдении некоторых условий сойдет за хороший и дорогой. Как у нас обращаются с рабочими-землекопами — об этом так уже много было писано, что распространяться незачем» (1873, № 5, с, 81; см. также: № 9, с. 84–88).

«Зацепа» и *«Савва»* — *столпы-воротилы…* — Работая над образом Григория Аркадьевича Зацепина, Некрасов, возможно, использовал отдельные факты предпринимательской деятельности Н. Н. Сущова (1830–1908). одного из наиболее значительных дельцов своего времени (НВ, 1908, 16 окт., № 11709).«…казалось, ни одно

железнодорожное дело, ни одно коммерческое предприятие, ни одно коммерческое дело не могло осуществиться без Сущова — всюду был Сущов» (Витте, с. 340). Современники отмечали его умение «сочинять и проводить хитроумные, успашенные крючками и лазейками уставы и договоры» *(Михневич В. О.* Наши знакомые. СПб., 1884, с. 215). Хищническая практика Сущова была отражена в романе П. Д. Боборыкина «Дельцы», опубликованном в «Отечественных записках» (1872–1873).

…писклива была его речь… — Намек на скопчество менялы.

На арену вышел Грош… — См. ниже, комментарий к ст. 973.

Кто-то Утина Ермолову Уподобил… — Е. И. Утин (1843–1894) — адвокат и публицист, выступал в качестве защитника в нескольких политических процессах. А. П. Ермолов (1772–1881) — выдающийся полководец и дипломат.

Образец непроходимых Государственных нерях! — Очевидно, подразумевается адмирал К. Н. Посьет (1819–1899), назначенный в 1874 г. министром путей сообщения.

Прежний много лучше был… — Имеется в виду граф Л. П. Бобринский, предшественник К. Н.

Посьета на посту министра путей сообщения (см. ниже, комментарий к ст. 398–401).

Не сажал нас на мель в море… — «…командуя фрегатом, на котором находился великий князь, Посьет на Немецком море столкнулся с другим кораблем» (Витте, с. 250).

Адепты севера и юга. — Речь идет о сторонниках южного или северного направления проектируемой Сибирской железной дороги. Оживленная полемика по этому поводу, происходившая на съезде «Общества содействия русской торговле и промышленности» (26 марта —19 апреля 1875 г.), нашла широкое отражение в печати.

Немного фактов, бездна слов… — По свидетельству А. С. Суворина, «многие ораторы, говорящие за то или другое направление дороги, состоят на жалованье у предпринимателей и получают „выходные“ очень значительные; стало быть, каждое слово оплачено и каждый будущий пассажир будет платить известный процент за красноречие» (Незнакомец, с. 129).

Постлать соломки не мешает! — Указание на взяточничество, широко распространенное при проектировании и строительстве железных дорог.

(Так! Господин инженер! Благодарим за любез-

ность.) — Смысл этих строк в окончательном тексте неясен. Из сводной рукописи ЦГАЛИ (см.: Другие редакции и варианты, с. 484) следует, что они являлись ответом на слова некоего инженера, обращенные к князю Ивану:

[Князь, я сказал бы… но вы
Вряд ли поймете что… с жиру…]

Вечно мы будем ломать Едущим руки и ноги… — На страницах «Отечественных записок» неоднократно печатались статьи, разоблачавшие железнодорожные компании, которые в погоне за прибылью не заботились о безопасности движения. Так, Г. З. Елисеев писал: «Частые крушения на наших железных дорогах происходят главным образом от дурной их постройки. Со времени передачи постройки железных дорог в частные руки и со времени первого образца, данного для таких построек г. фон Дервизом в Рязанско-Козловской железной дороге, наши железные дороги строятся, так сказать, на живую нитку, лишь бы только сдать их. и чем далее, тем постройки производятся небрежнее» (ОЗ, 1876, № 2, с. 292; см. также: 1874, № 10, с. 146).

…дверь Для обмена мыслей гибельных… — Смысл этих строк уточняется при обращении

к черновой рукописи ЦГАЛИ: собеседники собираются шантажировать строителей, угрожая доносом на политическую неблагонадежность предприятия, дающего возможность будто бы «для обмена мыслей гибельных» (ср.: «Да! С идеей политической Сохрани господь шутить!» — Другие редакции и варианты, с. 453).

Современный Митрофан... — Имеется в виду А. М. Варшавский, один из крупнейших железнодорожных дельцов. Рядом с черновым наброском о Митрофане (Некрасов использовал имя героя комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль») в рукописи ГБЛ (см.: Другие редакции и варианты, с. 437) сохранилась запись, содержащая ряд сведений о Варшавском, в частности упоминание об ордене Почетного легиона, которым он был награжден за то, что обеспечивал французскую промышленность русскими заказами (ОЗ, 1874, № 11, с. 223).

Ведь я не отрицал у Душкиной таланта... — Душкина — петербургская актриса (см.: *Вольф А. И.* Хроника петербургских театров, ч. 1. СПб., 1877, с. 138).

Я только говорил, что Радина милей! — Л. П. Радина — солистка балета, «каждое появление на сцене которой встречалось восторженными рукоплесканиями» (Г, 1875, 21 февр., № 52)

Человека накачали ~ И во всем — художник!

По словам П. А. Ефремова, в реплике, принадлежащей «7-му голосу», идет речь о И. А. Варгунине, крупном железнодорожном дельце (Докл. РБО, с. 11). Слова князя Ивана «На французском масле…» также имеют в виду Варгунина (ср. прозаическую заметку в черновом автографе ГБЛ — Другие редакции и варианты с. 437).

Слыл умником и в ус себе не дул ~ И — наглупил на всю Россию! — Эти слова относятся к графу А. П. Бобринскому (1826–1894), бывшему в 1871–1874 гг. министром путей сообщения (см.: *Рейсер С. А.* Заметки о Некрасове. — Некр. сб., III, с. 349).

На Литейном такое есть здание… — На Литейном проспекте в Петербурге помещались судебная палата и окружной суд.

Суды?.. По платью приговор! А им любезны только полушубки. — Намек на статьи реакционных изданий, которые пользовались любым случаем, чтобы напасть на новые судебные учреждения (Московские ведомости, 1875, 28 мая, № 133; Гр, 1875, 6 апр., № 14, с. 351).

— Как!? Под арестом содержать Игуменью — честную Митрофантю?.. — Некрасов пишет о нашумевшем судебном процессе настоятельницы Митрофании (в миру — баронессы П. Г.

Розен), осужденной за мошенничества, подделку документов и т. п. «Редко у нас на Руси, — писал Н. А. Демерт, — чье-нибудь имя приобретало такую всенародную известность, какой теперь пользуется игуменья Митрофания» (ОЗ, 1874, № 11, с. 256).

Адвокатам одним только рай... — В 1875 г. споры о роли и назначении адвокатуры особенно усилились в связи с опубликованием статьи Е. Л. Маркова «Софисты 19 века» (Г, 1875, 5 и 6 февр., № 36 и 37). «Отечественные записки» в ряде выступлений резко критиковали беспринципность и корыстолюбие многих адвокатов тех лет *(Михайловский Н. К.* Записки профана. — ОЗ, 1875, № 6; *Головачев А. А.* Мысли вслух. — ОЗ, 1875, № 8; *Елисеев Г. З.* Внутреннее обозрение. — ОЗ, 1875, № 10).

Не люблю австрийца! ~ Ставили в полки! — Речь идет об австро-прусской войне 1866 г., которая окончилась поражением австрийцев. Одной из причин поражения было плохое вооружение австрийской армии.

Суетливый коммерсант... — Ф. П. Баймаков (1831–1907), банкир, основатель «Товарищества на вере — И. И. Жадимеровский, Ф. П. Баймаков и К°». Фирма приносила убытки, и для улучше-

ния своего финансового положения Баймаков в конце 1874 г. приобрел газету «С.-Петербургские ведомости» (см.: *Теплинский М. В.* К творческой истории поэмы «Современники». — Некр. сб., III, с. 353–356). «Такого развязного, откровенного, цинического зазывания на биржу, какое Ф. П. Баймаков в газете устроил, русская литература еще не видела», — писал Н. К. Михайловский в «Отечественных записках» (1875, № 7, с. 164). Ср. ниже, с. 615–616, комментарий к отрывку «Четыре месяца ты был… ~ В истории народной!..».

Ты Тиблену кумом был. — Н. Л. Тиблен — книгоиздатель. В 1868 г. бежал за границу, оставив неоплатные долги.

…моряк на суше… — К. Н. Посьет (см. выше, комментарий к ст. 275–276).

Был же Генкель, есть же Гоппе… — В. Е. Генкель (1825–1910), издатель, подобно Тиблену также сбежавший за границу (ОЗ, 1872, № 9, с. 74). Г. Д. Гоппе (1836–1885) — владелец издательской фирмы, безграмотный спекулянт, обиравший рабочих *(Михневич В. О.* Наши знакомые, с. 62–63; см. также: БВ, 1875, 18 мая, № 135).

А! Авраам-изыскатель! — Обращение это подразумевает С. С. Полякова (1837–1888), известного железнодорожного дельца. В сводной рукописи

ЦГАЛИ эта строка звучала так: «А! Соломон-изыскатель!» (см.: Другие редакции и варианты, с. 485; ср. запись о Полякове в черновом автографе ГБЛ — там же, с. 437).

На уме чины да куши… — Имеется в виду тот же С. С. Поляков. В наборной рукописи ЦГАЛИ (см.: Другие редакции и варианты, с. 503) было помечено, что эта реплика князя Ивана обращена «вдогонку тому же» (т. е. лицу, *навстречу* которому сказаны предшествующие слова князя Ивана «А! Авраам-изыскатель!..»). Из перечня эпизодов части 2 также следует, что комментируемый отрывок относится к Полякову, получившему в 1870-х гг. чин действительного статского советника (см. там же, с. 439). Сохранилась черновая заметка Некрасова: «Писарь — д<ействитель-ный> с<татский> с<оветник>, переписывавший всю жизнь <бумаги> только на высочайшее имя <Герд?>, негодует, что Полякова сделали д<ействительным> с<татским> с<оветником>. Что же такое заслуги на государственной службе после этого?» (ИРЛИ, ф. 203, № 42, л. 5 об.; ПСС, т. XII, с. 461).

«Спрос на водку и барду»… — Барда — отход спиртового производства при переработке зерна, картофеля; используется как корм для живот-

ных.

А у местного вопросы ~ Граф Давыдов, князь Лобанов оо *Не удавшихся пока.* — Граф В. П. Орлов-Давыдов (1809–1882), петербургский предводитель дворянства, и князь Н. Б. Лобанов-Ростовский выступили на Петербургском дворянском собрании, которое происходило весною 1875 г. (см. посвященную ему статью С. Н. Кривенко «В поисках за гражданским идеалом» — ОЗ, 1875, № 5) с проектами «всесословной волости», предлагая, чтобы помещики вновь получили полицейские права, как это было при крепостном праве, «...вопрос о всесословной волости, — говорил князь Лобанов, — затрагивает весь государственный строй. Благосостояние России зависит от того, будут ли руководить местным управлением люди имущие и образованные, или будет преобладать большинство — бедное и необразованное. Неужели придется видеть осуществление слов Гнейста: „Фанатизм социального равенства доведет до того, что местное управление перейдет в руки писарей“» (Прилож. к БВ, 1875, 22 марта, № 79). *Рудольф фон Гнейст* (1816–1895) — немецкий публицист, профессор римского права в Берлине.

Вся беда России В недостатке власти!.. — Краткое пародийное воспроизведение смысла

речи одного из самых реакционных ораторов, выступавших на Петербургском дворянском собрании, — А. П. Платонова (1808–1894), который восклицал под шумное одобрение слушателей: «Спросите у любого крестьянина, и они все вам скажут, что теперь порядка у нас нет, потому что нет власти. Дайте нам власть, говорят они. Я прибавлю — и это факт — мне самому крестьяне говорили: „Возвратите нам власть помещиков“» (Прилож. к БВ, 1875, 23 марта, № 80).

Даже божии стихии ~ Вихри, штормы, ураган. — Весною 1875 г. все русские газеты были переполнены сообщениями о стихийных бедствиях, обрушившихся на различные районы страны. Ср. упоминания о пожарах в первой части рассказа М. Е. Салтыкова-Щедрина «Сон в летнюю ночь» (1875).

«Пусть глас народа — божий глас ~ На благородное дворянство». — Пародия на речь князя Лобанова-Ростовского, который говорил: «Толпа <…> особенно необразованная, следует минутному увлечению и придерживается поговорки: глас народа — глас божий. Не забудьте, что глас народа требовал распятия Спасителя» (Прилож. к БВ, 1875, 11 марта, № 79). *Гедимин* (ум. 1341) — великий князь литовский, родоначальник многих

княжеских родов.

Прежде был — Денис Давыдов… — Д. В. Давыдов (1784–1839) — знаменитый партизан 1812 г., поэт.

Замечаю ренегатов Из семьи профессоров. — В 1870-х гг. часть профессоров различных высших учебных заведений принимала активное участие в деятельности банков, акционерных обществ и т. п. В связи с этим «Отечественные записки» писали: «Это — порождение новой большой промышленности; это — капиталистические слуги, капиталистические гарсоны…» (1874, № 9, с. 85).

Вот москвич — родоначальник Этой фракции дельцов… — Имеется в виду И, К. Бабст (о нем см.: наст. изд., т. II, с. 357, комментарий к стихотворению «Дружеская переписка Москвы с Петербургом»). В 1867 г. Бабст стал управляющим Купеческим банком. «И. К. Бабст, — писал Г. З. Елисеев, — только после основательного изучения — в качестве профессора политической экономии — всех способов производительнейшего употребления капиталов в стране переменил кафедру политической экономии на место директора банка, конечно, в удостоверение учащемуся юношеству, что в наше время нет ничего производительнее, как пристраивать свои капиталы в банке, а если можно — и самому там пристра-

иваться» (ОЗ, 1876, № 11, с. 136). В начале 1875 г. Бабст был награжден орденом Станислава первой степени (Г, 1875, 3 янв., № 3). В дальнейшем Некрасов снова вспоминает о Бабсте, именуя его Швабсом (см. ниже, с. 613, комментарий к ст. 167 Эпилога).

Искандер был друг его… — Искандер — А. И. Герцен.

Вот другой — слывет за чудо ~ Так же мягок, господа! — Речь идет о профессоре И. А. Вышнеградском (1831–1895), авторе работ по механике, директоре Технологического института, активном деятеле ряда акционерных обществ, впоследствии министре финансов. Из воспоминаний современников известно, что Вышнеградский умел говорить «бойко, витиевато, без запинки и без выбора доводов, — со ссылками на параграфы никогда вовсе не существовавших статей, уставов и положений („Я беру летучие цифры“, — оправдывался он, когда его ловили), но все это производило оглушительный треск, и спорить под этот треск охотников не находилось» *(Ковалевский П. М.* Стихи и воспоминания. СПб., 1912, с. 373). В особенности поражало современников низкопоклонство Вышнеградского перед плутократами. Н. К. Михайловский писал: «…г-н

Вышнеградский, отстаивая в общих собраниях привисленской железной дороги интересы своего патрона, г. Блиоха, и имея темперамент сангвинический, дошел наконец до того, что сам г. Блиох сказал ему публично и громогласно: тпру!» (ОЗ, 1874, № 11, с. 229). В рукописи ЦГАЛИ сохранилась черновая заметка Некрасова о Вышнеградском «Не всё ли равно ~ спец<иалист по> механике» (см.: Другие редакции и варианты, с. 435). *А. И. Бутовский* (1817–1890) — буржуазный экономист.

Будешь в славе равен Фидию, Антокольский! — Фидий — древнегреческий скульптор (5 в. до н. э.), давший в своем творчестве образцы искусства эпохи высокой классики. М. М. Антокольский (1843–1902) — известный русский скульптор.

И муж государственный тоже ~ Всегда ли достанет ее?.. — Судя по пометке Некрасова «Министр» в сводной рукописи ЦГАЛИ (см.: Другие редакции и варианты, с. 490), речг идет о министре внутренних дел, которым в те годы был А. Е. Тимашев (1818–1893).

Остзейский туз — барон фон Клоппенгорст, — На основании заметки Некрасова в черновой рукописи ГБЛ (см.: Другие редакции и варианты, с. 437) можно предположить, что баров К. К. Унгерн-Штернберг — один из прототипов баро-

на Клоппенгорста. Унгерн-Штернберг, бывший предводитель дворянства одной из прибалтийских губерний, «был в очень близких отношениях с императором Александром II» (Витте, с. 85). Занимал пост главного директора Одесской железной дороги. «Об его построй ках было помещено в периодических изданиях много статей, иг которых наиболее замечательною и едкою была статья Н. И. Ли-пина, назвавшего способ постройки дорог, заявленный Унгерн-Штернбергом, не „американским“, а „ревельским“» *(Дельвиг А. И,* Воспоминания, т. 3. М., 1913, с. 235).

Так шествовал в Россию «Монитор»… — Некрасов имеет в виду эпизод прибытия броненосца «Миантономо» в Кронштадт летом 1866 г. в составе американской эскадры, чтобы приветствовать Александра II по случаю его спасения от Каракозовского выстрела.

Эдуард Иваныч Грош… — Первоначально Некрасов хотел указать на родство этого персонажа с министром финансов М. Х. Рейтерном (1820–1890) (см.: Другие редакции и варианты. с. 491, вариант а. к ст. 1022–1024). Возможно, что одним из прототипов образа Гроша был М. И. Кази (1835–1896). «Грек по происхождению, он представляет собой колонновожатая того — гешефтмахерского

нашествия „двунадесяти языков“ на наши „естественные богатства“, которое имеет в предмете конечно: пленение и „мужицкого алтына“ и „дворянского рубля“. Г-н Кази — „делец“ на все руки: он и заводами управляет, и корабль строит, и на бирже „свой человек“, и по части „проведения“ де в подлежащих сферах маг и волшебник, и в „обществе поощрения торговли и промышленности“ — первый запевало и виртуоз в музыке протекционизма и капитализма» *(Михневич В. О.* Наши знакомые, с. 96–97). Показательно, что при характеристике Кази Михневич пользуется цитатами из «Современников».

Он туда протиснет взятку, Что руками разведешь!.. — По справедливому предположению К. И. Чуковского, это указание на взяточничество самых высших представителей царской администрации, вплоть до членов императорской фамилии (ПСС, т. III, с. 606–607). Военный министр Д. А. Милютин писал в своем дневнике, что Александр II был «чужд самым элементарным началам честности и бескорыстия. <…> С ведома высших властей и даже по высочайшей воле раздавались концессии на железные дороги фаворитам и фавориткам прямо для поправления их финансового положения, для того именно,

чтобы несколько миллионов досталось в виде барыша тем или другим личностям» (Дневник Д. А. Милютина, т. 1. М., 1947, с. 162; см. также: Дельвиг, с. 18, 461; *Феоктистов Е. М.* За кулисами политики и литературы. Л., 1929, с. 306–312).

…новый гость явился… — Имеется в виду Б. И. Ламанский (1825–1902), управляющий Государственным банком, могущественный покровитель различных частных банков, обществ взаимного кредита, акционерных компаний, в которых он сам принимал деятельное участие, писатель по финансовым вопросам. В прессе отмечалось, что «он пользуется неограниченным доверием министра финансов <…> он необходимый для всех финансовых учреждений и предприятий советчик <…> все немецкие, еврейские и русские банкиры считают его своим другом. При такой счастливой в финансовом отношении обстановке г. Ламанский все может: захочет он погибели любого банка, он только дунет, и банк погиб, захочет он его процветания — банк цветет и растет» (Гр, 1875, 6 апр., № 14, с. 338). См. заметку о Ламанском в черновой рукописи ЦГАЛИ (Другие редакции и варианты, с. 434).

Золото клюет — Возвращает… ассигнации! — Е. И. Ламанский злоупотреблял предоставленным

Государственному банку правом выпускать кредитные билеты (см.: *Скальковский К.* Наши государственные и общественные деятели. СПб., 1890. с. 38).

А в душе — идеалы Плотицына! — Плотицын М. К. - богатейший купец, глава тамбовских скопцов, хранитель общественного скопческого капитала. О нашумевшем «плотицынском деле» писали в феврале-апреле 1869 г. многие газеты («Голос», «Современные известия», «С.-Петербургские ведомости»).

Нужно выждать: не созрели... — Намек на фразу, которой Е. И. Ламанский прославплся в свое время. В конце 1859 г. в петербургском Пассаже состоялся диспут, посвященный деятельности Русского общества пароходства и торговли. Диспут был таким шумным, что председатель — Е. И. Ламанский — закрыл заседание, заявив, что «мы еще не созрели» для публичного обсуждения общественных дел. Диспуту была посвящена статья Н. А. Добролюбова «Любопытный Пассаж в истории русской словесности». Фраза Ламанского неоднократно обыгрывалась в «Свистке» (Добролюбов, т. VII, с. 395, 404–407, 415, 426).

Экс-писатель бледнолицый, Появился Пьер Кульков... — Имеется в виду П. М. Ковалевский

(1823–1907), поэт, беллетрист, художественный критик либерального направления. В 1870-е гг. занимался также коммерческой деятельностью. «Мрачный поэт и экс-романист, громивший некогда акционерные порядки и протестовавший против поклонения золотому тельцу, П. М. Ковалевский ныне благополучно восседает в правлениях трех железных дорог, расположенных в трех различных углах нашего обширного отечества» (НВ, 1876, 22 янв., № 21). А. Ф. Кони рассказывал, что Ковалевский узнал себя в Пьере Кулькове и даже ответил Некрасову стихами, которые начинались так; «Экс-писатель бледный Смеет вас просить…» *(Чуковский К. И.* Некрасов. Л., 1926, с. 106).

Вожделений плутократа, Так сказать, апофеоз Совмещал в себе фон Руге… — Речь идет о П. Г. фон Дервизе (ум. 1881), известном железнодорожном дельце, купившем в Италии на награбленные в России деньги великолепную виллу Роза (в поэме — вилла Мирт). Построенная фон Дервизом Рязанско-Козловская дорога обошлась чрезвычайно дорого (ОЗ, 1875, № 4, с. 316). Фон Дервиз упомянут и в черновом автографе ЦГАЛИ (см.: Другие редакции и варианты, с. 432).

…Великий муж! И миллиарда Увезенного не

жаль!.. — 9 марта 1875 г. катковская газета «Московские ведомости» поместила статью, рекламирующую деятельность фон Дервиза. В статье утверждалось, что если он и составил себе громадное состояние, «то и этого следовало ожидать в видах общей пользы». См. отклик на эту статью в стихотворении В. С. Курочкина «Немец обезьяну выдумал» (БВ, 1875, 23 марта, № 21).

...оркестру внемлет solo... — «Дервиз, — писал С. Ю. Витте, — от той роскоши и богатства, которыми он пользовался в Италии благодаря состоянию своему, совершенно сбрендил. Так, например, он держал большую оперу исключительно для самого себя и очень редко кого-нибудь приглашал, между тем как каждый день ему давали то или иное представление» (Витте, с. 122).

Катастрофою Седана. — После грандиозного поражения под Седаном во время франко-прусской войны (1870) Франция капитулировала; правление Наполеона III сменилось республикой.

Где купить высокий сан? — Фон Дервиз предпринимал попытки купить какой-нибудь иностранный титул. «Ты ищешь, — писали о нем в русской прессе, — за дорогую плату купить громкий, но ничего не выражающий титул ка-

кого-нибудь итальянского маркиза или графа и пренебрегаешь теми выразительными титулами, которыми по сравнительно дешевому курсу награждают тебя благодарные соотечественники» (Дело, 1876, № 10, с. 461).

Дайте мне его мильоны ~ Соединим! — В этом эпизоде речь идет о Н. И. Путилове, который действительно собирался устроить неподалеку от одного из своих заводов громадный порт. По воспоминаниям современников, Путилов считал, «что если Петр Великий „прорубил окно в Европу“, то он портом своим прорубит дверь» (РА, 1895, № 2, с. 233; см. также: *Мительман М., Глебов В., Ульянский А.* История Путиловского завода. М., 1961, с. 25–35). *Черная речка* — узкий и мелкий приток Невы.

Металлических заводов С пивоваренным котлом… — При строительстве металлических заводов разрешалось ввозить железо из-за границы без пошлины. Этим нередко пользовались спекулянты, сооружавшие фиктивные металлические заводы. Ср. заметку в черновом автографе ЦГАЛИ (Другие реакции и варианты, с. 435).

А людей с сумой пускал. — «Отечественные записки» с возмущением писали о той эксплуатации, которой подвергались рабочие на заводах

Путилова (1873, № 9, с. 81).

У него своя контора «Переписки векселей»… — Н. И. Путилов «представлял свои дела блестящими, но в действительности отовсюду грозили подачею его векселей ко взысканию, и он целые дни и часто ночи шнырял повсюду, отыскивая деньги, чтобы удовлетворить своих кредиторов…» *(Дельвиг А. И.* Воспоминания, т. 4. М., 1913, с. 363).

Простроить — израсходовать деньги на строительство.

Эпилог

Ушел Эфруси, важный грек… — Эфруси — банкир (ЛН, т. 51–52, с. 153).

Миллионщик-мукомол… — Имеется в виду С. Т. Овсянников, купец-миллионер. В начале 1875 г. из корыстных соображений организовал поджог большой паровой мельницы в Петербурге, за что был предан суду. Овсянников упоминается и в черновом автографе ЦГАЛИ (см.: Другие редакции и варианты, с. 432, 434).

Ученый Швабе… — И. К. Бабст (см. выше, комментарий к ст. 791–792 части 2). Строчками о Швабсе Некрасов воспользовался для эпиграммы, произнесенной им 20 мая 1875 г. при избрании Бабста в члены Литературного фонда (ЛН, т. 51–52, с. 538).

Говаривал Володя Перелешин. — Возможно, некоторый материал для создания этого образа Некрасову дал князь А. И. Урусов (1843–1900), один из известных русских адвокатов. В своей адвокатской практике Урусов придерживался принципа «Не бичевать, жалеть должны мы вора». На одном из процессов, вспоминал А. Ф. Кони, он дал тонкий анализ «самого драгоценного дара, приносимого защитой уголовному праву, — сознания и раскаяния подсудимого» *(Кони А. Ф.* На жизненном пути, т. I. СПб., 1912, с. 480); ср. в поэме: «Кто низко пал — воспрянуть может вновь». В 1871 г. Урусов участвовал в нечаевском процессе в качестве защитника одного из подсудимых. За речь, произнесенную на этом процессе, он был выслан из Петербурга. Только несколько лет спустя, после того как Урусов написал царю верноподданническое письмо, он смог поступить в Риге в канцелярию местного генерал-губернатора (см.: *Урусов А. И.* Статьи, письма, воспоминания, т. 1. М., 1907, с. 12). Это произошло в январе 1875 г. Товарищем прокурора он стал только в марте 1876 г., так что Некрасов по существу предугадал судьбу одного из либеральных адвокатов, вступившего в сделку с царским самодержавием. П. Д. Боборыкин вспоминал, что Урусов именно для

того, «чтобы освободиться от ссылки, пошел в прокуроры, откуда его не сразу пустили в адвокаты» (там же, т. 3, с. 404).

Граф Твердышов ~ Отяготил крестьянские налоги… — Речь идет о князе П. Н. Трубецком (1827–1880), придерживавшемся либеральных убеждений, что не помешало ему на «земские» (т. е. крестьянские по существу) деньги построить в компании с И. А. Варгуниным железную дорогу от Осташевской станции до г. Торжка длиною в 32 версты (см.: *Гейлер И. К.* Сборник сведений о кредитных бумагах. СПб., 1871, с. 362). Вскоре после открытия Новоторжской дороги Н. А. Демерт в «Отечественных записках» писал, что она «не только не оправдала возлагаемых на нее ожиданий, но совершенно уничтожила веру в ее необходимость. У нее нет ни пассажиров, ни товара, и она, надобпо ожидать, в скором времени кончит свое существование» (1871, № 5, с. 47). Ср. заметку о Трубецком в черновом автографе ГБЛ (Другие редакции и варианты, с. 437).

На Западе — Мишле, Эдгар Кине… — *Ж.* Мишле (1798–1874) — французский историк и писатель. Э. Кине (1803–1875) — французский политический деятель и историк. Незадолго до начала работы Некрасова над «Современниками» Мишле и Кине

были упомянуты в «Отечественных записках» как борцы за республику, враги монархии и духовенства (1874, № 3, с. 158; 1875, № 4, с. 288–290). См.: *Верховский Г. П.* Н. А. Некрасов и Жюль Мишле. — О Некр., вып. III.

На спине туза бубнового Мы увидим… — Туз бубновый — суконный лоскут красного или оранжевого цвета, который пришивался на халат каторжников.

Гриша — образчик широких натур ~ А без Зацепы не смей и соваться… — Первоначально Некрасов предполагал более полно разработать биографию Зацепина, о чем свидетельствует его заметка в черновом автографе ЦГАЛИ (см.: Другие редакции и варианты, с. 434).

Из поэмы «Мать»[*]

Печатается по ОЗ, 1877, № 3, с. 297–306, с восстановлением и исправлением ст. 90–93, 124, 170, 235, 240–243, 255, 258, вписанных автором в ныне утраченный собственный экземпляр ПП, по письму А. А. Буткевич к С. И. Пономареву от 12 мая 1878 г. (ИРЛН, Р. II, оп. 1, № 40, л. 13; опубликовано: ЛН, т. 53–54, с. 173; Некр. сб., III, с. 265).

Впервые опубликовано: ПП, с. 149–166, с датой: «9-го февраля 1877», без ст. 90–93, 240–243 и с искажением ст. 124, 170, 255, 258 (перепечатано: ОЗ,

1877, № 3, с датой: «9 февр. 1877 г.» и подписью: «Н. Некрасов»).

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1861, ч. 1, с. 246–247 — фрагмент, соответствующий ст. 1-12, 31–34, под заглавием: «Начало поэмы»; Ст 1869, ч. 4, с. 246–247 — фрагмент «Та бледная рука, ласкавшая меня…», соответствующий ст. 187–203, с подзаголовком: «Из поэмы „Мать“»; Ст 1879, т. III, без ст. 241 (перепечатано: ПССт 1886, включая искаженный ст, 241, частично исправленный затем в ПСС, т. III).

Первоначальные наброски поэмы, относящиеся к середине 1850-х гг., - ИРЛИ, ф. 203, № 14, л. 2 и об. (опубликованы К. И. Чуковским: Наш век, 1917, 24 дек., № 22).

Черновой автограф с датой: «18 дек<абря> вечер», относящийся, по-видимому, к концу 1850-началу 1860-х гг., - ИРЛИ, ф. 203, № 14. Писан чернилами, с правкой и композиционными перестановками, состоит из двух частей. Первая, соответствующая ст. 1-12 и 31–34 окончательной редакции, носит вполне законченный характер и совпадает с печатным фрагментом «Начало поэмы». Вторую составляют несколько набросков разной степени завершенности, послуживших основой для печатного фрагмента «Та бледная

рука, ласкавшая меня…».

Корректура новой редакции поэмы под заглавием: «Песнь первая», предназначенной для «Отечественных записок», — ЦГАЛИ, ф. 338, оп. 1, № 16. Поэме предпосылался эпиграф из Пушкина: «Надо мной Младая тень уже летала…». «Песнь…» членилась на нумерованные римскими цифрами строфы-восьмистишия. Корректура с набросками на полях носит следы значительной правки карандашом. Из восьми строф «Песни…» были выправлены и подготовлены к печати пять. Строфы VII и VIII («Письмо») отчеркнуты на полях вертикальной чертой с пометой: «До след. номера», строфа III забракована целиком. Строфы V и VI помечены на полях цифрами «2» и «1»; здесь же указание для наборщика: «Переставь 1, 2». Под строфой V приписка: «Эта строфа последняя на эту книжку. Оставьте строфу VI и под ней: (продолжение впредь)». Под текстом «Песни первой» еще помета: «ОЗ. Поместить *Вступление,* а это — сводку — показать мне. Начало у вас, или я свой оттиск где-то забросил. Оно выправлено».

В качестве «Вступления» Некрасов предполагал поместить «Начало поэмы» из Ст 1861, для чего вместо утерянного оттиска использовал копию этого текста (чернилами, рукою неизвестного

переписчика, с авторской правкой и пометами карандашом), — ИРЛИ, ф. 134, оп. 11, № 5а. Копия эта соответствует ст. 1-12, 31–34 окончательной редакции с отличием в ст. 34. Над текстом поэт написал: «„Моя мать“ — крупно. „Поэма“ — тоже, но не очень. „Вступление“ — как было набрано „Песнь первая“».

Корректура сокращенной редакции поэмы под заглавием: «Затворница. (Сон)», правленная автором, с датой: «28 января 1877», — ИРЛИ, 2408. Текст «Затворницы» впервые опубликован: Ст 1879, т. IV, с. 129–131. «В таком виде, — писала А. А. Буткевич. о поэме в этом варианте издателю Ст 1879 С. И. Пономареву 12 мая 1878 г., - она была написана в январе 1877 г. В то время брат был уже очень болен и страшно торопился — все боялся, что не успеет кончить, и велел напечатать хотя так, чтобы быть спокойным, а потом уже по мере сил разработал подробнее» (ЛН, т. 53–54, с. 171). Подробнее о «Затворнице» см. в статье Ж. Ф. Ананьиной в кн.: Некр. и его вр., вып. 1, с. 57–59. На Обороте корректуры «Затворницы» авторские карандашные наброски окончательного варианта поэмы.

Замысел эпического произведения, посвященного памяти матери, возник у Некрасова, по всей

вероятности, в середине 1850-х гг., о чем свидетельствуют первоначальные наброски ИРЛИ, По содержанию и основным мотивам близкие части 2 окончательного текста (ср. также с частью 1 поэмы «Несчастные»). Картины, изображающие бесчинства отца и страдания матери героя-повествователя, довольно точно воспроизводят быт семьи поэта в Грешневе, хотя автор свободно сближает факты, хронологически отдаленные.

Публикация фрагментов «Начало поэмы» и «Та бледная рука ласкавшая меня...» в 1860-е гг. свидетельствует, с одной стороны о том, что работа над поэмой приостановлена, а с другой — о том что замысел ее продолжает занимать Некрасова.

Автор вновь обратился к давнишнему замыслу поэмы о матери незадолго до своей смерти. Отказавшись от натуралистически точного описания быта грешневской усадьбы Некрасовых и биографических подробностей, поэт размышляет над эпическим произведением, в котором судьба многострадальной женщины-матери раскрывается на фоне жизни угнетенного народа. Эволюцию замысла помогает проследить корректура «Песни первой», представляющей собой новый вариант части 2 поэмы.

В начале 1877 г. Некрасов создал сокращенную

редакцию поэмы о матери «Затворница. (Сон)» (см.: Другие редакции и варианты, с. 513–516). Подготовив «Затворницу» к печати, поэт продолжал работу над поэмой и завершил ее не более чем за десять дней.

В начале марта 1877 г. поэма была сдана в печать. «Отечественные записки» и «Последние песни» набирались одновременно. «Последние песни» вышли в свет 2 апреля (см.: Г, 1877, 3 апр., № 91), а мартовский номер «Отечественных записок», задержанный цензурой, несколько позже (РМ, 1877, 24 апр., № 108).

Некрасову не удалось в полной мере выполнить свой замысел. 14 июня 1877 г. он записал в дневнике: «Вообще из страха и нерешительности и за потерею памяти я перед операцией испортил в поэме „Мать“ много мест, заменил точками иные строчки» (ПСС, т. XII, с. 26). На экземпляре «Последних песен», подаренном И. Н. Крамскому, работавшему в 1877 г. над портретом Некрасова, автор сделал надпись: «Некоторые из замененных здесь точками мест можно восстановить только по корректурам, в иных же местах точки поставлены за недостатком связи в отрывках» (ЛН, т. 49–50, с. XXIII).

Поэма посвящена Елене Осиповне Лихачевой

(1836–1904), сотруднице «Отечественных записок», автору ряда статей по женскому вопросу и трехтомной монографии «Материалы для истории женского образования в России» (СПб., 1890). По свидетельству А. А. Буткевич, поэма была уже напечатана с посвящением сестре, но Некрасов снял его, заменив посвящением Лихачевой (см.: ЛН, т. 53–54, с. 172).

Современное некрасоведение располагает очень скудными и противоречивыми сведениями о происхождении и судьбе матери Некрасова. Из документов известно лишь, что дочь титулярного советника Андрея Семеновича Закревского Елена, православная, родившаяся в 1801 г., была обвенчана с поручиком 28 Егерского полка Алексеем Сергеевичем Некрасовым 11 ноября 1817 г. в местечке Юзвине Винницкого уезда Каменец-Подольской губернии. Полк А. С. Некр&сова стоял в это время в г. Литине той же губернии. После выхода А. С. Некрасова в отставку семья переехала в родовое поместье Некрасовых Грешнево Ярославской губернии. В имении мужа жизнь Елены Андреевны протекала в атмосфере дикого произвола невежественного и грубого помещика. Сохранилось немало свидетельств самого Некрасова и его современников о тяжелой, затворниче-

ской жизни матери поэта и ее исключительной роли в формировании его души. Воспоминания о матери запечатлены в стихотворениях Некрасова «Родин», «Несчастные», «Рыцарь на час», «Баюшки-баю» и др. Образ гуманной женщины-страдалицы рисуют и воспоминания крестьян — бывших крепостных Некрасовых (большая часть из них пригодится в кн.: *Евгеньев-Максимов В.* Н. А. Некрасов. М., 1914, с. 22–26). Е. А. Некрасова умерла внезапно 29 июля 1841 г., за три дня до приезда поэта на свадьбу сестры Елизаветы. После смерти жены отец Некрасова ввел в дом и сделал домоправительницей приглянувшуюся ему крестьянскую девушку Аграфену Федорову (ПСС, т. X, с. 27, 29; Киевская старина, 1903, № 1, с. 180; О Некр. вып. II, с. 267–272); ее имя встречается в первоначальных набросках поэмы (см.: Другие редакции и варианты, с. 509). С 1877–1878 гг. в литературе сосуществуют две версии о происхождения матери Некрасова. Сам поэт в автобиографических заметках 1877 г. и, с его слов, биографы М. М. Стасюлевич, А. Михайлов, П. А. Гайдебуров, А. М. Скабичевский и некоторые мемуаристы утверждали, что мать Некрасова, в католичестве Александра, родилась в Варшаве, в семье польского аристократа Закревскою, и

А. С. Некрасов, увезя ее вопреки воле родителей прямо с балл, обвенчался с ней по дороге в свой полк (ПСС, т. XII, с. 15; Р. б-ка, с. III; На память о Н. А. Некрасове. СПб., 1878, с. 9, 62; ОЗ, 1878, № 5, с. 96; Kraj, 1883, № 49, с. 19–20). Согласно другой версии, мать Некрасова происходила из семьи небогатого украинского помещика, скромного секретаря Брацлавского городского магистрата, некогда жившего в Варшаве (Неделя, 1878, 6 авг., № 32; Новости и Биржевая газета, 1883, 15 мая, № 43; Сев. край, 1903, 25 янв., № 23; Przeglad Ilumanistyczny, 1971, No VI, с. 153–179). В современной биографической литературе о Некрасове принята последняя, «малороссийская» версия (см.: *Евгеньев-Максимов В.* Жизнь и деятельность Некрасова, т. I. М.-Л., 1947, с. 67–68; *Жданов В.* Некрасов. М., 1971, с. 7).

В основу поэмы лег «польский» вариант происхождения матери Некрасова. Работая над ее центральным образом, автор стремился подчеркнуть активность героини, усилить звучание темы борьбы с деспотизмом и социальным гнетом. «Обратите внимание, — писала сестра поэта С. И. Пономареву, — на противоречие: в „Затворнице“ сказано: „Ты палача покорством не смягчила“. В большой поэме: „У ног твоих детей твоих отец“.

В действительности первое ближе к правде, но брат почему-то изменил…» (ЛН, т. 53–54, с. 173).

В. П. Ройзман обращает внимание на перекличку некоторых черт героини и отдельных ситуаций поэмы и первого самостоятельного романа Ж. Санд «Индиана», опубликованного в 1832 г. (Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та, 1957, т. 150, вып. 2, с. 200–208). Очень немногие сюжетные совпадения чисто типологического характера в столь различных произведениях не позволяют считать роман Ж. Санд литературным источником поэмы Некрасова.

В периодической печати поэма была встречена положительными отзывами и воспринята как «поэтическая автобиография» умирающего Некрасова (НВ, 1877, 5 апр., № 394; ВЕ, 1877, № 5, внутренняя сторона задней обложки; СПбВ, 1877, 22 мая, № 145; Свет 1877, № 5, с. 107–108). Отражение в ней «польского вопроса» вызвало неприязненную реакцию «Русского мира» (1877, 24 апр. № 108). Публичные чтения поэмы «Мать» и попытки включить её в список произведений Некрасова, рекомендованных для народных библиотек, вызывали особое внимание царской охранки и цензуры (ЛН, т. 53–54, с. 270; Учен. зап. Калининград. гос. пед. ин-та, 1961, вып. 9, с. 31).

В 1886 г. во Львове был издан польский перевод поэмы: «Мать». По просьбе Некрасова, подарившего переводчику экземпляр «Последних песен», его осуществил Генрих Квятковский (см: Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego, 1953, № 5, с. 37).

Я посетил деревню, нивы, Волгу ~ Уж *не на то ль дана мне жизнь моя?* — Ср. этот эпизод с другой картиной свидания с Волгой в начале третьей главы стихотворения «На Волге» (см.: наст. изд., т. II, с. 88). *Расшивы* — плоскодонные речные парусные суда; *коноводки* — большие барки, приводимые в движение конною тягою.

Тальки — большие мотки пряжи, ниток.